

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

На правах рукописи

Довлатов Александр Николаевич

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ,
СВЯЗАННЫМ С МОНОПОЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ И
НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор
Ильяшенко Алексей Николаевич

Краснодар – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией	23
1.1. Монополистические действия и недобросовестная конкуренция: понятие и нормативное регулирование	—
1.2. Социально-правовая обусловленность криминализации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией	41
1.3. Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за преступления, посягающие на свободу конкуренции	54
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией	76
2.1. Ограничение конкуренции	—
2.2. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)	99
2.3. Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну	120
Глава 3. Основные направления оптимизации мер уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией	135
3.1. Особенности квалификации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией	—

3.2. Перспективные пути совершенствования отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией	148
Заключение	168
Список литературы	186
Приложение	214

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Процессы глобальной цифровизации, охватившие в последние десятилетия практически все сферы жизнедеятельности человека и общества, стали катализатором глубинных структурных преобразований в экономике, в частности в области торговли товарами и услугами. Классические модели свободных рыночных отношений сталкиваются с новой реальностью, в которой значительная, а по некоторым сегментам и преобладающая, доля экономических операций осуществляется в формате электронной конкуренции. Данный тренд получил мощный импульс благодаря стремительному развитию и доминированию цифровых многосторонних платформ (маркетплейсов), которые трансформируют традиционные цепочки создания стоимости и кардинально меняют поведение потребителей, поставщиков и посредников.

В связи с этим происходит вынужденная и зачастую болезненная трансформация классических каналов сбыта, которым приходится адаптироваться к диктату цифровой среды. Параллельно наблюдается качественное изменение самой природы конкурентной борьбы. Конкуренция интенсифицируется не только внутри электронной коммерции и традиционной торговли, но и между этими двумя моделями, формируя все более выраженное их конкурентное противостояние. Цифровая среда, характеризующаяся высокой скоростью взаимодействий, глобальным охватом и специфическими алгоритмическими механизмами, породила ранее неизвестные формы и методы ограничения конкуренции. Агрессивные маркетинговые стратегии, манипуляция рейтингами и отзывами, злоупотребление доминирующим положением платформ – все это зачастую обретает черты недобросовестной конкуренции, находящей в инфраструктуре онлайн-платформ новое, масштабируемое и сложно регулируемое пространство для реализации.

Столь динамичные изменения в экономических отношениях не могли остаться без ответа со стороны законодателя. Наблюдается активная, хотя и не всегда синхронная, адаптация антимонопольного законодательства к вызовам цифровой экономики. Эволюция материального права закономерно повлекла за собой необходимость реформирования уголовно-правовых механизмов защиты конкурентной среды. Это находит прямое отражение в последовательных коррективах норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), направленных на оптимизацию ответственности за наиболее общественно опасные нарушения в данной сфере. Так, были внесены существенные изменения в статьи, предусматривающие ответственность за ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ, редакции 2015 г.), незаконное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ, редакции 2024 г.), а также за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны (ст. 183 УК РФ, редакции 2021 г.).

Указанные законодательные новации, однако, не всегда поспевают за скоростью появления новых схем нарушений, а их правоприменительная практика сталкивается с существенными трудностями интерпретации. В этой ситуации становится очевидным нарастающий разрыв между быстро трансформирующимися общественными отношениями в сфере защиты конкуренции и сложившимся доктринальным аппаратом уголовного права. Существующие теоретические конструкции требуют критического переосмысления и развития применительно к реалиям цифровой экономики, включая уточнение объектов уголовно-правовой охраны, признаков составов преступлений, критериев их отграничения от гражданско-правовых и административных деликтов.

Таким образом, совокупность изложенных факторов – революционное воздействие цифровых технологий на рынки, появление новых высокотехнологичных форм антиконкурентных практик, реактивное реформирование законодательства и возникающие при этом правовые коллизии –

с объективной необходимостью диктует потребность в специальном комплексном уголовно-правовом научном исследовании. Его цель – изучение новых угроз конкурентной среде, анализ эффективности обновленных уголовно-правовых норм и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию механизмов уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с монополистической деятельностью и недобросовестной конкуренцией в условиях цифровой трансформации экономики. Это определяет высокую актуальность, теоретическую и практическую значимость избранной темы диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. В уголовно-правовой науке сформированы фундаментальные теоретические основы уголовно-правовой охраны свободной конкуренции благодаря трудам таких ученых, как Б.В. Волженкин, А.И. Клепицкий, А.П. Кузнецов, В.Д. Ларичев, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимов, Т.В. Пинкевич, Е.А. Русскевич, Т.Д. Устинова, И.В. Шишко, П.С. Яни, Б.В. Яценко и др.

В последние годы проблемам противодействия ограничению конкуренции были посвящены диссертации Д.Б. Лаптева (2016 г.), О.Е. Деревягиной (2021 г.), Р.А. Жабagiнова (2021 г.). Проблемы незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) исследовались в диссертации Л.К. Никитиной (2010 г.). Вопросы ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, изучались в трудах С.А. Гончарова (2019 г.), С.В. Карташова (2019 г.). В диссертации А.В. Даниловской раскрыты концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции (2024 г.).

В то же время комплексного уголовно-правового исследования проблем противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, не проводилось. В указанных трудах рассматривались лишь отдельные уголовно-правовые аспекты защиты

конкуренции без учета современного уровня цифровизации экономических отношений.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений, состоящих в монополистических действиях и недобросовестной конкуренции, регламентацией уголовной ответственности за совершение таких преступлений и их уголовно-правовой оценкой.

Предметом диссертационного исследования выступают уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 178, 180, 183 УК РФ, устанавливающие ответственность за монополистические действия и недобросовестную конкуренцию; вопросы дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления; проблемы их квалификации; смежное отечественное законодательство; зарубежное уголовное законодательство; материалы правоприменительной практики; статистические данные о рассматриваемых преступлениях; труды специалистов по теме научного исследования.

Цель диссертационного исследования – комплексная разработка уголовно-правовых аспектов противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, научное обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства в этой сфере и практики его применения, получение нового научного знания по поводу совершения рассматриваемых преступлений и противодействия им.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих **основных задач**:

определить понятия монополистических действий и недобросовестной конкуренции и охарактеризовать особенности нормативного регулирования их запрета;

раскрыть социально-юридические факторы, обуславливающие криминализацию преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией;

выявить положительный зарубежный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям, посягающим на свободу конкуренции;

установить особенности уголовно-правовой характеристики состава ограничения конкуренции;

раскрыть современную специфику объективных и субъективных признаков состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг);

сформулировать уточненное понимание признаков состава незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну;

выявить особенности квалификации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией;

разработать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, и практики его применения.

В качестве **нормативной базы диссертационного исследования** выступают Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и иные нормативные правовые акты. Компаративные аспекты исследования потребовали обращения к зарубежному уголовному законодательству.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, социологии, политологии, криминологии. Среди уголовно-правовых публикаций,

непосредственно относящихся к теме диссертационного исследования, необходимо выделить труды Б.В. Волженкина, С.А. Гончарова, А.В. Даниловской, О.Е. Деревягиной, Р.А. Жабагинова, С.В. Карташова, А.И. Клепицкого, А.П. Кузнецова, Д.Б. Лаптева, В.Д. Ларичева, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимова, Л.К. Никитиной, Т.В. Пинкевич, Е.А. Русскевич, Т.Д. Устиновой, И.В. Шишко, П.С. Яни, Б.В. Яценко и др.

Эмпирической основой диссертационного исследования выступили статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ; результаты изучения материалов судебной практики, относящейся к теме исследования; 163 уголовных дела о преступлениях, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией (58 уголовных дел по ст. 178 УК РФ, 69 уголовных дел по ст. 180 УК РФ и 36 уголовных дел по ст. 183 УК РФ); данные опроса 164 сотрудников правоохранительных органов (24 мировых и 49 федеральных судей, 65 следователей и 26 дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации). При подготовке диссертации использовались результаты исследований, выполненных другими авторами.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания. Специфика объекта и предмета диссертации предопределила необходимость использования ряда частнонаучных методов, характерных для юридических исследований (формально-юридический, системно-структурный, моделирование, логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертный опрос).

Научная новизна диссертационного исследования определяется комплексным и системным подходом к анализу уголовно-правового противодействия преступлениям, посягающим на конкурентные отношения, в условиях цифровой трансформации экономики.

В результате проведенного исследования установлено, что современная система уголовно-правовой охраны конкуренции характеризуется структурной

разрозненностью и существенным отставанием от развития рыночных отношений, что проявляется в узком круге криминализированных деяний (картели, отдельные формы недобросовестной конкуренции) на фоне широкого антимонопольного запрета. Выявлен и раскрыт правоприменительный диссонанс, возникающий из-за отсутствия синхронного обновления уголовного закона при активной адаптации антимонопольного законодательства к вызовам цифровой экономики.

Определена и научно обоснована качественно новая природа общественной опасности монополистических действий и недобросовестной конкуренции в цифровую эпоху. Она характеризуется не просто увеличением ущерба, а формированием системной угрозы основам конкурентного порядка в результате масштабируемости, алгоритмизации, повышенной латентности и необратимости последствий цифровых нарушений.

На основе компаративного анализа выявлены и систематизированы альтернативные модели криминализации, представляющие интерес для совершенствования отечественного уголовного права. Среди перспективных зарубежных подходов к уголовно-правовой охране конкуренции выделены: расширение объекта защиты за пределы картелей и использование административной преюдиции для укрепления антимонопольного контроля (УК Узбекистана); построение системного запрета различных форм недобросовестной конкуренции (УК Молдовы); акцент на узкоспециализированные и формальные составы, которые упрощают правоприменение и защищают конкуренцию через криминализацию коррупции в частном секторе (УК ФРГ); установление ответственности за неисполнение предписаний антимонопольных органов и за умышленное искажение рыночной информации, что в совокупности направлено на охрану функциональности рыночного механизма как публичного блага (УК Латвии и УК Нидерландов).

Дана развернутая современная уголовно-правовая характеристика ключевых составов. В частности, для ст. 178 УК РФ уточнена структура объекта, а также

выявлена и проанализирована основная квалификационная проблема установления фактической (а не формальной) конкурентности субъектов сговора в условиях сложных корпоративных структур. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 180 УК РФ, обоснована позиция, согласно которой основным объектом преступления выступают отношения добросовестной конкуренции, нарушаемые путем «паразитирования» на чужом средстве индивидуализации, а также выработаны рекомендации по квалификации новых форм нарушений в цифровой среде (например, неправомерное размещение маркетплейсом пометки «оригинал»). Определено, что основным непосредственным объектом состава преступления, регламентированного ст. 183 УК РФ, являются отношения по охране специальных видов тайн, а конкурентные отношения выступают факультативным объектом, что предопределяет правила квалификации по совокупности со смежными составами.

Сформулированы универсальные правила квалификации преступлений данной группы. Доказано, что нормы об ответственности за монополистические действия и недобросовестную конкуренцию, а также смежные с ними составы (ст. 138, 272¹, 201, 285 УК РФ) не находятся в отношениях конкуренции общей и специальной нормы или части и целого.

Разработана концепция оптимизации уголовного законодательства в исследуемой сфере. Ее основными направлениями являются:

унификация и расширение уголовно-правовых запретов через криминализацию иных, помимо картелей, форм монополистической деятельности (злоупотребление доминирующим положением, согласованные действия) и наиболее опасных видов недобросовестной конкуренции (дискредитация, введение в заблуждение) с сохранением материальных составов для отграничения от административных проступков;

адаптация к цифровым реалиям, предполагающая рассмотрение вопроса о восстановлении ответственности за заведомо ложную рекламу и создание норм, адекватно реагирующих на комплексные цифровые угрозы, сочетающие

ненадлежащую рекламу, нарушения прав на средства индивидуализации и оборота персональных данных.

Таким образом, научная новизна заключается в целостном переосмыслении оснований, пределов и механизмов уголовно-правовой защиты конкуренции, результатом которого стали конкретные теоретические выводы и законодательные предложения, направленные на преодоление выявленного системного кризиса в данной сфере правового регулирования.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Современная система уголовно-правовой охраны конкуренции в Российской Федерации характеризуется существенной разрозненностью и отставанием от развития рыночных отношений. Несмотря на то что Федеральный закон «О защите конкуренции» формирует широкую правовую основу, определяя и запрещая обширный спектр монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, уголовный закон криминализирует лишь отдельные, наиболее грубые их проявления (картельные сговоры по ст. 178 УК РФ, а также некоторые формы недобросовестной конкуренции по ст. 180 и 183 УК РФ). Это порождает правоприменительный диссонанс, особенно в условиях цифровой трансформации экономики, когда активное обновление антимонопольного законодательства (например, введение специальных норм о злоупотреблении доминированием цифровых платформ) не находит адекватного и синхронного отражения в уголовно-правовых нормах. Таким образом, действующая модель уголовно-правового противодействия, оставаясь в рамках узко очерченного круга составов, не в полной мере отвечает на новые вызовы, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией в цифровой среде.

2. Общественная опасность монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, выступающая в качестве основания

криминализации таких деяний, предопределяется совокупностью следующих факторов:

1) масштабирование и системность ущерба: нарушения перестают быть локальными, воздействуя на системообразующие сегменты экономики (такие как госзакупки, охватывающие значительную долю ВВП) и глобальные цифровые рынки, что приводит к макроэкономическим потерям, росту цен для неограниченного круга потребителей и деформации целых отраслей;

2) качественное изменение способов совершения нарушений: использование алгоритмического ценообразования, аукционных роботов, искусственного интеллекта и платформенных алгоритмов, что приводит к автоматизации и опосредованию противоправной деятельности, минимизирующей прямое участие человека и размывающей субъектную ответственность, а также к крайнему повышению конспиративности и латентности, когда сговоры (цифровые картели) или злоупотребления доминирующим положением реализуются через сложные для отслеживания и доказывания цифровые взаимодействия и алгоритмические команды;

3) подрыв основ честного рыночного механизма: правонарушения эволюционируют от единичных недобросовестных актов к встроенным, системным практикам цифровых платформ (манипуляция ранжированием, непрозрачное управление ценами, необоснованное использование средств индивидуализации), которые искажают саму основу свободной конкуренции и потребительского выбора, заменяя их управляемой алгоритмической средой;

4) сложность восстановления конкурентной среды: вред, причиненный высокотехнологичными нарушениями, часто носит необратимый или трудноустраняемый характер; алгоритмические сговоры или дискриминационные платформенные практики могут быстро привести к вытеснению добросовестных конкурентов с рынка, после чего восстановление условий для честной конкуренции требует чрезмерных усилий со стороны государства.

Доказано, что совокупное действие этих факторов формирует качественно новый уровень общественной опасности, который характеризуется не просто увеличением потенциального ущерба, а системной угрозой для конкурентного порядка в цифровой экономике, что обосновывает необходимость усиления мер уголовно-правового реагирования.

3. Сравнительно-правовой анализ зарубежного уголовного законодательства выявил, что, несмотря на общность исходных принципов охраны конкуренции, в правовом поле стран ближнего зарубежья сложились значимые и перспективные для рецепции модели криминализации, альтернативные действующему российскому подходу.

В то время как уголовный закон Российской Федерации концентрируется преимущественно на картельных сговорах (ст. 178 УК РФ), сопоставимое законодательство других государств демонстрирует следующие эффективные правовые решения:

1) конкретизация и расширение объекта защиты: УК Кыргызской Республики (ст. 223) криминализирует не только согласованные действия, но и поддержание монопольно высоких (низких) цен вне формального сговора. УК Республики Беларусь детализирует запреты, выделяя в самостоятельные составы распространение ложной информации о товарах и срыв публичных торгов (ст. 250, 251), что актуализирует вопрос о восстановлении уголовной ответственности за заведомо ложную рекламу в УК РФ;

2) акцент на обеспечение эффективности антимонопольного контроля: УК Республики Узбекистан (ст. 183) устанавливает ответственность за неповиновение законным предписаниям антимонопольного органа, используя конструкцию административной преюдиции, что соответствует современным тенденциям уголовной политики и способствует повышению авторитета контролирующих институтов;

3) системный запрет недобросовестной конкуренции: наиболее полная и структурная криминализация различных форм недобросовестной конкуренции

(дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение) реализована в УК Республики Молдова (ст. 247), что может служить образцом для возможной модернизации российской системы уголовно-правовых запретов.

Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что уголовное законодательство ведущих государств Европы характеризуется переходом от общих материальных составов к дифференцированной и процедурно ориентированной модели защиты конкуренции. В отличие от интеграционного подхода, свойственного УК РФ, эти системы выделяют конкуренцию как автономный объект уголовно-правовой охраны и используют специализированные инструменты: формальные составы для пресечения сговоров на торгах (§ 298 УК ФРГ), нормы о коммерческом подкупе для защиты корпоративной этики и конкуренции (§ 299 УК ФРГ), универсальные бланкетные нормы о недобросовестной конкуренции с высоким порогом вреда (ст. 211 УК Латвийской Республики) и обеспечительные нормы, гарантирующие исполнение предписаний регулятора (ст. 212 УК Латвийской Республики).

Компаративный анализ выявил неединообразное, но концептуально расширенное правовое поле, содержащее законодательные формулы, которые потенциально могут быть использованы для повышения эффективности уголовно-правовой охраны конкурентной среды в Российской Федерации, в том числе в контексте противодействия новым цифровым угрозам.

4. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением гарантированной Конституцией РФ свободы соперничества хозяйствующих субъектов, основанного на рыночных правилах. Таким образом, уголовный закон охраняет не просто экономическую деятельность, а конституционно значимую ценность – конкурентный порядок, который является фундаментальным условием для развития рыночной экономики, защиты прав потребителей и стимулирования инноваций. В качестве дополнительного непосредственного объекта выделяются общественные отношения, возникающие

в связи с обеспечением имущественных интересов государства, организаций и граждан, нарушаемые вследствие ограничения конкуренции.

Установление круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, сопряжено со значительными правоприменительными сложностями, вытекающими из особенностей данного состава. Применение ст. 178 УК РФ нередко затрудняется необходимостью установления не только факта выполнения управленческих функций, но и реальной конкурентности между компаниями, чьи представители вступили в сговор. Антимонопольный закон легализует соглашения внутри одной группы лиц, т. е. формально независимые юридические лица, находящиеся под единым контролем, не могут быть субъектами картельного сговора.

5. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ) посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением добросовестной конкуренции посредством недопущения незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Незаконное использование средств индивидуализации предполагает их применение на товарах, предполагаемых для последующей продажи, а равно оборот этой продукции, ориентированный на ее реализацию.

Противоправные действия администрации электронной торговой площадки по размещению обозначения об оригинальности товара подлежат уголовно-правовой оценке в качестве пособничества совершению исследуемого состава преступления.

Неоднократность как альтернативный конструктивный признак состава незаконного использования средств индивидуализации подразумевает повторение соответствующих действий. При этом не имеет значения факт привлечения или непривлечения лица за предшествующий акт противоправного поведения к административной ответственности.

Выявлено, что преобладающим способом определения крупного размера ущерба вследствие совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180

УК РФ, признается умножение количества проданного товара на стоимость соответствующей оригинальной продукции.

6. Основной непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, составляют общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением коммерческой, налоговой и банковской тайн, а отношения в сфере свободной конкуренции являются факультативным непосредственным объектом этого преступления.

Коммерческой тайной может выступать любая информация, признанная таковой ее обладателем в соответствии с требованиями законодательства. При этом особенностью современного понимания предмета состава данного преступления является включение в его содержание персональных данных.

7. Разработаны научно обоснованные рекомендации по квалификации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией:

1) квалификация действий должностного лица в качестве исполнителя ограничения конкуренции исключается; при этом действия должностного лица, участвовавшего в ограничении конкуренции, подлежат квалификации как должностное преступление (ст. 285, 286 УК РФ);

2) в подавляющем большинстве случаев субъект состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, – это лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации; ограничение конкуренции таким субъектом подлежит квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ как совершенное «лицом с использованием своего служебного положения»; при этом норма об ответственности за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) дополнительному применению в подобных ситуациях не подлежит;

3) поскольку ограничивающее конкуренцию соглашение является сделкой, ограничение конкуренции, совершенное с угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, может одновременно подпадать под признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 178 и ст. 179

УК РФ; совокупность преступлений в данном случае отсутствует, применению подлежит только ч. 4 ст. 178 УК РФ как специальная норма;

4) если действия лица содержат признаки как преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, так и преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, то они должны быть квалифицированы по совокупности;

5) статьи 183 и 272¹ УК РФ регулируют разные сферы общественных отношений и не конкурируют между собой; если действия лица подпадают под признаки составов преступлений, предусмотренных обеими статьями, то лицо подлежит ответственности по совокупности этих норм уголовного закона;

6) не находятся в отношениях конкуренции и подлежат квалификации по совокупности уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 183 УК РФ и ст. 201, 285 УК РФ, поскольку также регулируют разные сферы общественных отношений.

8. Разработаны и научно обоснованы приоритетные направления оптимизации норм об уголовной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства:

1) доказана необходимость закрепления унифицированного нормативного положения об уголовной наказуемости монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, охватывающего своим содержанием соответствующие деяния, регламентированные антимонопольным законодательством;

2) аргументирована необходимость уточнения признаков состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) за счет прямой криминализации использования чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях, а также использования указаний об оригинальности товара в качестве квалифицирующих признаков данного преступления;

3) доказана актуальность установления уголовно-правового запрета заведомо ложной рекламы как одного из эффективных инструментов противодействия антиконкурентным практикам современного цифрового общества;

4) обоснована потребность в дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией. В частности, предложено:

закрепить в качестве квалифицирующего признака совершение преступления хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

исключить квалифицирующий признак ограничения конкуренции в виде совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения как характерный для большинства случаев совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

Обоснованы и сформулированы проекты новых редакций ст. 178 и 180 УК РФ и проект новой нормы ст. 182 УК РФ (изложены в тексте автореферата и диссертации).

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что они развивают и углубляют доктринальные представления о преступлениях, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, их квалификации, определяют направления для дальнейших исследований проблем уголовно-правового противодействия данным общественно опасным деяниям и тем самым обогащают уголовно-правовую науку. Положения и выводы исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в том, что оно создает основу для разрешения сложных правоприменительных

проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией. Результаты исследования могут быть использованы: в рамках совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации, с целью повышения эффективности практики применения норм об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, в учебном процессе высших образовательных организаций, в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались в рамках научно-представительских мероприятий различного уровня: Международной научно-практической конференции памяти профессора В.Е. Квашиса «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодарский университет МВД России, Краснодар, 20 сентября 2024 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы» (Академия управления МВД России, Москва, 27 сентября 2024 г.), Международной научно-практической конференции «II Научные чтения, посвященные памяти профессора М.Н. Гернета» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, 23 октября 2024 г.), XII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Российский государственный университет правосудия, Москва, 20 ноября 2024 г.), XXII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 23–24 января 2025 г.), Международной научно-практической конференции памяти профессора В.Е. Квашиса «Уголовная политика и культура противодействия преступности»

(Краснодарский университет МВД России, Краснодар, 26 сентября 2025 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти преподавателей кафедры уголовной политики Академии управления МВД России – участников Великой Отечественной войны)» (Академия управления МВД России, Москва, 24 октября 2025 г.), XIII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Москва, 26 ноября 2025 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в эпоху глобальных вызовов: состояние и перспективы» (Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, 27 ноября 2025 г.).

Результаты диссертационного исследования отражены в 13 научных статьях, 8 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Положения диссертации используются в учебном процессе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Кубанского государственного университета и Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, внедрены в практическую деятельность Главного управления МВД России по Краснодарскому краю, Главного управления МВД России по Ставропольскому краю и Управления Федеральной антимонопольной службы по Краснодарскому краю.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием надлежащей методологической основы, адекватной поставленным задачам и обеспечивающей всесторонность и объективность исследования, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме исследования.

Структура диссертации определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С МОНОПОЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ И НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ

1.1. Монополистические действия и недобросовестная конкуренция: понятие и нормативное регулирование

Наблюдающаяся в последние годы общая тенденция гуманизации уголовного законодательства, как известно, не имеет тотальный характер, поскольку сопровождается, в том числе, процессами криминализации новых деяний, точечным усилением ответственности за отдельные преступления. При этом в разрезе преступлений в сфере экономической деятельности имеют место такие же тенденции.

Особой характеристикой в свете современной уголовной политики отличаются уголовно-правовые нормы об ответственности за монополистические действия и за недобросовестную конкуренцию. На высшем государственном уровне еще в 2018 г. были высказаны озабоченности относительно ситуации со свободной конкуренцией в нашей стране¹. После этого последовала активизация работы в целях повышения качества противодействия монополистическим действиям и недобросовестной конкуренции². Следствием такой работы на уровне уголовного законодательства было многократное увеличение в 2024 г. крупного и особо крупного размеров дохода, крупного и особо крупного размера ущерба состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Тем самым произведена существенная декриминализация деяний в сфере свободной

¹ ФАС в СМИ: Путин: наказание за нарушение антимонопольных законов должно быть более жестким. URL: <https://fas.gov.ru/publications/15059> (дата обращения: 20.10.2024).

² Тесленко А.В. Долгий путь к эффективной уголовно-правовой защите конкуренции в современной России: 30 лет реформ // Закон. 2021. № 5. С. 101-124.

конкуренции, что, на наш взгляд, не привело к повышению качества конкурентной среды.

Вместе с тем в уголовно-правовой науке высказываются обоснованные идеи о необходимости тщательного соблюдения баланса экономических и уголовно-правовых аспектов противодействия общественно опасным деяниям в сфере свободной конкуренции. Излишняя зарегулированность или же непоследовательное, противоречивое регулирование, особенно посредством применения уголовно-правовых инструментов воздействия на нарушителей, таит в себе серьезную угрозу для динамичного развития современной отечественной экономики³. Требуется научно обоснованный и взвешенный подход, который бы исключал резкие и непрогнозируемые колебания в нормативно-правовом регулировании отношений в сфере свободной конкуренции.

Главным источником действующего российского антимонопольного законодательства выступает Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о конкуренции), целями которого провозглашено предотвращение монополистических действий и ограничения конкуренции. Два указанных направления – антимонополистическая деятельность и недопущение ограничения конкуренции – выступают основой защиты свободной конкуренции.

Под конкуренцией в одноименном Законе понимается «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке»⁴.

Конкуренцию можно рассматривать как особый социальный механизм, регулирующий поведение различных субъектов. В этой роли она формирует

³ Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Уголовное право в антитрасте – хорошее место для встречи права и экономики // Закон. 2020. № 9. С. 141-150.

⁴ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

экономические пропорции и оказывает влияние на общественные отношения. Право, являясь частью системы социального регулирования, взаимодействует с конкуренцией и устанавливает для нее рамки. Однако право и закон неспособны полностью ее заменить. Это особенно наглядно проявляется в экономике, например, в вопросе ценообразования. Часто именно конкуренция, а не административные предписания, выступает наиболее естественным и эффективным рыночным регулятором цен.

С юридической точки зрения основой для конкуренции служит свобода экономической деятельности, гарантированная Конституцией РФ. Этот принцип детализируется в Гражданском кодексе и антимонопольном законодательстве. Судебная практика подтверждает, что при разрешении хозяйственных споров суды часто опираются на конституционные принципы свободы экономической деятельности и конкуренции.

Важным следствием конкуренции является реализация прав потребителей, таких как право выбора или право на информацию. Без конкуренции эти права становятся формальными. Более того, само поведение потребителей рассматривается как значимый элемент конкурентной борьбы, и в ряде правовых систем они считаются участниками конкурентного процесса.

Следует отличать конкуренцию от предпринимательской деятельности. Конкуренция – это правомерная, автономная деятельность субъектов на рынке, направленная на достижение лучших условий путем состязательности. Ключевым здесь является именно наличие соперничества. Предпринимательская же деятельность может вестись и в его отсутствие, как в случае естественной монополии. С правовой позиции в конкурентной деятельности крайне важны методы достижения целей: они должны быть законными, добросовестными и соответствовать принципам разумности и справедливости⁵.

⁵ Антимонопольное (конкурентное) право: Учебник / (Писенко К.А., Бадмаев Б.Г., Казарян К.В.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014).

Таким образом, конкуренция представляет собой урегулированные правом общественные отношения между хозяйствующими субъектами в процессе их деятельности. Будучи оформленной правовыми нормами, она становится правоотношением со всеми его элементами. Совокупность этих характеристик – социальных, экономических и правовых – и составляет сущность конкуренции как комплексной категории.

Монополистическая деятельность в анализируемом законе трактуется как «злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением, соглашения или согласованные действия, запрещенные антимонопольным законодательством, а также иные действия (бездействие), признанные в соответствии с федеральными законами монополистической деятельностью»⁶.

В свою очередь понятие недобросовестной конкуренции представлено следующим образом: это «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации»⁷.

В законе о конкуренции предусмотрены нормативные признаки ограничения конкуренции. Ограничение конкуренции проявляется через ряд конкретных признаков, которые можно разделить на две основные категории: действия субъектов рынка и действия публичных органов.

⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

⁷ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

I. Признаки, связанные с поведением хозяйствующих субъектов:

1) сокращение числа независимых игроков: уменьшение количества хозяйствующих субъектов, не являющихся частью одной корпоративной группы, на конкретном товарном рынке;

2) ценовые аномалии: рост или снижение цены товара, не обусловленные соответствующими изменениями иных объективных рыночных условий (спрос, издержки и т.д.);

3) отказ от самостоятельности: фактический отказ независимых компаний от автономных действий на рынке;

4) согласованность в установлении условий: определение общих условий обращения товара (цены, объемов, территории сбыта) не рыночным путем, а в результате:

прямого соглашения между субъектами;

следования обязательным указаниям третьего лица;

скоординированных действий формально независимых компаний.

5) иные обстоятельства, создающие возможность для одного или нескольких субъектов в одностороннем порядке диктовать условия на рынке.

II. Незаконные административные барьеры:

К особым признакам ограничения конкуренции также относится установление не предусмотренных федеральным законодательством требований к товарам или к хозяйствующим субъектам со стороны:

органов государственной власти или местного самоуправления;

организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг.

Эти действия публичных органов искажают конкурентную среду, создавая неравные условия для ее участников⁸.

⁸ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

И в этом весьма широком спектре противоправного поведения под уголовно-правовые запреты поставлены лишь некоторые составляющие антимонопольной деятельности. В первую очередь в российском уголовном законе криминализировано ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ). И если глава 2 Закона о конкуренции «Монополистическая деятельность» посвящена комплексу соответствующих противоправных действий, связанных со злоупотреблением доминирующим положением, ограничивающими конкуренцию соглашениями, согласованными действиями, то в обозначенной уголовно-правовой норме выделены в предмет регулирования только картели как ограничивающие конкуренцию соглашения.

В числе запрещенных деяний, подпадающих под признаки монополистической деятельности, помимо картелей, находятся следующие:

1. Злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением – это действия (или бездействие) компании, обладающей рыночной властью, следствием которых является или может являться подавление конкуренции, а также ущемление интересов других участников рынка или потребителей.

Конкретные формы таких злоупотреблений можно систематизировать в несколько ключевых групп:

1) ценовые злоупотребления: к ним относится установление и поддержание монопольно высокой или искусственно заниженной (демпинговой) цены, манипулирование ценами на специфических рынках (например, электроэнергии), а также нарушение установленного нормативного порядка ценообразования. Сюда же примыкает изъятие товара из оборота с целью искусственного создания дефицита и последующего роста цены;

2) ограничение производства и доступа на рынок: эта группа включает экономически или технологически необоснованные сокращение или прекращение производства пользующегося спросом товара, а также создание искусственных барьеров для выхода других компаний на рынок или ухода с него;

3) навязывание дискриминационных или невыгодных условий: наиболее распространенная форма, которая выражается в:

навязывании контрагенту условий, не относящихся к предмету договора или заведомо невыгодных для него (например, требования о передаче имущественных прав);

необоснованном отказе от заключения договора с отдельными покупателями при наличии возможности поставки;

создании дискриминационных условий для отдельных контрагентов, в том числе установлении различных цен на один и тот же товар без объективных причин.

Общим для всех этих действий является использование особого рыночного статуса не для развития конкуренции, а для ее подавления и получения необоснованных преимуществ, что наносит ущерб как другим хозяйствующим субъектам, так и конечным потребителям.

2. Согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию. Такие действия подпадают под запрет при условии, что они приводят к:

сговору в ценообразовании: установление или поддержание единых цен, тарифов, скидок, надбавок, а также манипулирование ценами на торгах;

разделу рынка: согласованное распределение рынка по географическому принципу, объемам продаж, ассортименту товаров или кругу контрагентов (продавцов или покупателей);

ограничению производства: согласованное сокращение или прекращение производства товаров для искусственного влияния на рыночную конъюнктуру;

дискриминации контрагентов: согласованный отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями, если такой отказ прямо не разрешен законом.

Специальный запрет для рынка электроэнергии. Отдельно и безусловно запрещаются любые согласованные действия участников рынка электроэнергии

(мощности), если их результатом является манипулирование ценами на оптовом или розничном рынке.

Общий запрет на иные согласованные действия, ограничивающие конкуренцию. Закон о конкуренции также запрещает любые иные формы согласованного поведения конкурентов, которые приводят к ограничению конкуренции, даже если они прямо не поименованы. В качестве примеров таких действий могут выступать: навязывание контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету договора условий; необоснованное установление различных цен на один и тот же товар для разных контрагентов; создание согласованных препятствий для доступа других хозяйствующих субъектов на товарный рынок или выхода с него.

Таким образом, правовое регулирование формирует комплексный барьер для любых форм коллективного поведения рыночных субъектов, целью или результатом которого является подрыв конкурентных начал⁹.

Следует отметить, что новшеством 2023 г. в антимонопольном законодательстве выступило появление отдельных норм о злоупотреблении доминирующим положением владельцами цифровых платформ, под определение которых могут подпадать крупные маркетплейсы.

На владельцев крупных цифровых платформ, выступающих организаторами взаимодействия между продавцами и покупателями, распространяется специальный антимонопольный запрет. Им воспрещаются те же формы злоупотребления доминирующим положением, что и для традиционных субъектов рынка (ст. 10 Закона о конкуренции). Критерии применения данного запрета являются кумулятивными, то есть должны выполняться все три условия одновременно:

1) наличие рыночного влияния, усиленного сетевым эффектом. Цифровая платформа благодаря сетевому эффекту должна обладать способностью:

⁹ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

результативно влиять на общие условия торговли на соответствующем рынке;

вытеснять с этого рынка других операторов;

создавать барьеры для входа на рынок новых участников;

2) значительная доля рынка. Доля сделок, заключенных через данную платформу, должна превышать 35% от общего стоимостного объема рынка, где эта платформа функционирует;

3) крупный размер бизнеса. Годовая выручка владельца платформы должна превышать 2 миллиарда рублей.

Таким образом, законодатель устанавливает повышенные требования к компаниям, обладающим значительным влиянием на формируемые цифровые рынки, признавая их особый статус и потенциал к ограничению конкуренции в цифровой экосистеме¹⁰.

Эта новелла отражает необходимость нормативно-правового регулирования стремительно развивающихся торговых механизмов в виде электронных торговых площадок. В современных условиях это уже не просто онлайн рынок, а отдельная сфера торговли с присущими сугубо ей правилами и традициями.

И эти тенденции безусловно оказывают влияние и на уголовно-правовые аспекты противодействия монополистическим действиям и недобросовестной конкуренции, поскольку ставят перед правоприменителем новые задачи по использованию имеющихся уголовно-правовых инструментов для противодействия преступлениям в этой сфере. Вместе с тем интенсивное изменение антимонопольного законодательства, вызванное объективной необходимостью адекватной реакции на происходящие процессы цифровизации в торговле, никаким образом не повлияло на уголовно-правовые предписания в части ограничения конкуренции посредством заключения картелей.

¹⁰ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

Закон о конкуренции представляет собой нормативно-правовую основу и для других предписаний отечественного уголовного законодательства. В частности, в нем предусмотрена отдельная глава, посвященная недобросовестной конкуренции, формами которой закреплены: дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение, незаконное использование средств индивидуализации, нарушение коммерческой или иной охраняемой законом тайны.

Так, под дискредитацией в контексте недобросовестной конкуренции понимается распространение ложных, неточных или искаженных сведений, способных причинить хозяйствующему субъекту имущественные убытки и/или нанести вред его деловой репутации.

Объектом дискредитирующих сведений, как правило, являются ключевые параметры рыночного предложения конкурента. Их можно классифицировать по нескольким направлениям:

- сведения о потребительских свойствах товара. Сюда относится распространение ложной информации о качестве, назначении, способах производства или применения товара, ожидаемых результатах его использования, а также о его пригодности для конкретных целей;
- сведения о рыночном наличии и спросе. Эта категория включает искаженные данные о количестве товара, доступного у конкурента, его реальном наличии на рынке, возможностях приобретения, а также о фактическом уровне потребительского спроса;
- сведения об условиях продажи. Дискредитация может выражаться в распространении недостоверной информации об условиях, на которых конкурент предлагает свой товар, и прежде всего – о его цене.

Таким образом, дискредитация представляет собой форму недобросовестной конкуренции, направленную на подрыв доверия к конкуренту и его продукту

через умышленное искажение объективных рыночных информационных данных¹¹.

В рамках правового регулирования конкурентных отношений установлен запрет на недобросовестную конкуренцию, осуществляемую путем введения в заблуждение. Данная практика заключается в распространении хозяйствующим субъектом недостоверной или искаженной информации, которая способна сформировать ложное представление о его собственном товаре или об условиях его реализации, тем самым искажая выбор потребителя и получая необоснованное конкурентное преимущество.

Содержательно подобные действия могут затрагивать следующие ключевые аспекты товара и его предложения на рынке:

1) характеристики и свойства товара, включая введение в заблуждение относительно качества, потребительских свойств, назначения товара, методов и условий его производства или использования, ожидаемых результатов от применения, а также его пригодности для конкретных целей;

2) параметры рыночного предложения и спроса: это распространение ложных сведений о количестве товара в предложении, его реальном наличии на рынке, условиях приобретения, а также об истинном объеме потребительского спроса;

3) происхождение товара и гарантии: заблуждение может касаться места производства товара, данных о его изготовителе, а также объема и содержания предоставляемых продавцом или производителем гарантийных обязательств.

4) условия реализации: в эту категорию входит, в первую очередь, предоставление неверной информации о цене товара, а также об иных существенных условиях его продажи.

Таким образом, запрет на введение в заблуждение направлен на защиту достоверности информационной среды рынка, обеспечивая тем самым основу для

¹¹ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

свободного и информированного выбора потребителей и добросовестного соперничества между хозяйствующими субъектами¹².

Антимонопольное законодательство устанавливает запрет на такую форму недобросовестной конкуренции, как некорректное сравнение. Под этим понимается публичное сопоставление хозяйствующего субъекта и (или) его товара с конкурентом и (или) его товаром, если такое сравнение осуществляется с нарушениями принципов достоверности, объективности и добросовестности.

Законодатель конкретизирует следующие формы некорректного сравнения, которые не допускаются:

1) бездоказательные утверждения о превосходстве. Запрещается использование в сравнении расплывчатых формулировок, создающих впечатление абсолютного лидерства (например, «лучший», «первый», «самый»), если они: не подкреплены конкретными, объективно подтверждаемыми характеристиками или параметрами; являются заведомо ложными, неточными или искаженными;

2) методологическая некорректность. Сравнение признается недобросовестным, если в нем: отсутствует указание на конкретные сравниваемые характеристики или параметры товаров (деятельности); заявленные результаты сравнения не могут быть объективно проверены;

3) необъективная (недобросовестная) критика. Запрещается сравнение, которое: строится на малозначительных или заведомо несопоставимых фактах; имеет основной или завуалированной целью негативную оценку деятельности конкурента или его товара, а не информирование потребителя.

Таким образом, правовой запрет направлен на недопущение получения конкурентного преимущества путем манипулирования мнением потребителей через необъективные, непроверяемые или порочащие сопоставления, что

¹² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

обеспечивает сохранение честных условий информационного соперничества на рынке¹³.

Перечисленный спектр запрещенных антимонопольным законодательством деяний не подпадает под регулирование уголовным правом. Под уголовно-правовой запрет поставлены действия, связанные с незаконным использованием средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ), а также с противоправным получением и разглашением коммерческой или иной охраняемой законом тайны (ст. 183 УК РФ).

Тем самым, на наш взгляд, законодательно очерчен круг преступлений, посягающих на отношения свободной конкуренции: ст. 178, 180, 183 УК РФ. Аналогичное мнение высказали 79 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

При этом необходимо обратить внимание, что в уголовно-правовой доктрине предлагаются альтернативные взгляды на определение группы преступлений, посягающих на отношения конкуренции. Так, по мнению ряда авторов, в число данных преступлений включается норма об ответственности за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ)¹⁴.

Принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения, безусловно, может выступать в качестве одного из инструментов монополистической практики и, как следствие, приводить к ограничению конкуренции. В таких случаях данное деяние непосредственно посягает на общественные отношения, обеспечивающие свободу добросовестного соперничества на рынке. Например, доминирующий субъект может принуждать контрагентов к невыгодным договорам, тем самым вытесняя с рынка конкурентов и нарушая его конкурентную структуру.

¹³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

¹⁴ Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр «Пресс», 1999. С. 39; Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.И. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 6-7.

Однако при более глубоком анализе становится очевидным, что уголовный запрет, установленный ст. 179 УК РФ, обладает значительно более широкой социально-правовой природой. Существуют веские основания полагать, что в значительном числе ситуаций данное преступление совершается вне сферы конкурентных отношений. Его основным непосредственным объектом зачастую являются не общественные интересы в свободе конкуренции, а автономия воли и имущественные интересы конкретного потерпевшего, а также установленный порядок осуществления экономической деятельности как таковой.

Фактически, данное преступление во многих своих проявлениях носит общеуголовный характер. Оно может быть совершено в бытовой или иной сфере, не связанной с предпринимательством или конкуренцией (например, принуждение к дарению имущества под угрозой насилия). Таким образом, хотя ст. 179 УК РФ и находится в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности, ее основное предназначение заключается не в специальной защите конкуренции, а в охране свободы экономического (и не только) волеизъявления от противоправного принуждения, независимо от контекста рыночного соперничества.

Таким образом, принуждение к сделке может быть элементом недобросовестной конкуренции, но в своей основе является самостоятельным общеуголовным посягательством, направленным прежде всего на защиту свободы договора и имущественных отношений от неправомерного внешнего давления.

О принуждении к совершению сделки как способе нарушения отношений конкуренции не упоминается и в отраслевом Законе о конкуренции.

На основании изложенного многими специалистами общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 179 УК РФ, не включается в группу преступлений, посягающих на свободную конкуренцию¹⁵.

¹⁵ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. С. 9; Клепицкий И.А. Система норм о хозяйственных преступлениях: основные тенденции развития: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 157; Кузнецов А.П., Бокова И.Н., Маршакова Н.Н.

Продолжая эту логику анализа, можно применить аналогичные аргументы и к оценке состава преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ (Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса).

Данное деяние, по своей сути являющееся формой коррупции в специфической сфере – организации и проведении спортивных соревнований или коммерческих конкурсов, – также демонстрирует слабую системную связь с охраной отношений свободной экономической конкуренции в том смысле, который вкладывает в это понятие антимонопольное законодательство. Его общественная опасность лежит в иной плоскости.

Основным непосредственным объектом здесь выступают не универсальные рыночные механизмы и не защита от ограничения конкуренции на товарных рынках, а конкретные общественные отношения, обеспечивающие:

принцип честности и справедливости самих состязательных процедур (спортивных или коммерческих);

имущественные и неимущественные интересы организаторов, участников, зрителей и букмекерских контор, которые основаны на предположении о честном результате;

порядок осуществления профессиональной деятельности в сфере спорта и организации зрелищных мероприятий.

Это подтверждается тем, что в отраслевом (специальном) законодательстве, регулирующем защиту конкуренции, подобные действия не признаются формами недобросовестной или ограничивающей конкуренцию практики. Они не включены в перечень монополистических действий или актов недобросовестной конкуренции. Их юридическая квалификация и запрет осуществляются в рамках иной нормативной базы – законодательства о физической культуре и спорте, а

также уголовного права как средства защиты общественной нравственности и справедливости в специфических видах деятельности.

Таким образом, состав преступления, предусмотренный ст. 184 УК РФ, будучи помещенным в главу о преступлениях в сфере экономики, охраняет в первую очередь не конкуренцию как базовый экономический институт, а целостность и легитимность специальных состязательных отношений, имеющих самостоятельную социальную и экономическую ценность. Его родовая принадлежность к экономическим преступлениям обусловлена скорее коммерческим контекстом и наличием имущественного ущерба, но не направленностью на защиту конкурентной среды как таковой. Это еще один пример деяния, которое, затрагивая экономические интересы, посягает в своей основе на иной круг охраняемых законом общественных отношений.

Примечательно, что до 2003 г. в число преступлений против рассматриваемых общественных отношений входило еще и деяние, ранее предусматривавшееся ст. 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама». Подобные правонарушения фигурируют в настоящее время в отраслевом законе, а также влекут административную ответственность по ст. 14.3 КоАП РФ. По нашему мнению, заведомо ложная реклама нередко представляет собой весьма влиятельный инструмент монополистической деятельности и ограничения конкуренции. Думается, что вопрос изучения целесообразности противодействия такому деянию уголовно-правовыми средствами является на сегодняшний день актуальным и нуждается в самостоятельном рассмотрении.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) ключевым нормативным актом, регулирующим защиту конкуренции в Российской Федерации, является Федеральный закон «О защите конкуренции». Этот закон, принятый в 2006 г., формирует правовой фундамент для двух взаимосвязанных направлений: противодействия монополистической

деятельности и недопущения ограничения конкуренции, в совокупности составляющих суть поддержания условий для свободной конкуренции;

2) в рамках закона монополистическая деятельность определяется как злоупотребление доминирующим положением на рынке, а также запрещенные соглашения или согласованные действия хозяйствующих субъектов. Понятие недобросовестной конкуренции трактуется еще шире и охватывает любые недобросовестные действия, направленные на получение несправедливых преимуществ, которые противоречат не только букве закона, но и принципам добропорядочности, разумности и справедливости, нанося ущерб конкурентам;

3) уголовная ответственность наступает лишь за наиболее общественно опасные деяния из этого обширного спектра нарушений. Так, в УК РФ прямо криминализировано ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ). При этом если антимонопольное законодательство детально регулирует целый комплекс монополистических действий (злоупотребление доминированием, различные соглашения), то уголовный закон сосредоточен преимущественно на картельных сговорах как на самой грубой форме такого ограничения.

Федеральный закон «О защите конкуренции» служит основой и для других уголовно-правовых запретов. В нем закреплен перечень форм недобросовестной конкуренции, таких как дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение, незаконное использование средств индивидуализации и нарушение коммерческой тайны. Из этого списка под действие УК РФ подпадают только два деяния: незаконное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ) и незаконные получение и разглашение коммерческой тайны (ст. 183 УК РФ).

Таким образом, действующее законодательство формирует достаточно узкий, но четко очерченный круг уголовно наказуемых деяний, посягающих на отношения свободной и добросовестной конкуренции, оставляя остальные нарушения в сфере административной или гражданско-правовой ответственности;

4) динамика развития рынков, особенно в эпоху цифровизации, активно влияет и на законодательство. Ярким примером стало введение в 2023 г.

специальных норм, касающихся злоупотребления доминирующим положением владельцами цифровых платформ (к которым относятся, в частности, крупные маркетплейсы). Эта новация отражает попытку законодателя адекватно реагировать на появление новых, сложных рыночных реалий, где цифровые площадки формируют собственные экосистемы с уникальными правилами. Несмотря на такие адаптации антимонопольного права, вызванные цифровой трансформацией, уголовно-правовые нормы, касающиеся картелей, остаются без существенных изменений. Это создает определенный диссонанс между быстро эволюционирующим экономическим ландшафтом и инструментарием уголовного преследования¹⁶.

¹⁶ См. также: Довлатов А.Н. Уголовно-правовая характеристика ограничения конкуренции: актуальные проблемы // Юрист-Правовед. 2025. № 3. С. 115-119; Довлатов А.Н. Монополистические действия и недобросовестная конкуренция: уголовно-правовые аспекты противодействия // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти профессора В.Е. Квашиса, 20 сент. 2024 г. / редкол.: А.Л. Осипенко, В.С. Соловьев, А.С. Ильницкий и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 352-356; Довлатов А.Н. Уголовно-правовое значение монополистических действий и недобросовестной конкуренции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 3. С. 120-126.

1.2. Социально-правовая обусловленность криминализации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией

Всесторонняя цифровизация общественных отношений, приобретающая характер глобального и необратимого тренда, инициирует глубинные, зачастую кардинальные трансформации в фундаментальных основах экономической деятельности. Эти изменения носят системный характер, перестраивая не только операционные процессы, но и саму суть рыночных взаимодействий, принципы формирования стоимости, цепочки создания ценности и механизмы конкурентной борьбы.

Наиболее рельефно и концентрированно данные трансформации проявляются в сфере обмена товарами и услугами, которая исторически является сердцевинной рыночной экономики. Здесь традиционные, веками складывавшиеся модели, основанные на физическом присутствии, прямых контактах и локализованных информационных потоках, сталкиваются с принципиально новой, делокализованной и опосредованной алгоритмами цифровой реальностью. Свободные рыночные отношения, классическая теория которых базируется на прозрачности, рациональности участников и свободном ценообразовании, вынуждены эволюционировать и проходить проверку на прочность в условиях, когда критически значимые объемы экономической активности мигрируют в виртуальное пространство электронной коммерции. Это не просто перенос существующих процессов в онлайн-среду; это возникновение новой экономической экосистемы с собственными законами, стимулами и центрами власти¹⁷.

Последнее десятилетие стало свидетелем не просто стремительного, но и прогрессивного, качественно изменяющего рынки развития цифровых платформ.

¹⁷ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. С. 7.

Эти платформы представляют собой не просто технологические решения или «онлайн-витрины», а сложные, многосторонние онлайн-среды, которые выполняют роль инфраструктурных основ, агрегаторов спроса и предложения, арбитров правил взаимодействия и ключевых источников формирования потребительского восприятия. Они активно конструируют новые рынки, определяют их архитектуру, контролируют доступ к потребительской аудитории и, что наиболее важно, аккумулируют и монетизируют данные как ключевой ресурс новой экономики. Таким образом, происходит переход от рынков, где конкуренция разворачивалась между производителями и продавцами товаров, к рынкам, где все большую роль играет конкуренция за внимание и лояльность пользователя на платформе и, одновременно, конкуренция между самими платформами за доминирование в том или ином сегменте.

Данный технологический и экономический переход носит для традиционных институтов вынужденный и зачастую болезненный адаптивный характер. Классические каналы дистрибуции, розничные сети, оптовые поставщики оказались перед необходимостью не косметической, а кардинальной перестройки своих бизнес-моделей, инвестиционных стратегий и компетенций. Это связано не только с необходимостью освоения цифровых инструментов, но и с фундаментальным изменением логики взаимодействия с потребителем, которая становится опосредованной правилами и алгоритмами чужих платформ.

Параллельно с этим, и, пожалуй, с еще большей остротой, резко актуализировался комплекс правовых, экономических и этических вопросов, связанных с обеспечением и защитой принципов добросовестной конкуренции в этой новой среде. Конкурентная борьба теперь протекает не в одной, а в трех взаимосвязанных, но различных плоскостях, что создает беспрецедентно сложную картину для регулирования.

Во-первых, это конкуренция внутри самого цифрового сегмента (например, между тысячами продавцов на одном маркетплейсе, борющихся за место в топе выдачи). Во-вторых, это конкуренция внутри традиционного офлайн-сектора,

которая также трансформируется под цифровым влиянием. И, в-третьих – что наиболее важно и проблематично с точки зрения антимонопольного контроля – это гибридная межсекторальная конкуренция между цифровыми гигантами (платформами, агрегаторами) и традиционными компаниями, вынужденными конкурировать на заведомо неравных условиях, поскольку цифровые платформы контролируют критически важные ресурсы: внимание потребителя (через дизайн интерфейса и алгоритмы ранжирования), эксклюзивные данные о его поведении и предпочтениях, а также саму инфраструктуру для заключения и исполнения сделок.

В ходе такого развития рынков обнаружились ранее неизвестные или малозначимые в эпоху доцифровой экономики формы и инструменты ограничения соперничества. Агрессивные маркетинговые стратегии, использующие «большие данные», алгоритмическое таргетирование и микросегментацию аудитории, все чаще пересекают грань добросовестности, находя в архитектуре цифровых платформ идеальную среду для манипулятивного воздействия как на потребительский выбор, так и на поведение конкурентов. Возникают такие явления, как «темные паттерны» – элементы дизайна интерфейса, призванные обманом подтолкнуть пользователя к невыгодному для него действию, манипуляция отзывами и рейтингами, скрытое продвижение собственных товаров платформы в ущерб предложениям независимых продавцов¹⁸.

Ответом правовой системы на эти многогранные вызовы стала постепенная адаптация антимонопольного законодательства, которая с неизбежным запозданием начала находить отражение в точечных коррекциях уголовного закона. Реформы выразились в модификации ряда норм Уголовного кодекса РФ, традиционно отвечающих за охрану конкурентной среды: ст. 178 (в 2024 г.), предусматривающей ответственность за недопущение, ограничение или

¹⁸ Конев Д.А., Пинкевич Т.В. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием цифровых платформ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4. С. 129-135.

устранение конкуренции; ст. 180 (в 2024 г.), охраняющей права на средства индивидуализации, чья ценность в цифровой среде многократно возросла; ст. 183 (в 2021 г.), направленной против незаконного получения и разглашения коммерческой тайны, которая в условиях цифровой экономики все чаще принимает форму массивов данных и алгоритмов. Однако при всей своей безусловной значимости эти изменения носят фрагментарный, точечный характер. Они представляют собой, скорее, попытку «латания» наиболее очевидных пробелов существующей правовой конструкции, нежели ее комплексную, продуманную модернизацию, основанную на видении будущего цифровых рынков. Такой подход едва ли можно считать адекватным и системным ответом на масштабные, быстро эволюционирующие и принимающие трансграничный характер угрозы конкурентной среде. Существует насущная, объективная потребность не в догоняющем, а в опережающем правовом регулировании – в выработке продуманных, гибких, технологически подкованных мер противодействия, которые бы максимально интегрировали базовые реалии цифровой экономики: ее алгоритмическую природу, сетевые эффекты, ведущие к естественной концентрации, роль данных как ключевого актива и глобальный масштаб операций ведущих игроков.

Очевидно, что столь глубокие и всеобъемлющие трансформации экономических основ объективно диктуют необходимость не менее фундаментального теоретического переосмысления многих устоявшихся доктринальных положений и категориального аппарата уголовно-правовой науки. Речь идет не только об отдельных нормах, но о многих понятиях: о пересмотре подходов к определению субъекта преступления в условиях использования искусственного интеллекта, к установлению умысла и вины в условиях согласованных действий искусственных интеллектов, к критериям общественной опасности (которая может быть распределенной и неочевидной), и, наконец, к способам доказывания, которые должны быть адаптированы для работы с цифровыми следами и сложными программными комплексами. Экономические

отношения, обеспечивающие свободу и добросовестность конкуренции, выступают не просто одной из сфер регулирования, а фундаментальной «надстройкой», инфраструктурным каркасом для большинства секторов хозяйственной деятельности. Следовательно, их эрозия, искажение или целенаправленное разрушение в цифровую эпоху влечет каскадные, множительные негативные последствия для всей экономической системы, инновационного потенциала и, в конечном счете, для благосостояния потребителей. В новых условиях уровень общественной опасности антиконкурентных нарушений определяется уже не только и не столько суммой причиненного прямого ущерба, сколько сложным сочетанием двух взаимосвязанных факторов. Во-первых, это традиционная сущность самого монополистического деяния (картельный сговор). А во-вторых, и это принципиально ново, – специфика, глубина и изощренность цифровизации той конкретной отрасли или товарного рынка, на котором это деяние совершается. Технологическая «оболочка» не просто меняет форму или инструментарий правонарушения; она зачастую качественно усиливает его разрушительный потенциал, масштабируемость и, что критически важно, скрытность, делая традиционные методы контроля и расследования малоэффективными¹⁹.

Яркой и социально значимой иллюстрацией этой общей тенденции является сфера государственных и муниципальных закупок в рамках контрактной системы. Эта область представляет собой не просто один из рынков, а одну из наиболее значимых, финансово емких и социально ответственных частей современной экономики, вовлекающую огромное число хозяйствующих субъектов – от крупнейших корпораций до субъектов малого и среднего предпринимательства. По замыслу законодателя, между ними должна разворачиваться острая, но строго регламентированная и добросовестная конкуренция, обеспечивающая эффективность расходования бюджетных средств. Одновременно высокая ставка

¹⁹ Конев Д.А., Пинкевич Т.В. Риски использования искусственного интеллекта как орудия и средства совершения преступлений: проблемы правового регулирования и противодействия // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4. С. 148-153.

(стоимость государственного контракта) и строгая, детализированная регламентация процедур создают мощные, изощренные стимулы для обхода этих правил. Изначально масштабная цифровизация сферы закупок (полный переход на электронные аукционы, специализированные платформы, цифровые профили участников) преследовала благую и очевидную цель: повышение прозрачности, автоматизацию рутинных процессов, минимизацию «человеческого фактора» и связанных с ним коррупционных и сговорных рисков, обеспечение равного и дистанционного доступа для поставщиков из любых регионов. Парадоксальным образом, со временем выяснилось, что цифровая среда не только не устранила старые угрозы, но и породила новые, технологически более совершенные и потому более опасные формы сговоров и манипуляций.

В научный, а затем и в практический оборот прочно вошел термин «цифровой картель» – тайное антиконкурентное соглашение между формально независимыми хозяйствующими субъектами, которое для своей реализации использует специализированное программное обеспечение, сложные алгоритмы анализа данных и скрытые (зашифрованные, использующие приватные каналы) средства коммуникации. Цель такого картеля – координация цен, раздел рынка по территориальному или продуктовому принципу, сдерживание производства или сбыта – остается прежней, но методы ее достижения позволяют преодолевать традиционные барьеры, установленные антимонопольным законодательством для выявления сговоров, такие как необходимость доказательства прямых контактов и явных договоренностей²⁰.

Особую, повышенную общественную опасность цифровые картели приобретают именно в сфере госзакупок, годовой объем которых в России, как и во многих странах, достигает значительной доли ВВП, что делает ее системообразующим элементом экономики. Здесь получают распространение так называемые «аукционные роботы» – алгоритмические агенты, которые от имени

²⁰ Васильева О.Н. Особенности установления факта ограничения конкуренции по признакам цифровых картелей // Безопасность бизнеса. 2023. № 3. С. 35.

разных формально независимых участников процедуры автоматически подают заявки, создавая видимость острой конкурентной борьбы, но фактически обеспечивая победу заранее определенному участнику по запланированной, неконкурентной цене. Таким образом, тотальная цифровизация процедур привела к парадоксальному и тревожному результату: неправомерная активность не уменьшилась, а мигрировала в цифровую плоскость, став более изощренной, скоростной, масштабируемой и, как следствие, труднодоказуемой для классических методов антимонопольного расследования. Как справедливо отмечают исследователи (например, З.М. Казачкова и В.А. Казачков), отдельной, комплексной и методологически сложной проблемой становится «алгоритмическое ценообразование», в том числе с элементами искусственного интеллекта и машинного обучения²¹. В этой модели ценовая политика компаний определяется не менеджерами на основе открытой рыночной информации, а самообучающимися системами, которые, анализируя в реальном времени данные о ценах конкурентов, динамике спроса и иных параметрах, могут независимо друг от друга приходить к сходным ценовым решениям, порождая эффект параллельного поведения, а в некоторых случаях – и к негласной координации на рынке без какого-либо прямого сговора в его традиционном понимании.

Ключевая особенность и главная опасность таких «высокотехнологичных» нарушений заключается в том, что процесс ограничения конкуренции происходит при минимальном, опосредованном, а иногда и вовсе формально отсутствующем участии человека. Алгоритм может быть изначально запрограммирован или впоследствии обучен на таких массивах исторических и текущих данных, которые неявно ведут к единообразному, скоординированному поведению различных субъектов на рынке, создавая экономический эффект сговора без прямых переговоров, тайных встреч или обмена письмами между конкурентами. Это радикально, на порядки повышает конспиративность антиконкурентных практик.

²¹ Казачкова З.М., Казачков В.А. Проблемы противодействия антиконкурентным соглашениям в условиях цифровой экономики: некоторые экономико-правовые императивы в сравнительно-правовом ключе // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 37.

Отследить и, что главное, юридически безупречно доказать умысел, согласованность действий и причинно-следственную связь, когда ключевые коммерческие решения принимает компьютерная программа, а не люди в ходе личных или корпоративных коммуникаций, становится задачей чрезвычайной сложности. Использование продвинутых инструментов искусственного интеллекта, способных к неконтролируемому самообучению и адаптации, умножает эту проблему, увеличивая вариативность и адаптивность неправомерного поведения, одновременно «размывая» и делая почти невидимым конечного бенефициара – человека или корпорацию, организовавших и запустивших всю схему. В результате латентность преступлений в этой сфере достигает критических масштабов: значительная часть цифровых картельных соглашений может длительное время оставаться нераскрытой, а ущерб от них – не учтенным и не возмещенным.

Сфера электронных торгов и государственных закупок – лишь один, хотя и чрезвычайно важный с социально-экономической точки зрения, пример цифровой трансформации конкурентных рисков. Не менее показательной и динамично развивающейся является область массовой розничной онлайн-торговли, где доминирующее положение заняли крупные платформы – маркетплейсы. Эти цифровые супермаркеты уже давно перестали быть нейтральными техническими посредниками, «цифровыми площадками». Они эволюционировали в мощных частных регуляторов целых товарных рынков, чьи внутренние алгоритмы и бизнес-правила напрямую и решающим образом влияют на все ключевые параметры конкуренции: видимость товара (ранжирование в поисковой выдаче и каталогах, что является цифровым аналогом лучшей полки в супермаркете), ценообразование (через системы динамического ценообразования и управления скидками), доступ к целевой аудитории (через системы таргетированной рекламы и рекомендаций) и даже условия логистики и возвратов. Анализ их работы выявляет целый ряд тревожных с точки зрения защиты конкуренции и прав потребителей практик, которые часто находятся в правовой «серой зоне».

Например, алгоритмы платформы могут в одностороннем порядке, на основании собственных маркетинговых соображений, изменять конечную цену товара, отображаемую для потребителя (например, применяя автоматические «купоны» или динамическое снижение цены), при этом продавец получает ту фиксированную сумму, которую он изначально установил, а разницу компенсирует или удерживает платформа. Это создает непрозрачную, манипулятивную среду, лишает независимых продавцов прямого контроля над своим ценовым позиционированием – краеугольным камнем любой конкурентной стратегии – и может использоваться для целей недобросовестного ценообразования или дискриминации отдельных продавцов.

Другой масштабной проблемой является непрозрачность и потенциальная предвзятость алгоритмов ранжирования и поисковой выдачи. Несмотря на формальное наличие у потребителя опций сортировки («по популярности», «по цене», «по отзывам»), базовые алгоритмы формирования этих списков, определяющие, какие товары увидят 90% покупателей, обычно являются коммерческой тайной платформы. Они могут быть неявно настроены для приоритетного продвижения: а) товаров собственных брендов платформы, что создает конфликт интересов, так как платформа одновременно и организатор рынка, и его участник; б) товаров продавцов, участвующих в платных программах продвижения (например, «заказ на складе маркетплейса»); в) товаров, по которым платформа получает более высокую комиссию. Такая практика представляет собой прямую форму недобросовестной конкуренции, осуществляемую через цифровые средства, и ставит независимых продавцов в зависимое, подчиненное положение.

Наконец, все более актуальной становится проблема использования и злоупотребления средствами индивидуализации в цифровой среде. Практика размещения платформами пометок «оригинальный товар», «выбор маркетплейса», «гарантия подлинности», «топ-продавец» при отсутствии четких, публичных, нормативно закрепленных критериев для их присвоения и процедур

верификации создает серьезные риски введения потребителей в заблуждение и предоставления необоснованных конкурентных преимуществ отдельным продавцам или собственным товарам платформы. Это подрывает доверие к цифровой среде в целом.

Изложенное свидетельствует, что цифровизация порождает не просто новые технические способы совершения известных правонарушений, но и качественно новые экономико-правовые формы недобросовестной конкуренции и ограничения соперничества, которые плохо укладываются в русло традиционных юридических конструкций. Масштабы цифровой экономики таковы, что потенциальный совокупный ущерб от таких высокотехнологичных практик исчисляется триллионами рублей и угрожает основам рыночного механизма, инновациям и потребительскому благосостоянию в целом.

Таким образом, проблема совершенствования, а по сути – кардинального пересмотра уголовно-правового и антимонопольного противодействия преступлениям в сфере конкуренции в условиях цифровизации приобретает характер стратегической задачи национальной экономической безопасности. Ее эффективное разрешение требует не разрозненных мер, а целостного, многоуровневого и междисциплинарного подхода.

Необходимо инициировать широкую научную дискуссию и разработку новых теоретических конструкций в уголовном и антимонопольном праве – таких как «цифровое доминирование» (основанное на контроле над данными и сетевыми эффектами, а не только на долях рынка), «алгоритмическая координация». Требуется пересмотр ключевых понятий: «согласованные действия» (должны ли включать параллельную работу схожих алгоритмов?), «рыночная власть», «доступ на рынок» в условиях контроля платформы над цифровыми «воротами».

Помимо точечных поправок, необходим параллельный и скоординированный пересмотр антимонопольного и уголовного законодательства. В УК РФ могут быть введены новые квалифицирующие признаки (например, «совершение

деяния, предусмотренного ст. 178, с использованием специального программного обеспечения, искусственного интеллекта или алгоритмов, приведшее к сговору»), либо даже отдельная норма, учитывающая специфику цифровых антиконкурентных практик. Критически важно гармонизировать эти нормы с обновляемым антимонопольным законодательством (например, с нормами о запрете злоупотребления доминирующим положением цифровых платформ, уже закрепленными в законе «О защите конкуренции»).

Только такой всесторонний, опережающий и технологически подкованный подход, сочетающий глубокую теоретическую проработку, системную законодательную модернизацию, создание новых институциональных возможностей и инвестиции в цифровые инструменты правоприменения, может обеспечить адекватную защиту принципов свободной и добросовестной конкуренции в условиях формирующейся алгоритмической экономики. Промедление или половинчатые меры в этой области грозят не просто локальными экономическими потерями, а консервацией цифровых сред, подавлением инноваций со стороны малых и средних предприятий, подрывом потребительского суверенитета и, в конечном итоге, снижением динамизма и конкурентоспособности национальной экономики в глобальном масштабе.

Таким образом, общественная опасность монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, выступающая в качестве основания криминализации таких деяний, предопределяется совокупностью следующих факторов:

- 1) масштабирование и системность ущерба: нарушения перестают быть локальными, воздействуя на системообразующие сегменты экономики (такие как госзакупки, охватывающие значительную долю ВВП) и глобальные цифровые рынки, что приводит к макроэкономическим потерям, росту цен для неограниченного круга потребителей и деформации целых отраслей;

2) качественное изменение способов совершения нарушений: использование алгоритмического ценообразования, аукционных роботов, искусственного интеллекта и платформенных алгоритмов приводит:

к автоматизации и опосредованию противоправной деятельности, минимизирующей прямое участие человека и размывающей субъектную ответственность;

к крайнему повышению конспиративности и латентности, когда сговоры (цифровые картели) или злоупотребления доминирующим положением реализуются через сложные для отслеживания и доказывания цифровые взаимодействия и алгоритмические команды;

3) подрыв основ честного рыночного механизма: правонарушения эволюционируют от единичных недобросовестных актов к встроенным, системным практикам цифровых платформ (манипуляция ранжированием, непрозрачное управление ценами, необоснованное использование средств индивидуализации), которые искажают саму основу свободной конкуренции и потребительского выбора, заменяя их управляемой алгоритмической средой;

4) сложность восстановления конкурентной среды: вред, причиненный высокотехнологичными нарушениями, часто носит необратимый или трудноустраняемый характер. Алгоритмические сговоры или дискриминационные платформенные практики могут быстро привести к вытеснению добросовестных конкурентов с рынка, после чего восстановление условий для честной конкуренции требует чрезмерных усилий со стороны государства;

5) нормативный и правоприменительный разрыв: стремительное появление новых технологических форм ограничения конкуренции опережает адаптацию правовых механизмов, создавая «серые зоны» и затрудняя юридическую квалификацию. Это не только повышает фактическую безнаказанность, но и подрывает превентивную и восстановительную функцию права.

Совокупное действие этих факторов формирует качественно новый уровень общественной опасности, который характеризуется не просто увеличением

потенциального ущерба, а системной угрозой для основ конкурентного порядка в цифровой экономике, что требует адекватного переосмысления и усиления мер уголовно-правового реагирования²².

²² См. также: Довлатов А.Н. Общественная опасность преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, в условиях цифровизации экономических отношений // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова: в 2 ч. / под общ. ред. А.В. Победкина. Москва: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 2. С. 86-91; Довлатов А.Н. Недобросовестная конкуренция в сфере электронной коммерции: вопросы криминализации деяний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2025. № 4. Москва: Издательство Проспект, 2025. С. 88-93.

1.3. Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за преступления, посягающие на свободу конкуренции

Проведение компаративного анализа зарубежного уголовного законодательства выступает предпосылкой не только для более полного уяснения социально-правовой природы конкретных преступлений, но и для исследования вопросов социально-правовой обусловленности существующих норм уголовного закона, а также выработки предложений по повышению эффективности уголовно-правовых запретов. Данный методологический инструмент позволяет выйти за рамки национальной правовой системы и рассмотреть регламентацию однородных общественных отношений сквозь призму различных правопорядков. В результате исследователь получает возможность не просто констатировать сходства или различия в формулировках статей, но и выявлять глубинные закономерности, тенденции развития уголовно-правовой политики, а также оценивать адекватность национальных правовых средств поставленным целям охраны.

В контексте борьбы с преступлениями, посягающими на конкуренцию, сравнительно-правовой анализ приобретает особую значимость в силу ряда причин. Во-первых, глобальный характер современных рынков и трансграничная природа многих антиконкурентных практик (особенно в цифровой среде) требуют координации и гармонизации правовых подходов на международном уровне. Изучение зарубежного опыта становится необходимым условием для выработки адекватных ответов на вызовы, общие для многих экономик. Во-вторых, анализ позволяет критически оценить собственную законодательную модель, выявив ее возможные пробелы, избыточную криминализацию или, напротив, недостаточную защищенность ключевых общественных отношений.

Таким образом, компаративный анализ выполняет триединую функцию: познавательную (расширение научного кругозора и понимания правовых институтов), критико-аналитическую (оценка эффективности национальных

норм) и, наконец, конструктивно-прогностическую (формирование научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменения). Именно в этой последней функции заключается его главная практическая ценность для развития уголовно-правовой доктрины и законодательной техники.

В первую очередь к рассмотрению предлагаются результаты сравнительно-правового анализа уголовного законодательства стран ближнего зарубежья об ответственности за преступления, посягающие на отношения свободной конкуренции.

Анализ уголовного законодательства стран ближнего зарубежья позволяет выявить группу государств, в которых антимонополистические уголовно-правовые запреты демонстрируют высокую степень нормативной идентичности соответствующим предписаниям УК РФ. Наиболее показательным примером в данном контексте выступает ст. 273 УК Республики Таджикистан, озаглавленная «Монополистические действия и ограничение конкуренции». Практически полное совпадение диспозиций данной нормы и ст. 178 УК РФ не является случайным, а отражает глубокие процессы правовой интеграции и заимствования законодательных моделей в рамках общего постсоветского правового пространства²³.

Подобная идентичность формируется по нескольким ключевым векторам. Во-первых, наблюдается единообразие в определении ядра преступного деяния. Как российская, так и таджикостанская нормы криминализируют, в первую очередь, заключение ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) между хозяйствующими субъектами-конкурентами. При этом в диспозициях статей используется схожая, а зачастую и текстуально совпадающая формулировка запрещенных целей такого сговора: установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок; раздел рынка по

²³ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 07.12.2024).

территориальному, количественному или ассортиментному принципу; сокращение или прекращение производства товаров; отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями. Это свидетельствует о сближении понимания законодателями того, какие именно формы координации представляют наибольшую общественную опасность для конкурентной среды.

Во-вторых, прослеживается сходство в конструкции составов преступлений. Обе нормы сформулированы как материальные: уголовная ответственность наступает не за сам факт соглашения, а за его последствия в виде причинения крупного ущерба гражданам, организациям, государству либо извлечения дохода в крупном размере. Кроме того, в обеих статьях предусмотрена дифференциация ответственности с выделением квалифицированных составов, связанных с совершением деяния группой лиц, с использованием служебного положения или в особо крупном размере, что указывает на сходный подход к градации общественной опасности.

Данная нормативная общность имеет под собой историко-правовые и доктринальные основания. Она является прямым следствием единых методологических истоков постсоветских уголовно-правовых систем, сформировавшихся в результате рецепции и адаптации общих моделей в 1990-е годы. В последующий период близость сохранилась благодаря активному межгосударственному сотрудничеству в рамках СНГ, гармонизации законодательства и взаимному учету правоприменительной практики. Таким образом, таджикистанский законодатель, принимая и сохраняя данную норму, по сути, сделал осознанный выбор в пользу апробированной и концептуально знакомой правовой конструкции, что обеспечивает определенную предсказуемость и стабильность в правовом регулировании.

Однако эта идентичность имеет и обратную сторону, заключающуюся в потенциальном наследовании системных проблем и вызовов, присущих исходной российской модели. К ним относятся:

сложность доказывания согласованных действий. Обе нормы ориентированы на классический «бумажный» или вербальный сговор, в то время как современные антиконкурентные практики, особенно в цифровой среде, все чаще используют опосредованные алгоритмами формы координации. Доказывание прямого «соглашения» в таких условиях становится крайне затруднительным;

относительная узость предмета регулирования. Акцент на картельные соглашения может оставлять без адекватной уголовно-правовой оценки иные, не менее опасные формы ограничения конкуренции, такие как злоупотребление коллективным доминирующим положением или определенные виды недобросовестной конкуренции, причиняющие крупный ущерб;

проблема определения размера ущерба или дохода. Критерии «крупного» и «особо крупного» ущерба (дохода), будучи оценочными, создают сложности в правоприменении и могут приводить к неединообразной судебной практике.

УК Кыргызской Республики, в части регламентации ответственности за преступления против конкуренции, демонстрирует модель, которая, сохраняя концептуальное родство с российской, эволюционировала в сторону большей детализации и иной расстановки акцентов. Анализ ст. 223 УК Кыргызской Республики, являющейся функциональным аналогом ст. 178 УК РФ, выявляет как безусловные законодательные усовершенствования, так и спорные решения, формирующие специфический баланс между широтой охвата и строгостью применения нормы.

Ключевым и наиболее значимым отличием кыргызской нормы является прямое включение в диспозицию состава признаков поддержания монопольно высокой или монопольно низкой цены вне ограничивающего конкуренцию соглашения. Это не просто техническое дополнение, а принципиальное расширение сферы уголовно-правового реагирования. Кыргызский законодатель, сохраняя запрет на сговор, дополнительно криминализировал злоупотребление доминирующим положением в его наиболее типичной и социально-вредоносной форме – ценовой. Данное решение обладает значительной практической

ценностью, так как упрощает доказывание. Для привлечения к ответственности доминирующего субъекта, самостоятельно диктующего необоснованные цены, не требуется устанавливать факт труднодоказуемого соглашения с другими участниками рынка. Достаточно доказать факт доминирования и экономическую необоснованность цены. На многих рынках, особенно с высокой концентрацией, основной вред конкуренции исходит не от горизонтальных сговоров, а от ценовых злоупотреблений единственного или нескольких доминирующих хозяйствующих субъектов.

Таким образом, кыргызский подход преодолевает один из ключевых недостатков «чисто» картельной модели, делая уголовный закон более гибким и применимым к широкому спектру монополистических практик.

Однако указанное расширение сопровождается контрастным сужением в части последствий деяния. Если российская норма использует альтернативную конструкцию, признавая преступным деяние, повлекшее либо причинение крупного ущерба, либо извлечение крупного дохода, то ст. 223 УК Кыргызской Республики в качестве обязательного конструктивного признака называет только извлечение дохода в крупном размере.

Российская модель охраняет в первую очередь состояние конкурентной среды и имущественные интересы других участников рынка и потребителей. Крупный ущерб может быть выражен в банкротстве конкурентов, недополученной прибыли других субъектов, завышенных расходах бюджета или потребителей. Кыргызская модель, судя по конструкции, в большей степени фокусируется на неправомерном обогащении как основном критерии криминализации. Такое сужение создает существенный пробел в правовой охране. Из-под действия уголовного закона могут выпадать общественно опасные деяния, которые, не принося виновному прямого крупного дохода, наносят масштабный вред экономике. Классический пример – хищническое ценообразование, когда доминирующая компания намеренно устанавливает убыточные низкие цены, чтобы разорить конкурентов. В результате она несет

убытки (дохода нет), но причиняет огромный ущерб конкурентной структуре рынка. По кыргызской норме такое поведение не будет образовывать состава преступления, тогда как российский подход (при условии доказывания ущерба) позволяет на это реагировать.

Еще одним отличием является существенно более ограниченная система квалифицирующих признаков в ст. 223 УК Кыргызской Республики. Российский законодатель предусматривает весьма расширенную дифференциацию уголовной ответственности за ограничение конкуренции. Кыргызская норма в части 2 указывает лишь на насильственный способ совершения и извлечение дохода в особо крупном размере. Это различие свидетельствует о разной степени детализации уголовно-правовой оценки. Российская модель стремится учесть повышенную опасность организованных форм нарушения конкуренции и коррупционной составляющей (злоупотребление служебным положением). Кыргызский подход, в свою очередь, делает акцент на отягчающем значении насилия и масштаба обогащения. Можно предположить, что такая лаконичность упрощает квалификацию, но может не в полной мере отражать все аспекты общественной опасности.

Особый интерес представляет наличие в УК Кыргызстана самостоятельной нормы о рейдерстве (ст. 226), криминализирующей неправомерный захват предприятия или организации. Хотя рейдерство не является классическим антимонопольным нарушением в духе сговоров или злоупотребления доминирующим положением, его расположение в системе преступлений против конкуренции глубоко символично и содержательно обоснованно. Рейдерство представляет собой крайнюю, насильственную или мошенническую форму недобросовестной конкуренции, направленную на передел собственности и рыночных позиций не путем экономического соревнования, а через противоправный захват активов. Включение этой нормы свидетельствует о широком понимании законодателем угроз конкурентному порядку, который разрушается не только экономическими, но и силовыми, коррупционными

методами²⁴. Это шаг к формированию комплексной уголовно-правовой защиты всей инфраструктуры добросовестного предпринимательства. Российское уголовное право, не имея специальной нормы о рейдерстве, вынуждено квалифицировать подобные действия по совокупности статей о мошенничестве, вымогательстве, злоупотреблении полномочиями и т.д., что может не в полной мере отражать их специфическую направленность против основ конкурентной экономики.

Ответственности в сфере антимонопольного законодательства в УК Республики Узбекистан посвящена ст. 183, в которой установлена наказуемость за нарушение законодательства о конкуренции и законодательства о естественных монополиях. Суть данного уголовно-правового предписания сводится к запрету фактов непредоставления сведений антимонопольному органу или предоставления недостоверных сведений, а также неисполнения предписаний таких органов. При этом данная норма сконструирована с использованием административной преюдиции²⁵.

По нашему мнению, ст. 183 УК Республики Узбекистан соответствует современному уровню угроз, исходящих от монополистической деятельности. При этом использование при конструировании данного уголовно-правового предписания административной преюдиции также находится в русле уголовной политики последних лет.

Вместе с тем в узбекистанском уголовном законодательстве отсутствуют самостоятельные нормы об ответственности за незаконное использование средств индивидуализации, а также за нарушения в сфере обеспечения сохранности коммерческой тайны. Однако в условиях наличия указанного выше общего

²⁴ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.12.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 19.12.2024).

²⁵ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.11.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 12.12.2024).

запрета в сфере монополистической деятельности отсутствие этих норм не исключает наказуемость соответствующих деяний.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь комплекс уголовно-правовых норм об ответственности за монополистические действия и ограничение конкуренции представлен положениями о наказуемости установления и поддержания монопольных цен (ст. 245), распространения ложной информации о товарах и услугах (ст. 250), срыва публичных торгов (ст. 251), коммерческого шпионажа (ст. 254) и разглашения коммерческой тайны (ст. 255)²⁶. Как и в УК Республики Узбекистан здесь отсутствует самостоятельная уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за незаконное использование средств индивидуализации.

Следует отметить, что белорусский законодатель пошел по пути криминализации деяний в сфере монополистической деятельности с акцентуацией не на картеле как монополистическом соглашении, что характерно для УК РФ, а на факте согласованного участниками предпринимательской деятельности установления и поддержания цен. Представляется, что таким образом достигается цель конкретизации анализируемого уголовно-правового предписания. И это может быть более эффективным, в сравнении с реализованным в ст. 178 УК РФ подходом.

Весьма оригинальными необходимо признать уголовно-правовые запреты на распространение ложной информации о товарах и услугах и на срыв публичных торгов. Что касается ложной информации о товарах и услугах, то это может быть как дискредитирующая информация о товарах и услугах конкурентов, так и информация, преувеличивающая качественные показатели товаров и услуг. Очевидно, что такими деяниями ограничивается свободная конкуренция. Информационное противодействие подобным образом весьма характерно для современных рыночных отношений и нередко обладает значимым влиянием на

²⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.12.2024).

эффективность продвижения товаров и услуг определенных производителей и продавцов.

Как известно, в отечественном уголовном законодательстве ранее предусматривался уголовно-правовой запрет заведомо ложной рекламы, но впоследствии такое деяние было декриминализировано. Имеются основания полагать, в том числе с учетом опыта белорусского уголовного законодательства, что существует необходимость пересмотра вопроса о целесообразности криминализации в УК РФ подобных деяний в свете современных реалий информационного общества. В настоящее время уголовная ответственность за заведомо ложную рекламу предусмотрена в ряде государств ближнего зарубежья. Помимо УК Республики Беларусь, это УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики²⁷.

Отдельно необходимо оговорить наличие в УК Республики Беларусь нормы об ответственности за срыв публичных торгов. Если в российском уголовном законе установлена ответственность за ограничение конкуренции путем заключения картеля, которое повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах (ч. 2 ст. 178 УК РФ), то в белорусском уголовном законе реализован более строгий подход – криминализован срыв публичных торгов в корыстных целях.

В рамках отдельной нормы уголовного закона регламентирована ответственность за нарушения в ходе публичных торгов и в УК Республики Таджикистан (ст. 274)²⁸. В этом законе уголовно наказуемыми признаны нарушения порядка оценки, проведения публичных торгов и тендеров, причинившие крупный ущерб.

²⁷ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.02.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.12.2024).

²⁸ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 07.12.2024).

Уголовная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации по УК Республики Таджикистан установлена при условии причинения этим деянием крупного ущерба или наличия факта привлечения ранее к административной ответственности (ст. 275).

Проведенный компаративный анализ выявляет, что уголовное законодательство Республики Молдова представляет собой наиболее системную и концептуально завершенную модель охраны конкурентных отношений среди рассматриваемых стран СНГ. Ее уникальность заключается не в простом дублировании общепринятых запретов, а в формировании двухуровневой системы уголовно-правовой защиты, которая разделяет ответственность за классические монополистические действия и за нарушения в сфере добросовестной конкуренции. Если ст. 246 УК Республики Молдова, аналогичная российской ст. 178 УК РФ, направлена против ограничения конкуренции через сговоры и злоупотребление доминирующим положением, то ст. 247 «Недобросовестная конкуренция» заполняет принципиально важную нишу, криминализируя методы ведения бизнеса, которые искажают сам процесс соперничества, не обязательно приводя к установлению монопольного контроля.

Данная норма является редким для постсоветского пространства примером прямой и детальной инкорпорации в уголовный закон составов, традиционно относимых к сфере гражданско-правовых деликтов и административных правонарушений. Ее содержание можно структурировать по нескольким ключевым направлениям, каждое из которых отражает конкретную форму нарушения этических основ конкуренции:

- 1) запрет на создание смешения (п. «а»). Криминализуются любые действия, способные вызвать у потребителей заблуждение относительно организационно-правовой связи, аффилированности или одобрения между различными хозяйствующими субъектами или их продуктами. Это включает не только прямое копирование средств индивидуализации (что может подпадать и под ст. 180 УК РФ), но и любые иные способы создания ложных ассоциаций – схожесть

оформления, дизайна упаковки, стилистики коммерческого наименования, доменных имен в интернете. Такой широкий запрет направлен на защиту не столько формальных прав на товарный знак, сколько деловой репутации и инвестиций в создание узнаваемого образа, что особенно актуально в условиях цифровой экономики, где методы паразитирования на чужой репутации стали массовыми;

2) запрет на дискредитацию (п. «b»). Статья устанавливает уголовную ответственность за распространение заведомо ложных, неточных или искаженных сведений, порочащих деловую репутацию, товары или деятельность конкурента. В отличие от российского подхода, где подобные действия могут влечь лишь гражданско-правовую ответственность, молдавский законодатель признает заведомо ложную дискредитацию общественно опасным деянием, посягающим на основы честного предпринимательства. Это является прямым ответом на реалии «информационных войн» в бизнесе, когда целенаправленное распространение компромата и фейковых отзывов в сети может причинить невосполнимый ущерб даже устойчивым компаниям;

3) запрет на введение в заблуждение потребителей (п. «с»). Норма криминализует не просто обман потребителя, а специфический обман, направленный против конкурента, путем ложных утверждений о характере, свойствах, способе изготовления или качестве его товаров. Таким образом, охраняется не только интерес потребителя, но и конкурентное положение хозяйствующего субъекта, чья продукция становится объектом ложной информации. Это создает дополнительный, более жесткий правовой барьер против недобросовестных сравнительных рекламных кампаний и «черного» пиара, маскирующегося под потребительский анализ;

4) запрет на некорректное сравнение (п. «e»). Пункт напрямую криминализует сравнение товаров в рекламных целях, если такое сравнение осуществляется недобросовестно. Это частный, но крайне важный случай недобросовестной конкуренции, выделенный в отдельный признак. Он

охватывает ситуации, когда сравнение носит односторонний, манипулятивный характер, основано на несопоставимых критериях или преувеличивает недостатки товара конкурента. В российском праве подобные деяния также регулируются в основном на уровне КоАП РФ (ст. 14.3 «Нарушение законодательства о рекламе»)²⁹.

На наш взгляд, данная уголовно-правовая норма с наибольшей полнотой охватывает возможные нарушения в сфере антимонопольного законодательства и может служить ориентиром для повышения эффективности существующих отечественных предписаний.

Анализ положений уголовного законодательства стран дальнего зарубежья об ответственности за монополистические действия и ограничение конкуренции представляет собой не только научный интерес, но и обладает значительной практической актуальностью для современной российской правовой доктрины и законодательной политики. В условиях глобализации экономических процессов и трансграничного характера многих современных рынков, включая цифровые, изучение наиболее развитых и апробированных правовых моделей становится методологической необходимостью. Такое исследование позволяет выявить общемировые тенденции, инновационные правовые инструменты и возможные направления совершенствования национального законодательства.

Так, в структуре УК ФРГ выделяется отдельный раздел 26 «Преступные деяния против конкуренции», что уже само по себе свидетельствует о системном и принципиальном подходе германского законодателя к защите данного публичного блага. В отличие от российской модели, где соответствующие нормы интегрированы в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), немецкое право акцентирует самостоятельную ценность конкурентного порядка как объекта уголовно-правовой охраны.

²⁹ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 23.11.2024).

Особого внимания заслуживает конструкция § 298 УК ФРГ «Договоренность, ограничивающая конкуренцию в процессе конкурса» Данная норма криминализирует не классический картельный сговор на товарном рынке в его широком понимании, а специфическое преступление, нацеленное на обеспечение честности процедур публичного размещения заказов (тендеров, аукционов, конкурсов). Диспозиция параграфа гласит: наказывается тот, кто в процессе конкурса товаров или услуг делает оферту (подаёт заявку), основанную на противоправной договоренности, целью которой является побуждение организатора конкурса принять определенную оферту³⁰.

Анализ данной нормы позволяет выявить несколько ключевых особенностей германского подхода. В отличие от ст. 178 УК РФ, охраняющей конкуренцию как общее состояние рынка, § 298 УК ФРГ защищает нормальный ход конкретной конкурсной процедуры. Объектом преступления является не абстрактная «свобода конкуренции», а доверие к правилам игры при распределении государственных или муниципальных контрактов, а также имущественные интересы организатора торгов. Это делает норму более узкой, но и более операбельной для правоприменения.

Тем самым сделан фокус на «встречной» договоренности участников торгов. Состав преступления образует не просто любой сговор между хозяйствующими субъектами, а именно сговор, направленный на манипуляцию организатором. Целью такой предварительной договоренности является искусственное создание видимости конкуренции или обеспечение победы заранее определенному участнику, что вводит организатора в заблуждение относительно реальной конкурентной ситуации. Фактически, это криминализация тендерного картеля как самостоятельного деяния, а не как частного случая ограничивающего конкуренцию соглашения.

³⁰ Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2021. С. 399.

Для наличия состава достаточно самого факта подачи оферты, основанной на противоправной договоренности. Не требуется наступления последствий в виде причинения имущественного ущерба или извлечения дохода. Преступление считается оконченным в момент подачи сговоренной заявки. Это формальный состав, что значительно упрощает доказывание, так как следствию и суду не нужно устанавливать размер реального вреда, причиненного бюджету или рынку.

Опыт Германии в виде § 298 УК ФРГ указывает на потенциальную целесообразность специализации уголовно-правовой защиты в сфере публичных закупок. Введение в УК РФ отдельной нормы, криминализующей предварительную договоренность участников торгов с целью введения организатора в заблуждение, даже при отсутствии крупного ущерба, могло бы:

- резко повысить эффективность борьбы с тендерными картелями, упростив доказывание;

- послать четкий превентивный сигнал участникам рынка о недопустимости сговоров на торгах;

- более адекватно отразить специфическую общественную опасность таких деяний, подрывающих основы прозрачного и эффективного расходования публичных средств.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что германская модель, несмотря на внешнюю узость § 298, является элементом комплексной системы защиты конкуренции, где уголовное право выполняет четко отведенную ему функцию охраны ключевых процедурных механизмов рынка. Этот опыт заслуживает внимательного изучения в контексте возможного совершенствования российского законодательства для более эффективного противодействия коррупционным и антиконкурентным практикам в стратегически важной сфере государственных и муниципальных закупок.

Проведение сравнительно-правового анализа § 299 УК ФРГ «Коммерческий подкуп» в контексте защиты конкуренции демонстрирует еще один специфичный подход, где уголовно-правовые инструменты напрямую нацелены на обеспечение

добросовестности и непредвзятости в процессе принятия коммерческих решений. Данная норма, в отличие от § 298, защищает не столько формальную процедуру торгов, сколько этические основы делового оборота и корпоративное управление, криминализируя подкуп лиц, принимающих решения в частном секторе, с целью получения необоснованного конкурентного преимущества.

Норма имеет симметричную конструкцию, разделенную на две части: пассивный подкуп (ч. 1 – действия служащего предприятия) и активный подкуп (ч. 2 – действия лица, склоняющего служащего). В каждой части выделены две самостоятельные разновидности преступления:

- пункт 1 обеих частей охраняет свободу и добросовестность конкуренции. Криминализуется предоставление или получение выгоды в качестве встречного обязательства за недобросовестное предпочтение при закупках товаров или услуг. Объектом здесь выступает честный конкурентный процесс, а корыстное поведение служащего искажает его, ставя конкурентов в неравные условия;

- пункт 2 обеих частей охраняет имущественные интересы предприятия-работодателя. Криминализуется подкуп за совершение действия или бездействия, которое нарушает служебные обязанности перед предприятием, даже если это прямо не связано с искажением конкуренции (например, закупка заведомо некачественного, но дешевого товара у аффилированного лица). Здесь на первый план выходит защита прав акционеров и собственников от недобросовестности наемных управленцев.

Таким образом, § 299 УК ФРГ защищает два взаимосвязанных, но самостоятельных объекта: публичный интерес к честной конкуренции и частный интерес предприятия к лояльности своих служащих.

Субъект преступления определен широко: «служащий или уполномоченное лицо предприятия». Под это определение подпадают не только сотрудники по трудовому договору, но и любые агенты, поверенные, члены органов управления, то есть все, кто действует в интересах и по поручению коммерческой организации. Это закрывает потенциальные лазейки в корпоративной структуре.

Сфера действия – «в деловом обороте». Это означает, что норма применяется к отношениям между субъектами предпринимательской деятельности, отделяя коммерческий подкуп от подкупа должностных лиц (госслужащих), который регулируется другими нормами УК ФРГ. Такое разделение подчеркивает специфику угроз в частноправовой сфере.

Как и § 298, данный состав является формальным. Для оконченного преступления достаточно самого факта требования, получения обещания или принятия выгоды в качестве встречного обязательства за будущее противоправное действие. Не требуется, чтобы предпочтение было оказано или ущерб причинен. Уже согласие на коррупционную сделку считается общественно опасным. Это делает норму исключительно эффективным превентивным инструментом, позволяющим пресекать преступление на ранней стадии.

Важно отметить, что анализируемая норма прямо распространяется на действия «в условиях национальной или иностранной конкуренции». Это отражает глобальный подход Германии к борьбе с коррупцией в бизнесе и направлено на защиту немецких компаний как от недобросовестных практик внутри страны, так и на международных рынках.

Анализ ст. 211 и 212 УК Латвийской Республики позволяет выявить специфическую и прагматичную модель уголовно-правовой защиты конкурентной среды, которая отличается компактностью и ориентацией на ключевые принципы европейского права. Латвийский законодатель избрал путь универсализации и процессуального обеспечения, создав две взаимодополняющие нормы, охватывающие как широкий спектр недобросовестных рыночных практик, так и гарантии эффективности государственного контроля.

Статья 211 «Недобросовестная конкуренция, вводящая в заблуждение реклама и нечестная коммерческая практика» представляет собой универсальный состав с бланкетной диспозицией. Ее содержание раскрывается через отсылку к специальному законодательству в сфере конкуренции, рекламы и защиты прав

потребителей. Такая конструкция обеспечивает гибкость и динамичное соответствие уголовного запрета меняющимся экономическим реалиям. Критически важным признаком данной нормы является ее материальный характер: уголовная ответственность наступает только в случае причинения существенного вреда государству или охраняемым законом интересам другого лица. Это создает высокий порог криминализации, отделяющий уголовно наказуемые деяния от менее опасных административных правонарушений. Универсальность статьи позволяет привлекать к ответственности за самые различные действия – от картельных сговоров и дискредитации конкурентов до агрессивного маркетинга и обмана потребителей, если они повлекли указанный существенный вред.

Статья 212 «Невыполнение требований государственной структуры по защите конкуренции и содействию ей» выполняет принципиально иную, процессуально-обеспечительную функцию. Ее непосредственным объектом является не конкурентная среда как таковая, а авторитет и эффективность деятельности антимонопольного регулятора. Норма криминализирует неисполнение его законных предписаний, например, отказ в предоставлении информации, документации или несоблюдение вынесенного решения, при условии, что такое неподчинение причинило существенный вред. Таким образом, уголовное право здесь выступает не как первичный инструмент борьбы с монополизмом, а как гарант действенности административного контроля, обеспечивающий реальную исполнимость властных полномочий государственного органа.

Сравнивая эту модель с российским подходом, можно отметить ряд существенных различий. В латвийском УК отсутствует специальная норма, аналогичная российской ст. 178, прямо направленная против ограничения конкуренции путем картельных соглашений. Борьба с такими соглашениями, по всей видимости, относится преимущественно к сфере административной ответственности и гражданско-правовых санкций, а уголовное преследование

возможно по ст. 211 лишь в случае квалификации этих действий как недобросовестной конкуренции, причинившей существенный вред. При этом латвийская норма о недобросовестной конкуренции (ст. 211) является значительно более широкой, чем российское законодательство, где аналогичные деяния в основном декриминализованы и регулируются Кодексом об административных правонарушениях. Что касается обеспечения полномочий регулятора, то в России невыполнение законного предписания антимонопольного органа также влечет административную, а не уголовную ответственность (ст. 19.5 КоАП РФ)³¹.

Таким образом, латвийская модель предлагает двухзвенную конструкцию: одна норма (ст. 211) служит цели привлечения к уголовной ответственности за наиболее общественно опасные и вредоносные искажения конкурентного процесса любого вида, а другая (ст. 212) обеспечивает механизм принуждения к сотрудничеству с государственным регулятором. Этот прагматичный и интегрированный в общеевропейскую правовую традицию подход заслуживает внимания при обсуждении возможных путей модернизации российского законодательства, в частности, в части повышения уровня ответственности за злостное противодействие антимонопольному расследованию и установления уголовной ответственности за систематические и причиняющие крупный ущерб формы недобросовестной конкуренции.

По УК Королевства Нидерландов уголовно наказуемыми признаются действия лица, которое «для того, чтобы создать, сохранить или упрочить свое положение на рынке или положение другого лица, совершает обман и таким образом вводит в заблуждение публику или определенное лицо, виновно в недобросовестной конкуренции» (328bis)³².

³¹ Уголовный кодекс Латвийской Республики / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Latvia> (дата обращения 14.01.2026).

³² Уголовный кодекс Королевства Нидерландов / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Netherlands> (дата обращения 02.02.2026).

Изложенное представляет собой специализированную уголовно-правовую норму, направленную на защиту основ добросовестной конкуренции как фундаментального института рыночной экономики. Формально-логическая структура статьи выстроена вокруг следующей конструкции: специфической цели (создание, сохранение или упрочение рыночного положения), деяния в форме обмана и наступившего последствия в виде введения в заблуждение. Ключевым объектом правовой охраны здесь выступает не столько индивидуальное имущественное благо конкретного хозяйствующего субъекта или потребителя, сколько публичный интерес к поддержанию нормального (честного) порядка осуществления экономической деятельности. Таким образом, норма защищает функциональность самого рыночного механизма, основанного на состязательности, а также обеспечивает свободу экономического выбора, которая возможна только при условии доступа к достоверной информации.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1. В то время как уголовный закон Российской Федерации концентрируется преимущественно на картельных сговорах (ст. 178 УК РФ), сопоставимое законодательство государств ближнего зарубежья демонстрирует следующие эффективные правовые решения:

1) конкретизация и расширение объекта защиты: УК Кыргызской Республики (ст. 223) криминализирует не только согласованные действия, но и поддержание монопольно высоких (низких) цен вне формального сговора. УК Республики Беларусь детализирует запреты, выделяя в самостоятельные составы распространение ложной информации о товарах и срыв публичных торгов (ст. 250, 251), что актуализирует вопрос о восстановлении уголовной ответственности за заведомо ложную рекламу в УК РФ;

2) акцент на обеспечение эффективности антимонопольного контроля: УК Республики Узбекистан (ст. 183) устанавливает ответственность за неповиновение законным предписаниям антимонопольного органа, используя

конструкцию административной преюдиции, что соответствует современным тенденциям уголовной политики и способствует повышению авторитета контролирующих институтов;

3) системный запрет недобросовестной конкуренции: наиболее полная и структурная криминализация различных форм недобросовестной конкуренции (дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение) реализована в УК Республики Молдова (ст. 247), что может служить образцом для возможной модернизации российской системы уголовно-правовых запретов.

2. На основании проведенного сравнительно-правового анализа уголовно-правовых норм государств дальнего зарубежья, направленных на защиту конкурентной среды, можно сформулировать следующие выводы:

1) о системном подходе к защите конкуренции в структуре уголовного права. В УК ФРГ, включающем самостоятельный раздел «Преступные деяния против конкуренции», подчеркивается признание конкурентного порядка самостоятельным и высшим публичным благом, требующим специальной уголовно-правовой охраны. Данный подход отличается от интеграционной модели, принятой в Российской Федерации и ряде стран СНГ, где данные нормы включены в более широкие главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, что может нивелировать специфику объекта посягательства;

2) о доминировании специализированного и процедурного подходов в европейских моделях. Анализируемые системы демонстрируют движение от широких материальных составов (как ст. 178 УК РФ) к точечному регулированию ключевых механизмов обеспечения честной конкуренции. В УК ФРГ § 298 представляет собой эталонный пример формального и специализированного состава, криминализирующего не абстрактное ограничение конкуренции, а конкретное деяние – подачу заявки на торги, основанную на предварительном сговоре. Такой подход кардинально упрощает доказывание (не требуется установление последствий в виде ущерба) и служит эффективным превентивным инструментом для защиты прозрачности публичных закупок;

3) о расширении объекта охраны за счет внутренних корпоративных отношений. Норма о коммерческом подкупе (§ 299 УК ФРГ) указывает на глубокое понимание взаимосвязи добросовестного корпоративного управления и здоровой конкуренцией. Криминализируя подкуп лиц, принимающих решения в частном секторе, законодатель защищает не только честность конкуренции, но и имущественные интересы акционеров, обеспечивая лояльность наемных управленцев. Широкое определение субъекта (включая любых уполномоченных лиц) и формальный характер состава делаю эту норму гибким и мощным средством противодействия недобросовестным практикам в деловом обороте, в том числе трансграничным;

4) о прагматичной универсализации и обеспечении исполнимости в латвийской модели. Латвийский законодатель избрал иную, но не менее прагматичную стратегию, создав двухуровневую систему:

универсальная материальная норма (ст. 211 УК Латвийской Республики), охватывающая широкий спектр недобросовестных практик через бланкетную диспозицию, но устанавливающая высокий порог криминализации – причинение существенного вреда;

процессуально-обеспечительная норма (ст. 212 УК Латвийской Республики), направленная на защиту авторитета и эффективности антимонопольного органа путем криминализации неисполнения его предписаний. Эта модель признает, что уголовное право может выступать не только как средство противодействия монополизму, но и как гарант действенности административного контроля;

5) о целевом подходе к криминализации недобросовестной конкуренции. Нидерландская норма (ст. 328bis УК Королевства Нидерландов) фокусируется на субъективной цели – улучшении рыночного положения через обман. Таким образом, ключевым фактором становится не форма действия, а его направленность на искажение основ честного экономического соперничества. Этот подход акцентирует внимание на охране функциональности рыночного

механизма и свободы экономического выбора, основанного на достоверной информации.

Таким образом, европейские модели (в частности, германская и латвийская) демонстрируют более диверсифицированный и инструментальный подход к уголовно-правовой защите конкуренции по сравнению с классической «картельной» моделью³³.

³³ См. также: Довлатов А.Н. Уголовное законодательство стран ближнего зарубежья об ответственности за преступления, посягающие на свободу конкуренции // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 2025. С. 95-100; Довлатов А.Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства европейских государств об ответственности за монополистические действия и недобросовестную конкуренцию // Общество и право. 2026. № 1. С. 52-56.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОНОПОЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ И НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ

2.1. Ограничение конкуренции

Обеспечение свободы конкуренции является одной из фундаментальных основ функционирования современной экономики. И эти вопросы остаются актуальными на протяжении всего периода существования рыночных отношений. При этом в содержательном плане конкурентная среда в сфере экономической деятельности планомерно изменяется вследствие происходящих трансформаций в обществе. На эти процессы особенно влияют интенсивная цифровизация и развитие системы торгов.

Во многом благодаря обозначенным процессам совершенствуется и отечественное уголовное законодательство в этой сфере, где базовым предписанием об ответственности за ограничение конкуренции является ст. 178 УК РФ с одноименным названием. В то же время многочисленные изменения данного уголовно-правового запрета, произошедшие за время его действия, предопределялись не только вопросами преобразования отношений в сфере экономической деятельности, но и технико-юридическими аспектами.

А.В. Даниловской предложено «объект рассматриваемой категории преступлений определять как добросовестные конкурентные отношения, являющиеся одним из видов предпринимательских отношений, основанные на презумпции добросовестности субъектов экономической деятельности»³⁴.

Предложенное определение объекта как «добросовестные конкурентные отношения» смещает акцент с функционального состояния рынка на правовой принцип (презумпцию добросовестности), лежащий в основе этих отношений.

³⁴ Даниловская А.В. Концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2024. С. 10.

Такой подход интегрирует уголовно-правовую охрану в более широкий контекст гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности (ст. 10 ГК РФ). Его сильной стороной является указание на нормативный идеал, который нарушается преступлением. Однако потенциальным недостатком может считаться некоторая оценочность и абстрактность понятия «добросовестность» для целей строгой уголовно-правовой квалификации.

По утверждению Д.Б. Лаптева, «непосредственным объектом ограничения конкуренции являются общественные отношения, характеризующиеся наличием конкуренции, то есть функционированием рынка в условиях конкурентной среды, обусловленной наличием независимых хозяйствующих субъектов, соперничающих в равных условиях за право реализовать свой товар покупателю.

Общественные отношения, составляющие интересы потребителей следует отнести к содержанию дополнительного непосредственного объекта рассматриваемого преступления. Дополнительным объектом квалифицированных составов ограничения конкуренции могут выступать отношения в сфере государственной службы, службы в органах местного самоуправления, коммерческих и иных организациях, отношения собственности, отношения, связанные со здоровьем и телесной неприкосновенностью человека»³⁵.

Как пишет О.Е. Деревягина, «непосредственным объектом преступления выступает отношение, связанное с защитой конкуренции именно от картельных соглашений, в том числе с их предупреждением и пресечением»³⁶.

Этот подход является наиболее конкретным и ограничительным. Объект определяется не как общие конкурентные отношения, а строго как отношения по защите от картельных соглашений (их предупреждению и пресечению). Фактически объект сводится к охраняемой законом конкретной форме

³⁵ Лаптев Д.Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 70-71.

³⁶ Деревягина О.Е. Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2021. С. 57.

экономического поведения. Такая трактовка максимально тесно привязывает объект к диспозиции ст. 178 УК РФ, что может упростить толкование, но сужает сферу охраны. Она оставляет за рамками непосредственного объекта, например злоупотребления доминирующим положением, если они не являются результатом картеля, а также потенциально исключает из рассмотрения интересы потребителей как обязательный элемент.

По нашему мнению, тот факт, что ныне действующая редакция ст. 178 УК РФ сводится к запрету картелей, не означает такое сужение в понимании непосредственного объекта состава преступления. Предупреждение картельных соглашений оказывает более широкое влияние на отношения в сфере экономической деятельности, поскольку благотворно сказывается на добросовестную конкурентную атмосферу.

В методических рекомендациях Федеральной антимонопольной службы РФ отмечается, что состав ограничения конкуренции характеризуется основным непосредственным объектом в виде общественных отношений, складывающихся «в урегулированном антимонопольным законодательством порядке осуществления конкуренции, как конституционной ценности»³⁷.

Таким образом, основной непосредственный объект состава ограничения конкуренции выражается в общественных отношениях, складывающиеся в связи с обеспечением гарантированной Конституцией РФ свободы соперничества хозяйствующих субъектов, основанного на рыночных правилах. Данный вывод нашел поддержку 80 % опрошенных нами респондентов.

В качестве дополнительного непосредственного объекта выделяются общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением имущественных интересов государства, организаций и граждан, нарушаемые вследствие ограничения конкуренции. Факультативные объекты ограничения конкуренции имеют место при совершении квалифицированных видов данного преступления –

³⁷ Приказ ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

это здоровье при применении насилия, а также собственность при уничтожении или повреждении имущества либо при угрозе этих действий.

С объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 178 УК РФ, характеризуется деянием в виде ограничения конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством РФ. Прямая бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 178 УК РФ предписывает для установления признаков состава данного преступления руководствоваться положениями ст. 11 Закона о конкуренции «Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов».

Статья 11 Закона о конкуренции устанавливает системный запрет на антиконкурентные соглашения между хозяйствующими субъектами, классифицируя их по типам и характеру воздействия на рынок.

Часть 1 содержит прямой запрет на так называемый «картель» — горизонтальные соглашения между прямыми конкурентами (продавцами или покупателями), если они направлены на ключевые параметры конкуренции: цену (включая цены на торгах), раздел рынка, сокращение производства или бойкот определенных контрагентов. Опасность таких соглашений презюмируется.

Часть 2 регулирует «вертикальные» соглашения (между неконкурирующими субъектами на разных уровнях цепочки поставок, например, производителем и дистрибьютором). Они запрещаются в двух конкретных случаях: при навязывании цены перепродажи (за исключением установления максимума) и при включении запрета на продажу товаров конкурентов. Данный запрет носит более избирательный характер по сравнению с картелем.

Часть 3 вводит специальный запрет для субъектов рынка электроэнергии, направленный против соглашений, приводящих к манипулированию ценами, что отражает учет специфики и уязвимости финансово-сырьевых рынков.

Часть 4 является «открытой» или общей нормой, запрещающей любые иные соглашения, которые могут ограничить конкуренцию. Она содержит примерный перечень таких практик (навязывание невыгодных условий, ценовая дискриминация, создание барьеров для доступа на рынок).

Часть 5 расширяет запрет, налагая его не только на участников рынка, но и на третьих лиц, координирующих их экономическую деятельность с антиконкурентным результатом.

При этом закон допускает возможность доказывания допустимости вертикальных и иных соглашений, если они отвечают установленным критериям (ст. 12, 13 Закона о конкуренции).

Запрет не распространяется на соглашения внутри одной группы лиц (фактически, в рамках единого хозяйственного организма), а также на соглашения в сфере интеллектуальной собственности и одобренные антимонопольным органом соглашения о совместной деятельности³⁸.

Изложенные нормы представляют собой ядро материального антимонопольного запрета и отражает дифференцированную модель регулирования, сочетающую как жесткие, так и гибкие инструменты.

Законодатель применяет различный стандарт доказывания в зависимости от типа соглашения. Для картелей (ч. 1) используется подход: достаточно доказать сам факт соглашения, направленного на указанные цели, чтобы признать его нарушением. Для вертикальных и иных соглашений (ч. 2, 4) действует подход: необходимо анализировать потенциальные или реальные последствия для рынка, что открывает путь для экономического обоснования и защиты.

С одной стороны, закон содержит исчерпывающий и строгий запрет на картельные сговоры как наиболее опасную форму ограничения конкуренции. С другой стороны, он признает, что не все соглашения между субъектами вредны (например, вертикальные интеграции могут повышать эффективность). Поэтому

³⁸ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

предусмотрен механизм исключений (ст. 12, 13) и право стороны доказывать положительный эффект соглашения, что соответствует современной экономико-правовой доктрине.

Норма запрещает не только достигнутые соглашения, но и те, которые могут привести к ограничению конкуренции, что позволяет пресекать опасные практики на ранней стадии. Кроме того, запрет на координацию третьими лицами (ч. 5) блокирует попытки обойти закон через создание ассоциаций или «неформальных клубов».

Диспозиция части 1 статьи 11 почти дословно воспроизводит признаки преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Это создает основу для наступления уголовной ответственности: установление факта нарушения антимонопольного законодательства (административный проступок) является первым шагом для квалификации уголовно наказуемого деяния, если действия причинили крупный ущерб или принесли крупный доход. Таким образом, анализируемая норма выступает административно-правовым фундаментом для последующей уголовной ответственности за картельные сговоры.

Исключения для «группы лиц» и соглашений в сфере интеллектуальной собственности логичны: первые рассматриваются как единый экономический субъект, а вторые по своей природе предполагают исключительные права, требующие особого режима защиты. Это демонстрирует взвешенный подход законодателя³⁹.

Таким образом, положения ст. 11 Закона о конкуренции являются сложносоставной, экономически обоснованной нормой, эффективно разграничивающей безусловно вредные для рынка практики (картели) и соглашения, требующие оценки их совокупного эффекта. Ее значение выходит за рамки административного права, выступая ключевым элементом в системе

³⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

правовых инструментов противодействия монополизму, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Следует отметить, что если в ч. 1 ст. 178 УК РФ под запрет поставлено только заключение незаконных соглашений, то в Законе о конкуренции смежным также является запрет на согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию (ст. 11.1). Это расхождение заставляет задуматься о природе уголовно-правового запрета и о том, какие именно формы антиконкурентного поведения законодатель счел настолько общественно опасными, чтобы перевести их в разряд преступлений.

Согласованные действия – это уникальная конструкция антимонопольного права, призванная охватить те случаи координации на рынке, которые осуществляются без формального заключения соглашения, но при этом объективно приводят к тем же антиконкурентным последствиям, что и классический картель. Участники рынка, не вступая в прямой сговор и не обмениваясь письменными или устными договоренностями, действуют параллельно и осознанно, заменяя риски конкуренции выгодами оппортунистического поведения. Такое поведение каждого из них становится экономически рациональным только при условии, что остальные поступят аналогичным образом. Для антимонопольного органа доказывание факта согласованных действий – сложная, но разрешимая задача, опирающаяся на анализ поведения, экономических данных и отсутствия объективных причин для единообразия.

В уголовном праве такая конструкция отсутствует. Статья 178 УК РФ требует установления факта соглашения, то есть волевого акта согласования воли двух или более лиц. С объективной стороны состав преступления образуют действия по заключению такого соглашения. Согласованные же действия, будучи не оформленными договоренностью, юридически не подпадают под признаки объективной стороны состава преступления. Это порождает ситуацию, при которой поведение, причиняющее равновеликий вред конкурентной среде

(например, одновременное и необоснованное повышение цен всеми участниками олигопольного рынка, не вступавшими в прямой сговор), может быть пресечено лишь административно-правовыми средствами, но не влечет уголовной ответственности, даже если размер причиненного ущерба или извлеченного дохода кратно превышает установленные законом пороги.

На наш взгляд, объяснением такой ситуации служит требование определенности уголовно-правового запрета. Диспозиция уголовно-правовой нормы должна быть максимально четкой. Понятие «согласованные действия» в значительной степени оценочно и требует для своего установления сложного экономического анализа. Использование такой конструкции в уголовном законе неизбежно породило бы трудности в квалификации и расширительное толкование.

Также можно предположить, что законодатель, видимо, исходит из того, что общественная опасность согласованных действий все же ниже, чем классического картеля, где наличие формальной договоренности свидетельствует о большей степени сплоченности и устойчивости антиконкурентного поведения.

Тем не менее, существующее расхождение порождает вполне конкретные проблемы. На практике хозяйствующие субъекты, осознавая «уголовно-правовой иммунитет» согласованных действий, все чаще уходят от прямых сговоров, маскируя картельное поведение под парадигму согласованных действий. Антимонопольный орган может квалифицировать деяние по ст. 11.1 Закона о конкуренции, но передача материалов в следственные органы в таких случаях бесперспективна, так как состав преступления отсутствует. Таким образом, наиболее искусственные и латентные формы антиконкурентной координации оказываются вне поля действия уголовного закона.

Следует также отметить, что в «родственной» ст. 14.32 КоАП РФ ответственность установлена как за заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, так и за осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий. Кроме того, в рамках этой статьи административного

законодательства наказуемой признана и координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов, недопустимая в соответствии с антимонопольным законодательством РФ. О последнем деянии речь ведется в ч. 5 ст. 11 Закона о конкуренции. Оно также не признано криминальным.

Ввиду наличия в административном законодательстве схожих правонарушений законодатель регламентировал применительно к преступному ограничению конкуренции общественно опасные последствия в виде крупного ущерба или дохода в крупном размере.

Следует отметить, что вопрос об обоснованности наличия размерных признаков в конструкциях конкретных составов преступлений в теории уголовного права является дискуссионным⁴⁰. В числе критикуемых моментов этого законодательного решения является относительная произвольность при установлении размеров и их несогласованность в разных составах преступлений.

Применительно к составу ограничения конкуренции длительное время велись споры по вопросу понимания дохода, извлеченного в результате совершения данного преступления. В частности, одни специалисты считали, что доход образует вся выручка хозяйствующего субъекта, а другие полагали разумным вычитать из нее необходимые расходы, которые сопутствуют таким поступлениям. При этом противоречивые подходы имели место не только в уголовно-правовой науке, но и в судебной практике.

Знаменательным в этом ракурсе выступило постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 «По делу о проверке конституционности части первой и пункта "в" части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило». Этим постановлением была исключена возможность неоднозначного толкования признака «доход» в преступлении, закрепленном ст. 178 УК РФ.

⁴⁰ Есаков Г.А. Размерные признаки в уголовном законе: к вопросу о существовании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1. С. 78-83.

Суть этого дела, рассмотренного Конституционным Судом РФ, сводилась к следующему. Гражданин С.Ф. Шатило был признан виновным в покушении на ограничение конкуренции (картельный сговор) и приговорен к лишению свободы. Он, будучи директором ООО, вступил в сговор с другими компаниями для обеспечения победы своей организации в электронном аукционе на обслуживание медицинского оборудования. Смысл сговора заключался в отказе одной компании от участия и обжалования, а также формальном участии другой. Суд первой инстанции исходил из того, что планируемый доход от контракта, 768 млн рублей, является особо крупным размером, что позволяет квалифицировать содеянное как преступление. Апелляционный суд изменил приговор, признав наказание условным, и определил незаконным доходом всю выручку, полученную в результате картельного соглашения. Кассационный суд подтвердил законность приговора, согласившись с тем, что весь доход, полученный в результате ограничения конкуренции, является незаконным, так как победа в аукционе стала возможной только благодаря преступным действиям.

Конституционным судом РФ отмечено, что в отсутствие четкого определения понятия «доход» в различных сферах права, его толкование должно учитывать отраслевую принадлежность, системную связь с другими правовыми нормами и цели законодателя. Применительно к ст. 171 УК РФ о незаконном предпринимательстве, отсутствие формального определения «дохода» не означает возможность его произвольного толкования. Органы предварительного расследования и суды должны исходить из текста статьи, других норм уголовного закона и норм, регулирующих предпринимательскую деятельность. Доход определяется как выручка за все время незаконной деятельности без вычета расходов. Пленум Верховного Суда РФ также разъяснил, что доходом в ст. 171 УК РФ является выручка от реализации товаров, работ, услуг за период незаконной деятельности без вычета расходов.

Статья 178 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение антимонопольного законодательства. Термин «приносящая доход деятельность»

должен интерпретироваться аналогично ст. 171 УК РФ. Такое единое понимание не противоречит запрету применения уголовного закона по аналогии. Необоснованно придавать понятию «доход» в ст. 178 УК РФ иное содержание, что подтверждается сопоставлением с понятием «излишний доход» в ст. 185.3 УК РФ, который существенно меньше и равен размерам ущерба и убытков.

Криминообразующие признаки ст. 178 УК РФ должны устанавливаться во взаимосвязи с Общей частью УК РФ, в том числе с нормами об основаниях освобождения от уголовной ответственности. В частности, лицо, впервые совершившее экономическое преступление, может быть освобождено от ответственности при перечислении в бюджет дохода, полученного в результате преступления, и денежного возмещения в размере двукратной суммы дохода. Размер дохода должен определяться одинаково как для целей квалификации преступления, так и для целей освобождения от ответственности. Пленум Верховного Суда РФ указал, что доходом для целей денежного возмещения является общая сумма незаконного обогащения (без вычета расходов) в денежной или натуральной форме. Это относится ко всем нормам Особенной части УК РФ, перечисленным в части второй статьи 76.1, включая статьи 171 и 178.

Учет понесенных расходов при определении размера дохода по ст. 178 УК РФ приводил бы к абсурдным последствиям, когда приготовление к преступлению или покушение на преступление влекли бы более тяжкие последствия, чем оконченное преступление. Учет предполагаемых будущих расходов при определении дохода проблематичен из-за рискованного характера предпринимательской деятельности. В случаях покушения на ограничение конкуренции, когда преступная деятельность прервана, учет расходов вообще теряет смысл, поскольку нет фактически понесенных затрат.

Анализ судебной практики показывает, что суды под доходом понимают суммы, полученные по государственным или муниципальным контрактам, а также стоимость (цену) самих контрактов.

Таким образом, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что в контексте ст. 178 УК РФ понятие «доход» означает цену контракта, заключенного в результате ограничивающего конкуренцию соглашения, без учета каких-либо расходов, включая планируемые или произведенные в связи с исполнением контракта, а также обязательные публично-правовые платежи⁴¹.

В уголовно-правовой науке указанное постановление Конституционного Суда РФ получило положительные отклики⁴². Оно исключило возможность противоречивого толкования признаков крупного и особо крупного дохода вследствие ограничения конкуренции.

В развитие данного толкования, данного Конституционным Судом РФ, Федеральным законом от 13.12.2024 № 467-ФЗ примечания к ст. 178 УК РФ дополнились новым пунктом 1, которым установлено, что «доходом в настоящей статье признается выручка от реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения в результате исполнения такого соглашения, без вычета произведенных или необходимых (планируемых) расходов».

Примечательно, что это решение относительно понимания дохода, как следствия совершения преступления в сфере экономической деятельности, внедрено только в составе ограничения конкуренции. И анализируемое определение распространяет свое действие только на ст. 178 УК РФ, хотя признаки крупного и особо крупного размера дохода присущи и некоторым другим преступлениям (например, ст. 172 УК РФ). Очевидно, что такой подход не отвечает требованиям системности.

⁴¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта "в" части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило» // Собрание законодательства РФ. 01.05.2023. № 18. Ст. 3389.

⁴² Сегал (Решетникова) С.Б., Маслов А.О. Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы правоприменительной практики // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2. С. 10-17.

Важно подчеркнуть, что действующей редакцией ст. 178 УК РФ дифференцированы крупный размер ущерба и крупный размер дохода от ограничения конкуренции. Первый составляет сумму, превышающую 16 млн рублей, а второй – 80 млн рублей. Такое различие в суммах объясняется именно тем, что в предложенном варианте толкования термина «доход» он не является чистой прибылью лица, а выступает эквивалентом его выручки. Чистая прибыль будет составлять лишь определенную пропорцию от выручки, что может быть сопоставимо с криминообразующей размерностью крупного ущерба.

В теории уголовного права высказывается точка зрения о том, что вторым последствием преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, помимо крупного ущерба или дохода в крупном размере, выступает непосредственно ограничение конкуренции. Однако, на наш взгляд, такое толкование может быть подвергнуто критике, поскольку в рассматриваемом случае ограничение конкуренции является не последствием заключения картельного соглашения, а самим деянием, совершаемым данным способом. Так же как хищение – это деяние, причинившее ущерб, убийство – это причинение смерти. Процесс достижения результата не следует идентифицировать в качестве последствия преступления.

Важным для наличия рассматриваемого состава преступления является правильное определение признаков субъекта преступления⁴³. В юридической литературе отмечается, что буквальное толкование текста диспозиции ст. 178 УК РФ не дает оснований для выводов о каких-либо специальных признаках субъекта данного преступления⁴⁴.

Вместе с тем спецификой в исследуемом случае является то, что уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ может подлежать только лицо, которое: 1) является руководителем или уполномоченным представителем организации или индивидуального предпринимателя; 2) представляет организацию или

⁴³ Грибанова Д.В. Установление единого экономического интереса в делах о картелях и его влияние на квалификацию // Уголовное право. 2023. № 6. С. 14-24.

⁴⁴ Жабагинов Р.А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2021. С. 27.

индивидуального предпринимателя, являющиеся конкурирующими хозяйствующими субъектами. Как свидетельствуют результаты исследования материалов правоприменительной практики, проблемы зачастую возникают в связи с определением второго обязательного критерия для субъекта анализируемого преступления. Объяснения также находятся в плоскости бланкетности диспозиции состава ограничения конкуренции. И, в частности, в силу ч. 7 ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» запрет на картельные соглашения не применяется к соглашениям внутри одной группы компаний, где одна компания контролирует другую или обе компании находятся под общим контролем. Исключением являются соглашения между компаниями, осуществляющими виды деятельности, которые, согласно российскому законодательству, не могут выполняться одновременно одной компанией.

В современных условиях, когда создаются и функционируют группы компаний, фактически находящиеся под контролем одного лица, возникают квалификационные сложности, predeterminedные установлением юридического факта подконтрольности.

С субъективной стороны состав ограничения конкуренции характеризуется умышленной формой вины. Это, довольно сложное по своей юридической сущности и экономической природе преступление, предполагает глубокое знание соответствующих принципов рыночных отношений и соответствующего правового регулирования.

В последние годы с развитием системы торгов особую актуальность приобрели проблемы ограничения конкуренции в данной сфере. Неслучайно законодатель Федеральным законом от 13.12.2024 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76¹ и 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 28¹ и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» установил в качестве квалифицированного вида ограничения конкуренции его совершение на

торгах, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 178 УК РФ).

Так, Х., занимая должность генерального директора ООО «Строй Сервис» и являясь единоличным исполнительным органом общества, действуя умышленно из корыстных побуждений и используя свое служебное положение, совершил ограничение конкуренции, выразившееся в заключении и реализации устного картельного соглашения с генеральным директором ООО «ОблСпецТранс» и одновременно индивидуальным предпринимателем С. (освобожденным от ответственности в силу примечания 3 к ст. 178 УК РФ). Предметом антиконкурентного соглашения, запрещенного п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции, явилось обеспечение победы в электронных аукционах на право заключения муниципальных контрактов путем минимального снижения начальной цены – не более чем на 2,5 %, что создавало лишь видимость конкурентной борьбы. Во исполнение достигнутой договоренности соучастники заранее определяли размер ценовых предложений, а сами заявки подавались Х. лично с единого компьютера в офисе ООО «Строй Сервис»; при этом подконтрольные им хозяйствующие субъекты привлекались в качестве «вторых участников» для имитации состязательности и во избежание необходимости согласовывать заключение контракта с единственным поставщиком с контролирующими органами. Указанные действия, сопряженные с извлечением дохода в крупном размере, повлекли ограничение конкуренции на торгах и нарушение охраняемых законом интересов в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд⁴⁵.

Применительно к картелям, когда конкуренты вступают в сговор на торгах, для квалификации деяния по ст. 178 УК РФ важно учитывать следующие признаки:

⁴⁵ Приговор Зеленогорского районного суда города Санкт-Петербурга от 13.05.2022 по делу № 1-15/2022 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

1) минимальный состав сговора: не менее двух участников аукциона должны вступить в сговор против других участников. Соглашение, ограничивающее конкуренцию, может быть заключено между поставщиками, а также между исполнителем и заказчиком;

2) отсутствие реальной конкуренции: участники сговора не соперничают между собой, один может отказаться от участия в пользу другого. Возможны договоренности о минимальном пороге снижения цены;

3) несамостоятельность действий: действия участников картеля predetermined заранее. Например, один участник искусственно занижает цену до нереального уровня, а другой снижает цену незначительно, чтобы создать видимость конкуренции и отсеять добросовестных участников. Затем участник, предложивший самую низкую цену, отказывается от исполнения заказа, а «заранее назначенный» победитель выигрывает торги;

4) влияние на общие условия рынка: участники картельного соглашения могут влиять на условия обращения товаров на рынке. Заказчик может подготовить тендерную документацию, подготовленную под конкретного поставщика или исполнителя, что вынуждает других участников отказаться от участия. Нередко «победители» сами готовят такую документацию под себя и передают ее заказчику для публикации⁴⁶.

В числе квалифицирующих признаков состава исследуемого преступления предусмотрены следующие обстоятельства (ч. 3 ст. 178 УК РФ):

лицом с использованием своего служебного положения;

организованной группой;

с причинением особо крупного ущерба;

с извлечением дохода в особо крупном размере.

Анализ квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 3 ст. 178 УК РФ, позволяет заключить, что законодатель конструирует особо квалифицированный

⁴⁶ Васильева О.Н. Особенности установления факта ограничения конкуренции по признакам цифровых картелей // Безопасность бизнеса. 2023. № 3. С. 33-38.

состав ограничения конкуренции посредством включения признаков, характеризующих как повышенную общественную опасность деяния, так и специфику субъекта преступления. Предусмотренные обстоятельства могут быть классифицированы на две группы: признаки, относящиеся к объективной стороне (причинение особо крупного ущерба, извлечение дохода в особо крупном размере), и признаки, относящиеся к субъекту и форме соучастия (использование служебного положения, совершение преступления организованной группой).

Совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения. Данный квалифицирующий признак традиционен для преступлений в сфере экономической деятельности и применительно к ст. 178 УК РФ имеет свою специфику. Субъектом здесь выступает не только должностное лицо, использующее властные полномочия для содействия картелю, но и руководитель коммерческой или иной организации, лицо, выполняющее управленческие функции, а равно индивидуальный предприниматель, чье служебное положение позволяет ему заключать антиконкурентные соглашения или обеспечивать их исполнение. Включение данного признака отражает коррупциогенный потенциал картельных сговоров: служебное положение нередко используется для оказания давления на контрагентов, получения инсайдерской информации или придания противоправным действиям видимости легальности. Установление данного признака требует выявления факта использования субъектом своих полномочий (включая организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции) именно в целях ограничения конкуренции.

В то же время, как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования материалов судебной практики, в преобладающем большинстве случаев привлечения к уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ виновным выступает лицо, обладающее определенным служебным положением.

Совершение преступления организованной группой. Данный признак представляет собой особую форму соучастия, характеризующуюся устойчивостью, предварительной договоренностью и распределением ролей.

Применительно к картельным соглашениям организованная группа может включать как руководителей нескольких компаний-конкурентов, так и иных лиц (например, отраслевых консультантов, сотрудников антимонопольного органа, действующих в сговоре). Важно отметить, что сам картель, будучи соглашением между хозяйствующими субъектами, уже предполагает наличие сговора; однако квалификация по ч. 3 требует установления признака организованности, выходящего за рамки простого соглашения. Это могут быть: разработка детального плана, создание механизмов сокрытия следов преступления, распределение доходов от монополистической деятельности, длительный характер противоправной координации. Признание картеля организованной группой влечет более строгую уголовную ответственность и существенно повышает репрессивный потенциал нормы.

Причинение особо крупного ущерба и извлечение дохода в особо крупном размере. Законодатель устанавливает альтернативные последствия в качестве конструктивных признаков особо квалифицированного состава. Примечательно, что пороговые значения для данных признаков не одинаковые, поскольку юридическая природа ущерба и дохода различна. Ущерб может быть причинен как конкретным хозяйствующим субъектам (конкурентам, контрагентам), так и публично-правовым образованиям (например, при завышении цен на торгах). Доход же извлекается самими участниками картеля и представляет собой неправомерно полученную монопольную сверхприбыль. Альтернативность признаков позволяет привлечь к ответственности даже в тех случаях, когда ущерб третьим лицам сложно доказать, но установлен факт обогащения виновных в особо крупном размере.

В ч. 4 ст. 178 УК РФ регламентирована ответственность за совершение исследуемого преступления с применением насилия или с угрозой его применения, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения.

Данными признаками законодатель выводит ограничение конкуренции за пределы сугубо экономического деликта, придавая ему черты насильственного посягательства. Включение признаков применения насилия, угроз, а также уничтожения или повреждения имущества свидетельствует о том, что картельный сговор на определенном этапе своей реализации утрачивает черты «соглашения» профессионалов рынка и трансформируется в агрессивное подавление конкурентной среды средствами, типичными для общеуголовной, а не экономической преступности.

С точки зрения объективной стороны, законодатель конструирует здесь составное преступление, объединяющее в одной норме два самостоятельных, но взаимосвязанных деяния: собственно ограничение конкуренции и насильственные (или имущественные) посягательства, выступающие способом достижения антиконкурентной цели либо средством удержания монопольного положения. Физическое насилие может быть применено как к конкурентам (с целью принуждения к участию в картеле, отказу от снижения цен, выходу с рынка), так и к представителям контрагентов, потребителей, либо иным лицам, препятствующим реализации монополистической стратегии. Угроза применения насилия, в свою очередь, выступает психическим принуждением, формирующим у потерпевшего состояние страха и подавление воли к сопротивлению.

Особого внимания заслуживает включение в диспозицию признака уничтожения или повреждения имущества, а равно угрозы совершения таких действий. Это принципиально расширяет инструментарий антиконкурентного воздействия: виновный может не прибегать к прямому насилию над личностью, но при этом наносить существенный имущественный урон конкурентам (поджог торговых точек, повреждение оборудования, уничтожение товара) либо угрожать такими действиями с целью парализации предпринимательской активности жертвы. Данный признак сближает рассматриваемое преступление с составом вымогательства (ст. 163 УК РФ), однако в отличие от последнего, требование о передаче имущества здесь не обязательно; ключевым является требование о

подчинении антиконкурентной воле – отказе от участия в торгах, поддержании монопольной цены, прекращении производства и т.п.

В соответствии с примечанием 4 к ст. 178 УК РФ, лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб, возвратило незаконно полученный им доход или иным образом загладило причиненный им вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Примечание 4 к ст. 178 УК РФ предоставляет лицу, первым раскрывшему информацию о картеле, императивное освобождение от ответственности при условии добровольности сообщения, активного содействия расследованию, полной имущественной реституции и отсутствия в деянии иного состава преступления. Данный механизм выполняет стратегическую функцию дестабилизации картельных соглашений изнутри, позволяя преодолевать латентность этих преступлений без использования исключительно оперативно-розыскных ресурсов. Вместе с тем сохраняется проблема правоприменительной неопределенности критерия «первый из соучастников» при одновременном обращении нескольких фигурантов.

Таким образом, современная уголовно-правовая характеристика состава ограничения конкуренции имеет свои особенности, выражающиеся, прежде всего, в динамично изменяющейся бланкетной составляющей данной уголовно-правовой нормы. И это отражается на правильном понимании существа деяния, состоящего в заключении картельного соглашения, наличии исключений из запретов картелей, связанных с деятельностью подконтрольных структур.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд основных выводов, отражающих как современное состояние уголовно-правового запрета на

ограничение конкуренции, так и сохраняющиеся проблемы его законодательной конструкции и правоприменительной реализации:

1. Основной непосредственный объект образуют общественные отношения по обеспечению конституционной свободы рыночного соперничества, дополнительный – имущественные интересы государства, организаций и граждан, а факультативные объекты актуализируются в квалифицированных составах (здоровье, отношения собственности).

2. Статья 178 УК РФ находится в неразрывной бланкетной зависимости от ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции», которая выступает административно-правовым фундаментом уголовной ответственности. При этом наблюдается существенное расхождение между сферами действия уголовного и антимонопольного запретов: уголовный закон криминализует исключительно заключение картельных соглашений, тогда как антимонопольное законодательство запрещает также согласованные действия и антиконкурентную координацию. Данное расхождение, будучи осознанным законодательным решением, продиктованным требованием определенности уголовно-правового запрета, порождает серьезную правоприменительную проблему: наиболее латентные и технологически сложные формы антиконкурентного поведения (параллельное ценовое поведение в олигопольных структурах, координация через цифровые алгоритмы) остаются вне поля действия уголовного закона, даже будучи административно наказуемыми и причиняя сопоставимый с картелем вред.

3. Принципиальное значение для практики применения ст. 178 УК РФ имела конституционно-правовая интерпретация признака «доход», предложенная Конституционным Судом РФ в постановлении от 19.04.2023 и впоследствии легитимированная Федеральным законом от 13.12.2024 № 467-ФЗ. Доходом признана выручка от реализации товаров (работ, услуг), извлеченная всеми участниками соглашения в результате исполнения картеля, без вычета каких-либо расходов. Это решение, с одной стороны, устранило многолетнюю

неопределенность и противоречивость судебной практики, с другой – выявило проблему системности уголовного закона: аналогичное легальное определение отсутствует в иных составах преступлений, где доход выступает криминообразующим признаком. Кроме того, законодательно закреплённая дифференциация пороговых значений крупного ущерба (16 млн руб.) и крупного дохода (80 млн руб.) получила экономическое обоснование, поскольку доход в форме выручки многократно превышает чистую прибыль, сопоставимую с размером ущерба.

4. Законодатель выстраивает трехуровневую дифференциацию ответственности, последовательно усиливая ее при: а) совершении преступления на обязательных торгах (ч. 2); б) наличии признаков использования служебного положения, организованной группы, особо крупного ущерба или дохода (ч. 3); в) применении насилия, угроз, уничтожении или повреждении имущества (ч. 4). Особого внимания заслуживает трансформация понимания картеля в ч. 4: из экономического деликта он перерастает в насильственное посягательство, сближающееся по своим признакам с вымогательством и иными общеуголовными преступлениями. При этом сохраняется проблема установления признака «организованная группа» применительно к картелям, где сам сговор уже предполагает соучастие, но не всегда достигает степени устойчивости и распределения ролей, характерных для организованной преступности.

5. Примечание 4 к ст. 178 УК РФ является эффективным инструментом дестабилизации картельных соглашений изнутри. Императивный характер освобождения при выполнении всех условий создает мощный стимул для «первого раскаявшегося». При этом сохраняется правоприменительная неопределенность критерия «первый из соучастников» при одновременном обращении нескольких фигурантов.

6. Действующая редакция ст. 178 УК РФ представляет собой результат длительной эволюции, в ходе которой законодатель, с одной стороны, существенно проработал понятийный аппарат, адаптировал норму к реалиям

конкурентной борьбы в сфере публичных закупок и уточнил пороги криминализации, а с другой – сохранил концептуальную приверженность «картельной» модели, отказавшись от распространения уголовной ответственности на иные формы антиконкурентной координации. Этот консерватизм имеет под собой рациональные основания (определенность запрета, недопустимость объективного вменения), однако в условиях цифровизации экономики и усложнения рыночных практик возникает объективная потребность в обсуждении вопроса о криминализации наиболее опасных форм согласованных действий и злостного противодействия антимонопольному расследованию. Дальнейшее совершенствование нормы видится не столько в ужесточении санкций, сколько в повышении качества законодательных формулировок и обеспечении системного единства⁴⁷.

⁴⁷ См. также: Довлатов А.Н. Современная уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти преподавателей кафедры уголовной политики Академии управления МВД России – участников Великой Отечественной войны): сборник статей по материалам международной конференции (24 октября 2025 г.). М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 308-312.

2.2. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

Основополагающим признаком каждого состава преступления выступает его объект. Именно данный элемент состава преступления отражает основную социально-юридическую сущность конкретного запрещенного уголовным законом деяния, а правильное определение объекта состава преступления выступает залогом адекватного применения уголовно-правовой нормы.

Обращаясь к уголовно-правовому исследованию состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (далее – незаконное использование средств индивидуализации), необходимо отметить, что, несмотря на довольно длительную историю существования соответствующего уголовно-правового запрета, он неоднократно видоизменялся. Причем последние новеллы приходятся на 2024 г., когда была произведена декриминализация незаконного использования предупредительной маркировки.

Данные обстоятельства, наряду с интенсивным развитием отношений в сфере экономической деятельности, всеобъемлющей экспансией цифровых технологий, в том числе в сферу торговли, обуславливают актуальность уточнения существующих теоретических воззрений относительно понимания объекта состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ.

Анализ формулировки наименования ст. 180 УК РФ, а также диспозиции ее ч. 1 позволяет утверждать, что данная уголовно-правовая норма имеет бланкетный характер изложения и для ее уяснения требуется обращение к нормативным правовым актам иной отраслевой принадлежности. Регламентация общественных отношений, связанных с обращением средств индивидуализации, осуществляется гражданским законодательством, главным образом положениями части 4 ГК РФ.

В теории уголовного права высказываются различные точки зрения по вопросу понимания непосредственного объекта рассматриваемого общественно

опасного деяния. Например, существует мнение о том, что объектом данного преступления является интеллектуальная собственность⁴⁸.

Средства индивидуализации, поименованные в ч. 1 ст. 180 УК РФ, действительно признаются интеллектуальной собственностью и им предоставляется правовая охрана (п. 1 ст. 1225 ГК РФ). То есть сами соответствующие товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения выступают в качестве разновидности интеллектуальной собственности.

В то же время в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывается, что «в соответствии с положениями части четвертой ГК РФ термином "интеллектуальная собственность" охватываются только сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, но не права на них»⁴⁹.

Следовательно, в отличие от общеправового понятия собственности, интеллектуальная собственность трактуется исключительно как сами средства индивидуализации. Отсюда вывод, что интеллектуальная собственность не может быть признана непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, поскольку она не идентифицируется в качестве общественных отношений, а является предметом состава преступления.

С учетом изложенных обстоятельств многими специалистами содержание непосредственного объекта состава незаконного использования средств индивидуализации толкуется иначе. В юридической литературе отмечается, что основной непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением прав на средства индивидуализации товаров, работ или услуг.

⁴⁸ Титов С.Н. Моделирование состава преступления против интеллектуальной собственности // Российский следователь. 2022. № 10. С. 48-52.

⁴⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

В качестве дополнительного непосредственного объекта выделяются общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения добросовестной конкуренции между хозяйствующими субъектами⁵⁰.

Изложенная позиция в целом заслуживает поддержки, поскольку отражает узловые аспекты нарушаемых исследуемым преступлением общественных отношений. В результате незаконного использования средств индивидуализации, бесспорно, нарушаются права на результаты интеллектуальной деятельности. Вместе с тем затрагиваются и отношения в сфере добросовестной конкуренции.

Имеет место и трехкомпонентное виденье объекта состава незаконного использования средств индивидуализации. Так, по мнению А.А. Козлова, основной объект данного преступления образуют отношения, возникающие по поводу правовой охраны товарных знаков, дополнительный – исключительные права владельцев товарных знаков, факультативный – деловая репутация правообладателя, а также интересы потребителей⁵¹.

Необходимо подчеркнуть значимость идеи о выделении в числе объектов рассматриваемого состава преступления общественных отношений, связанных с деловой репутацией предпринимателей, а также отношений в сфере обеспечения прав потребителей. Данные отношения терпят урон в ситуациях, когда товар, на котором использовалось чужое средство индивидуализации, отличался худшим качеством в сравнении с оригинальным товаром. При этом можно предположить, что если качество товара не уступало оригинальному, то и вряд ли допустима констатация повреждения таких объектов. Именно поэтому автором они обозначены в качестве факультативных непосредственных объектов рассматриваемого преступления, поскольку они не всегда нарушаются в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ.

⁵⁰ Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // Мировой судья. 2024. № 4. С. 8-13; Никитина Л.К. Объект состава незаконного использования товарного знака (ст. 180 УК РФ) // Российский следователь. 2009. № 11. С. 47.

⁵¹ Козлов А.А. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 23.

В этих условиях допустимо утверждение, что интересы потребителей и деловая репутация организации-правообладателя защищаются анализируемым предписанием лишь косвенно, поскольку данные общественные отношения не находятся под непосредственной охраной ст. 180 УК РФ.

Возвращаясь к заключениям о том, что непосредственный объект состава незаконного использования средств индивидуализации связан с общественными отношениями, обеспечивающими права на соответствующие виды интеллектуальной собственности, а также с вопросами добросовестной конкуренции, считаем целесообразным рассмотреть эти аспекты подробнее.

Как отмечается в уголовно-правовой науке, данное преступление нарушает конкурентный порядок, социальное равновесие предпринимателей⁵². Развивая эту идею, возникает вопрос о возможности и обоснованности выделения в качестве самостоятельных объектов отношений конкуренции и отношений в связи с охраной прав на средства индивидуализации. В отличие от преступного нарушения авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), где во главу угла поставлена защита соответствующих интеллектуальных прав, преступление, закрепленное ст. 180 УК РФ, характеризуется тесной, а точнее неотделимой взаимосвязью прав на интеллектуальную собственность и отношений конкуренции.

В этом контексте необходимо подчеркнуть тот факт, что в рамках ст. 180 УК РФ под запрет поставлено незаконное использование не любых разновидностей интеллектуальной собственности, а только товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров. Как видно, данные средства индивидуализации непосредственным образом взаимосвязаны с экономической деятельностью, ее эффективностью и результативностью. Например, в ст. 146 УК РФ криминализовано присвоение авторства, что прямо нарушает, в первую

⁵² Даниловская А.В. Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны // Lex russica. 2020. № 2. С. 84.

очередь, неимущественные права. В свою очередь в ст. 180 УК РФ упомянуты только такие средства индивидуализации, которые непосредственно влияют на финансовые показатели экономической деятельности. Очевидно, что незаконно используются, как правило, товарные знаки фирм, которые успешно реализовывают свои товары. Незаконное использование товарного знака тем самым «изымает» долю продаж у продавца оригинального товара, снижает его выручку, а следовательно, и доход.

Фирменное наименование субъекта предпринимательства и географическое обозначение товара в отрыве от средств индивидуализации, перечисленных в ч. 1 ст. 180 УК РФ, уже не обладают такими свойствами прямого влияния на экономические обороты. В этой связи они и не были закреплены законодателем в исследуемой уголовно-правовой норме.

Следовательно, в ст. 180 УК РФ под уголовно-правовой запрет поставлено незаконное использование только таких видов интеллектуальной собственности, которые прямым и непосредственным образом позволяют «изымать» определенный объем продаж у продавца оригинальных товаров. В любом случае данные средства индивидуализации влияют на экономические правоотношения.

Далее необходимо подчеркнуть, что ст. 180 УК РФ не имеет своим основным предназначением защиту неимущественных интеллектуальных прав, как это, в том числе, присуще ст. 146 УК РФ. Законодатель не случайно расположил ст. 180 УК РФ в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности, а не в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина, как ст. 146 УК РФ.

В числе конструктивных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, находятся неоднократность и крупный ущерб. Это также подчеркивает сугубо экономический характер данного общественно опасного деяния.

В этих условиях следует отметить, что экономический вред, причиняемый в результате незаконного использования средств индивидуализации, состоит

преимущественно в недобросовестном «отъеме» части клиентов правообладателя определенного товарного знака (или иных средств индивидуализации). Нарушение неимущественных прав правообладателя имеет второстепенное значение. И здесь необходимо констатировать, что через нарушение исключительных прав на средства индивидуализации происходит посягательство на добросовестную конкуренцию участников экономической деятельности.

Исходя из действующего механизма правового регулирования экономической деятельности, правомерное использование средств индивидуализации обеспечивает состояние добросовестной конкуренции. И наоборот – незаконное использование средств индивидуализации посягает на отношения добросовестной конкуренции, поскольку лицо, виновное в совершении преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, получает преимущества при реализации товара, незаконно снабженного чужими товарными знаками⁵³. Эти преимущества обусловлены качеством бренда, известностью марки, масштабными рекламными акциями и продвижениями. Соответственно, лицо, незаконно использовавшее чужое средство индивидуализации пользуется указанными достижениями, не прикладывая усилий, в том числе финансовых, в достижение такого результата. Именно в этом и состоит социально-юридическая сущность анализируемого преступления.

При таких обстоятельствах усматривается неразрывная взаимосвязь отношений, возникающих в связи с обеспечением интеллектуальных прав, и отношений добросовестной конкуренции. При совершении преступления, регламентированного ст. 180 УК РФ, нарушение права на средства индивидуализации выступает этапом, ступенью к достижению основного результата, выражающегося в нарушении принципов добросовестной конкуренции. Поэтому данные общественные отношения не следует

⁵³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

рассматривать в качестве двух самостоятельных объектов, поскольку они образуют единое целое.

На основании изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что незаконное использование средств индивидуализации посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением добросовестной конкуренции посредством недопущения незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг). С такой трактовкой согласились 68 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Понимание признаков объективной стороны состава преступления в первую очередь отражает на себе происходящие в определенной сфере правоотношений изменения. Особенно это характерно для составов преступлений, предусмотренных уголовно-правовыми нормами с бланкетной диспозицией. Трансформация в соответствующей области непременно влияет на содержание признаков состава преступления. Помимо этого, толкование признаков объективной стороны состава преступления, как внешнего выражения акта преступного поведения человека, может предопределяться современным уровнем развития конкретных общественных отношений.

Обозначенные тенденции наглядно проявляются на примере состава преступления, регламентированного ст. 180 УК РФ. Объективная сторона данного состава преступления зависит от законодательства, регулирующего использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (далее – средств индивидуализации). Одновременно значимое влияние на понимание признаков объективной стороны этого преступления оказывают, в частности, процессы цифровизации в сфере экономической деятельности.

В то же время и сама уголовно-правовая регламентация рассматриваемой нормы нередко видоизменяется. Так, в 2024 г. было декриминализировано незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не

зарегистрированных в России средств индивидуализации, а также увеличен размер крупного ущерба до четырехсот тысяч рублей.

На сегодняшний день объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, представлена незаконным использованием средств индивидуализации. При этом законодатель не раскрывает понятие использования. В современной судебной практике признаки незаконного использования средств индивидуализации толкуются довольно широко, поскольку под ним понимается как размещение товарных знаков на товарах, так и последующая реализация таких товаров⁵⁴.

В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» также предлагается расширенная трактовка анализируемых действий. По сути, под незаконным использованием средств индивидуализации высшая судебная инстанция рекомендует понимать любое применение соответствующих предметов для последующей их продажи или для иного включения (выпуска) в гражданский оборот.

Имеются основания полагать, что к текущему периоду уже сложилась весьма устойчивая практика привлечения к уголовной ответственности за совершение рассматриваемого преступления путем, например, нанесения чужих товарных знаков на какие-либо предметы и вещи для последующей их продажи. Подобным образом наказуемыми признаются и другие сопутствующие деяния, связанные с перевозкой, хранением и непосредственной продажей данных товаров.

Так, Л., действуя из корыстных побуждений, принял решение организовать незаконное производство, хранение и перевозку в целях последующего сбыта контрафактных семян подсолнечника, маркированных чужим товарным знаком «Syngenta», без согласия правообладателя. Осознавая необходимость в

⁵⁴ Харламова А.А., Аюпова Г.Ш. Проблемы толкования понятия "незаконное использование" для целей ч. 1 ст. 180 УК РФ // Уголовное право. 2023. № 8. С. 41-49.

соисполнителе, он предложил В. участвовать в преступлении, на что получил согласие; таким образом, они образовали группу лиц по предварительному сговору. Для реализации задуманного Л. привлёк третьих лиц, не посвящённых в преступный характер деятельности, которые выполняли отдельные поручения по производству и перевозке продукции. В целях конспирации склад разместили в частном домовладении, исключающем случайный доступ посторонних, включая контролирующие органы. Оттуда семена по мере спроса доставлялись покупателям; при этом сбыт осуществлялся по ценам ниже рыночных, что обеспечивало незаконное преимущество и введение контрафактной продукции в гражданский оборот под видом оригинальной⁵⁵.

Вместе с тем в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ незаконное использование средств индивидуализации трактуется также посредством ссылки на их применение в интернете, в частности, в доменном имени, а также при других способах размещения предложений о продаже товаров⁵⁶.

В современных условиях особое значение приобретает использование интернета при реализации товаров, в том числе и контрафактных. Стремительными темпами набирает обороты интернет-торговля на специализированных площадках, именуемых маркетплейсами. И в этом контексте, помимо традиционных способов незаконного использования средств индивидуализации, имеют существенное значение факты применения товарных знаков при размещении предложений о продаже товаров.

Такие электронные торговые площадки очевидно функционируют как рынок, который в настоящее время ещё не подвергнут детальному нормативно-

⁵⁵ Приговор Тихорецкого районного суда Краснодарского края от 19.08.2025 по делу № 1-35/2025 (УИД 23RS0053-01-2024-002217-86) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁵⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

правовому регулированию. В то же время на маркетплейсах к продаже предлагаются, в том числе, предметы и вещи известных торговых марок, использование которых дает преимущество продавцу. В этой связи на маркетплейсах, в частности, был внедрен сервис обозначения в карточке товара «оригинал», подразумевающий, что товар был проверен специалистами электронной торговой площадки на подлинность.

В современных условиях пометка в карточке товара на маркетплейсе о его оригинальности приобрело весьма существенное значение, поскольку при поиске товара среди всей массы могут быть отфильтрованы предметы и вещи, карточки которых снабжены плашкой «оригинал».

И если указание в карточке товара на конкретное средство индивидуализации в отсутствие для этого законных оснований может при наличии иных необходимых признаков быть квалифицировано по ст. 180 УК РФ, то правовая квалификация обозначенной отметки об оригинальности не столь однозначна.

При широком распространении контрафактной продукции наличия самого по себе средства индивидуализации какого-либо известного бренда уже может быть недостаточно. Многие потребители не воспринимают всерьез товарные знаки на покупаемых вещах, особенно на электронных торговых площадках. И наличие анализируемой отметки в глазах потребителя расценивается в качестве свидетельства подлинности товара.

Противоправное размещение администрацией электронной торговой площадки отметки об оригинальности товара не образует признаков объективной стороны незаконного использования средств индивидуализации, поскольку сама отметка об оригинальности не является таковым. На наш взгляд, в данном случае содеянное может быть квалифицировано лишь в качестве пособничества незаконному использованию средства индивидуализации.

Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 180 УК РФ наступает при условии совершения такого деяния неоднократно или с причинением крупного ущерба.

В теории и практике уголовного права установление данных признаков нередко вызывает серьезные трудности.

Так, А.В. Бриллиантов обращает внимание на допустимость констатации неоднократности в ст. 180 УК РФ в случаях предшествующего совершения как аналогичных, имея в виду подобных деяний, так и идентичных, то есть тождественных деяний⁵⁷. Тем самым неоднократность может быть установлена при последовательном совершении одинаковых или схожих деяний.

Важно лишь установить, что соответствующие факты незаконного использования средств индивидуализации повторялись два, три или более раз⁵⁸. В отсутствие признаков неоднократности при незаконном использовании средств индивидуализации содеянное образует признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.10 КоАП РФ⁵⁹.

Примечательно, что в современной уголовной политике отчетливо проявляет себя вектор на нормативное закрепление административной преюдиции, предполагающей возможность установления признаков состава преступления при условии, если этим же лицом ранее совершалось соответствующее административное правонарушение. Однако эта тенденция обошла стороной уголовно-правовое предписание, сформулированное в ст. 180 УК РФ.

В этой связи в доктрине уголовного права высказана точка зрения о том, что в составе исследуемого преступления используется скрытая, завуалированная преюдиция⁶⁰. Это предполагает, что законодатель не указал прямо на этот механизм, но, якобы, он подразумевается.

⁵⁷ Бриллиантов А.В. Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России // Правосудие. 2024. № 2. С. 142.

⁵⁸ Плешаков А.М., Осипов В.А., Мордовец А.А. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 187.

⁵⁹ Ермаков С.В. Вопросы юридической ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2024. № 1. С. 14-21.

⁶⁰ Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6 (234). С. 125-133.

По утверждению Р.О. Долотова и С.Д. Пархоменко, неоднократность не может быть констатирована при наличии единого умысла на серию фактов незаконного использования средств индивидуализации. Кроме того, по мнению данных авторов, препятствием для установления признака неоднократности в рассматриваемом составе преступления является привлечение лица по ранее совершенному им случаю такого деяния к административной ответственности по ст. 14.10 КоАП РФ⁶¹.

Следует отметить, что точка зрения данных авторов о недопустимости квалификации анализируемого деяния в качестве совершенного неоднократно при наличии единого умысла имеет немало рационального. Иначе наличие незаконно размещенного средства индивидуализации на двух товарах уже может расцениваться в качестве соответствующего неоднократного деяния. В то же время буквальное толкование уголовного закона не содержит предпосылок для такого понимания неоднократности. Об этом свидетельствуют и разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», допускающие признание неоднократным случаи использования двух или более чужих товарных знаков на одной единице товара.

Также сложно поддержать и утверждение о невозможности констатации неоднократности в ситуациях, когда за предшествующее деяние лицо привлекалось к административной ответственности. Несмотря на наличие юридической оценки за предшествующее деяние, по замыслу законодателя, повторение такого деяния свидетельствует о его общественной опасности.

В юридической литературе выделяется четыре подхода к определению крупного ущерба в результате совершения данного преступления:

⁶¹ Долотов Р.О., Пархоменко С.Д. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков "неоднократность" и "крупный ущерб" // Уголовное право. 2023. № 11. С. 18.

- 1) умножение количества проданного товара на стоимость оригинального (вытеснение оригинального товара с рынка);
- 2) общая сумма дохода от продажи нелегального товара;
- 3) общая сумма дохода от продажи нелегального товара за вычетом фактической стоимости такого товара;
- 4) стоимость использования товарного знака по лицензионному договору⁶².

Согласно результатам анализа материалов судебной практики, преобладающим является первый подход. Однако в науке уголовного права он критикуется ввиду того, что представляет собой установление не ущерба от незаконного использования средств индивидуализации, а размера дохода от такого использования⁶³.

При этом такой подход влечет за собой квалификационные ошибки, связанные с неправильным определением момента окончания данного преступления, когда в размер фактического ущерба неправомерно засчитывают стоимость хранящегося контрафактного товара, который еще не был реализован⁶⁴.

Таким образом, незаконное использование средств индивидуализации предполагает его применение на товарах, предполагаемых для последующей продажи, а равно оборот этой продукции, ориентированный на ее реализацию.

Противоправные действия администрации электронной торговой площадки по размещению обозначения об оригинальности товара подлежат уголовно-правовой оценке в качестве пособничества совершению исследуемого состава преступления.

Неоднократность как альтернативный конструктивный признак состава незаконного использования средств индивидуализации подразумевает повторение

⁶² Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // Мировой судья. 2024. № 4. С. 8-13.

⁶³ Яни П.С. Роль Верховного Суда РФ в решении проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Закон. 2008. № 11. С. 39-50.

⁶⁴ Долотов Р.О., Пархоменко С.Д. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков "неоднократность" и "крупный ущерб" // Уголовное право. 2023. № 11. С. 22.

соответствующих действий. При этом, согласно действующему законодательству, не имеет значения факт привлечения или непривлечения лица за предшествующий акт противоправного поведения к административной ответственности.

В силу сложившейся судебной практики преобладающим способом определения крупного размера ущерба вследствие совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК РФ, признается умножение количества проданного товара на стоимость соответствующей оригинальной продукции.

В юридической литературе отмечается, что вопросы обеспечения свободной конкуренции в современных условиях особенно актуальны в сфере электронной торговли. Стремительно развивающаяся коммерция в интернете непременно сопряжена с ростом случаев недобросовестных практик, ограничивающих конкуренцию. При этом такой рост имеет как количественное, так и качественное проявление⁶⁵.

Следует отметить, что действующее российское уголовное законодательство весьма ограниченно затрагивает сферу обеспечения свободной конкуренции. На сегодняшний день, как известно, криминализированы деяния в виде ограничения конкуренции посредством заключения картелей, незаконного использования средств индивидуализации, а также в виде незаконного обращения с коммерческой тайной.

При этом в сфере интернет-коммерции обозначенные деяния имеют неоднозначное выражение. Так, для торговли в интернете менее характерны деяния, связанные с заключением ограничивающих конкуренцию соглашений, а также с незаконным обращением коммерческой тайны. В свою очередь особое значение имеют случаи нарушения прав на товарные знаки, поскольку они широко распространены и выражаются в различных проявлениях, адаптирующихся под потребности участников интернет-торговли.

⁶⁵ Захаркина Е.Ф. Правовые вопросы использования цифрового брендинга в конкурентной стратегии предприятия // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 17-20.

Подобные тенденции проявляют себя не только в России, но и во многих зарубежных странах, где выделяются деяния, связанные с воспроизведением доменных имен, схожих с доменными именами известных брендов, использование чужих товарных знаков в качестве ключевых слов для поиска, распространение дискредитирующей информации в интернете о конкурентах⁶⁶.

Отдельно необходимо указать на передовое нормотворчество в анализируемой сфере в Китайской Народной Республике, где выделяются деяния, выражающиеся в принудительном перенаправлении с одного интернет-адреса на другой, размещении скрытых ссылок, перенаправляющих на другие интернет-адреса, несанкционированное вмешательство в работу онлайн-продуктов, дискредитация онлайн-продуктов⁶⁷.

Примечательно, что в российском правовом регулировании также поднимается вопрос юридической оценки, например, использования средств индивидуализации в качестве ключевых слов. Речь ведется о ситуациях, когда чей-то бренд, торговое наименование используется недобросовестными участниками экономической деятельности для привлечения клиентов. Это происходит посредством показа рекламного объявления по поступившему запросу пользователем наименования чужого бренда через поисковую интернет-систему («паразитарная» конкуренция). При реализации этой методики покупатель, ориентированный на продукцию конкретного известного ему бренда, невольно попадает на торговую площадку конкурента⁶⁸.

По этому поводу Федеральная антимонопольная служба дала разъяснение о возможности правовой оценки подобных действий в качестве нарушения

⁶⁶ Шахназаров Б.А. Пресечение недобросовестной конкуренции, недобросовестной рекламы и защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 27-38.

⁶⁷ Шахназаров Б.А. Пресечение недобросовестной конкуренции, недобросовестной рекламы и защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 27-38; Яо Б. Система законодательства об электронной коммерции в Китайской Народной Республике // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 27-30.

⁶⁸ Борисенко А.В. Риски использования товарных знаков конкурентов в контекстной рекламе в поисковых системах // Закон. 2021. № 10. С. 177-186.

антимонопольного законодательства при условии наличия иных признаков, свидетельствующих о недобросовестной конкуренции⁶⁹. Однако вряд ли такое деяние может быть оценено как уголовно наказуемое незаконное использование средства индивидуализации.

Еще одним ограничивающим свободную конкуренцию деянием в сфере интернет-коммерции является прямое использование чужого товарного знака в рекламе, то есть непосредственно в рекламном объявлении. Например, название бренда фигурирует в объявлении, а при заходе в интернет-магазин указание о бренде отсутствует. Потенциальный покупатель нередко переманивается другим продавцом при таком подходе⁷⁰.

В этих условиях становится очевидным, что ограничивающие свободную конкуренцию действия имеют тенденцию к стремительному развитию и росту именно в сегменте интернет-коммерции. Современные реалии таковы, что интернет-торговля интенсивно развивается и одновременно проявляют себя пробелы в существующем нормативном регулировании антимонопольной сферы, поскольку они уже не в полной мере соответствуют уровню складывающихся отношений в сфере экономической деятельности.

Массовый характер приобретают различные нарушения прав на средства индивидуализации, посягающие на отношения свободной конкуренции. По уровню своей общественной опасности они способны превосходить традиционные деяния в анализируемой сфере. При этом важно подчеркнуть, что действующее уголовное законодательство также уже не в полной мере соответствует стремительно преобразующимся отношениям в сфере экономической деятельности.

Так, действующий уголовно-правовой запрет на незаконное использование товарного знака формулировался в период, когда об интернет-коммерции еще не

⁶⁹ Письмо ФАС России от 21.10.2019 № АК/91352/19 «Об использовании средств индивидуализации в качестве ключевых слов» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁷⁰ Аржанникова Н. Использование чужого товарного знака в рекламе: мнение ФАС и судебная практика // Жилищное право. 2024. № 11. С. 37-44.

было представлений. На сегодняшний день он уже не вполне актуален. Традиционно незаконное использование средств индивидуализации подразумевает их нанесение на реализуемые товары. Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» указывается на необходимость констатации факта незаконного использования товарного знака также в случаях их использования в документации, предложениях о продаже, «в сети Интернет, в частности в доменном имени и при других способах адресации»⁷¹.

Возникают обоснованные сомнения в возможности квалификации содеянного по признакам преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, в ситуациях использования чужих товарных знаков в качестве ключевых слов для рекламы в интернете, в случаях неправомерной переадресации, перехвата трафика посетителей.

Субъект состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) общий – им может выступать любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

С субъективной стороны преступление характеризуется исключительно умышленной формой вины.

Квалифицирующими признаками в ст. 180 УК РФ признаны факты совершения такого деяния группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 180 УК РФ) и организованной группой (ч. 3 ст. 180 УК РФ).

Проведенный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, позволяет сформулировать следующие принципиальные выводы,

⁷¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

имеющие значение как для доктрины уголовного права, так и для правоприменительной практики.

1. Дискуссия о непосредственном объекте незаконного использования средств индивидуализации отражает сложную, двухуровневую природу данного посягательства. Представляется обоснованным вывод о том, что интеллектуальная собственность как таковая не может выступать объектом преступления ввиду ее вещно-правовой трактовки в гражданском законодательстве; она образует предмет преступного посягательства. Непосредственным же объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие добросовестную конкуренцию, однако реализуемые специфическим способом – через нарушение исключительных прав на средства индивидуализации. В отличие от ст. 146 УК РФ, где защищаются преимущественно неимущественные авторские права, ст. 180 УК РФ охраняет экономическую составляющую использования товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров. Нарушение интеллектуальных прав здесь является не самоцелью, а инструментом получения необоснованных конкурентных преимуществ. Соответственно, отношения в сфере добросовестной конкуренции и отношения по охране средств индивидуализации не могут рассматриваться как два самостоятельных объекта; они образуют единый, неразрывный комплекс, где первое составляет социально-юридическую сущность запрета, а второе – его нормативную форму. Интересы потребителей и деловая репутация правообладателя выступают факультативными объектами, получающими уголовно-правовую охрану лишь косвенно и не при любых обстоятельствах.

2. Объективная сторона преступления традиционно понимается как незаконное использование средств индивидуализации путем их нанесения на товары и последующего введения в гражданский оборот. Судебная практика последовательно расширяет это понимание, включая в него действия по перевозке, хранению, предложению к продаже, а также использование в сети

Интернет, в доменных именах и при иных способах адресации. Однако стремительное развитие интернет-коммерции, прежде всего маркетплейсов, порождает качественно новые формы недобросовестной конкуренции, которые с трудом подпадают под классическую конструкцию ст. 180 УК РФ. К их числу относятся: использование чужих товарных знаков в качестве ключевых слов для таргетированной рекламы, неправомерная переадресация пользователей, размещение отметок об оригинальности товара на контрафактную продукцию, «паразитарная» конкуренция через поисковые алгоритмы. Указанные деяния, будучи очевидно общественно опасными и массовыми, находятся сегодня за пределами уголовно-правового запрета либо допускают лишь квалификацию в качестве пособничества, что неадекватно степени их вредоносности. Законодательная конструкция ст. 180 УК РФ, сформировавшаяся в доцифровую эпоху, требует пересмотра в части расширения объективной стороны за счет включения в нее новых, технологически опосредованных способов незаконного использования средств индивидуализации.

3. Неоднократность как альтернативный признак состава сохраняет правовую неопределенность. Отсутствие в законе критериев разграничения единого продолжаемого деяния и совокупности преступлений порождает противоречивую судебную практику. Представляется, что позиция о невозможности признания неоднократности при наличии единого умысла, хотя и обладает доктринальной привлекательностью, не соответствует буквальному смыслу закона и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. Равным образом необоснованным является вывод о том, что предшествующее привлечение к административной ответственности препятствует квалификации последующего деяния как неоднократного; напротив, именно повторность после административного наказания свидетельствует о стойкости антиправовой установки и повышает общественную опасность содеянного.

4. Доминирующий в судебной практике подход к исчислению крупного ущерба путем умножения количества контрафактного товара на цену

оригинальной продукции некорректен с теоретической точки зрения. Фактически он подменяет понятие ущерба понятием дохода (или даже потенциальной выручки правообладателя) и не учитывает реальных имущественных потерь. Более того, данный подход провоцирует ошибки в определении момента окончания преступления, когда в размер ущерба неправомерно включается стоимость нереализованного, а иногда и просто хранящегося товара.

5. Субъект преступления – общий, что вполне оправданно, поскольку незаконное использование средств индивидуализации может осуществляться как руководителем организации, так и рядовым продавцом, как индивидуальным предпринимателем, так и лицом, действующим вне легальной предпринимательской деятельности. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом; цель и мотив не являются конструктивными признаками, однако их установление имеет значение для доказывания направленности умысла и отграничения от смежных административных правонарушений.

6. Законодатель предусматривает два уровня дифференциации ответственности: по предварительному сговору (ч. 2) и организованной группой (ч. 3). При этом отсутствуют такие распространенные в преступлениях в сфере экономической деятельности квалифицирующие признаки, как использование служебного положения, особо крупный размер ущерба или дохода. Данное обстоятельство может свидетельствовать как о недооценке законодателем степени общественной опасности организованных форм контрафактного бизнеса, так и об осознанной сдержанности ввиду сложности доказывания соответствующих признаков.

7. Статья 180 УК РФ, сохраняя относительную стабильность своей законодательной конструкции на протяжении длительного времени, вступает в противоречие с динамично развивающейся практикой интернет-коммерции. Законодатель, своевременно реагируя на необходимость повышения порогов криминализации (увеличение размера крупного ущерба в 2024 г.) и декриминализуя утратившие актуальность составы (незаконное использование

предупредительной маркировки), пока не предложил системного решения проблемы качественно новых форм недобросовестной конкуренции в цифровой среде. Международный опыт, в частности китайское антимонопольное законодательство, демонстрирует возможность и необходимость криминализации таких деяний, как принудительное перенаправление, размещение скрытых ссылок, использование чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях. Назрела объективная потребность в модернизации ст. 180 УК РФ, которая должна выразиться не столько в ужесточении санкций, сколько в содержательном расширении объективной стороны, позволяющем адекватно реагировать на вызовы цифровой экономики и обеспечивать реальную, а не декларативную защиту добросовестной конкуренции⁷².

⁷² См. также: Довлатов А.Н. Объект состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Общество и право. 2024. № 4. С. 47-50; Довлатов А.Н. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг): признаки объективной стороны состава преступления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 4. С. 37-40.

2.3. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну

В современном динамично развивающемся экономическом пространстве, где информация становится ключевым активом, а конкурентная борьба принимает все более изощренные формы, защита коммерческой, налоговой и банковской тайны приобретает особую значимость. Незаконное собирание сведений, составляющих эти виды охраняемой законом информации, подрывает не только экономическую безопасность отдельных субъектов хозяйственной деятельности, но и стабильность финансовой системы государства в целом.

Стремительное развитие цифровых технологий и повсеместное использование информационных систем существенно расширили возможности для несанкционированного доступа к конфиденциальной информации. Киберпреступность, промышленный шпионаж и другие противоправные деяния, связанные с незаконным сбором и использованием коммерческой, налоговой или банковской тайны, становятся все более изощренными и трудно выявляемыми. Это требует постоянного совершенствования уголовно-правовых механизмов защиты, способных эффективно противодействовать современным угрозам.

Усиление конкурентной борьбы на рынке товаров и услуг приводит к возрастанию интереса к коммерческой информации, позволяющей получить конкурентное преимущество. Недобросовестные участники рынка, стремясь к быстрому обогащению, могут прибегать к незаконным методам сбора информации о деятельности конкурентов, включая коммерческую тайну. Такие действия не только наносят прямой ущерб пострадавшим компаниям, но и подрывают основы честной конкуренции, создавая неблагоприятную деловую среду.

Сохранение коммерческой, налоговой и банковской тайны – важный фактор для формирования конкурентоспособности организации. В силу положений

ст. 14.7 Закона о конкуренции, незаконный оборот указанных видов тайны может быть квалифицирован в качестве недобросовестной конкуренции⁷³.

Вместе с тем уголовно-правовая норма об ответственности за собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, не обязательно обеспечивает охрану общественных отношений, связанных с добросовестной конкуренцией. Отношения в сфере конкуренции нарушаются в случае совершения соответствующих деяний в интересах конкурирующего субъекта экономической деятельности. Однако буквальное толкование ч. 1 ст. 183 УК РФ свидетельствует о возможности совершения исследуемого преступления не только конкурирующими организациями, но и хозяйствующими субъектами из разных сфер.

В этой связи общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением сохранности коммерческой, налоговой и банковской тайн, хотя и отчасти пересекаются с общественными отношениями в сфере обеспечения свободной конкуренции, но имеют самостоятельный характер. При этом в контексте анализа состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 183 УК РФ, основной непосредственный объект составляют общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением названных видов тайн, а отношения в сфере свободной конкуренции являются факультативным непосредственным объектом этого преступления.

Одним из узловых признаков состава собирания конфиденциальных сведений является его предмет, который представлен коммерческой, налоговой и банковской тайной. Данные признаки имеют бланкетный характер, поскольку раскрываются в законодательстве иной отраслевой принадлежности.

Так, в силу ст. 3 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» коммерческая тайна – это установленный владельцем режим конфиденциальности информации, направленный на получение

⁷³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

коммерческой выгоды. Защита информации, составляющей коммерческую тайну, позволяет увеличить доходы, оптимизировать расходы, укрепить или сохранить позиции на рынке, а также получить конкурентное преимущество. Ключевым аспектом является поддержание конфиденциальности информации, чтобы она не стала общедоступной и не была использована конкурентами.

Коммерческая тайна – это конфиденциальные сведения любого рода (производственные, технические, экономические, организационные и другие), включая информацию о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и методах ведения бизнеса. Ценность этих сведений определяется их неизвестностью третьим лицам, отсутствием у третьих лиц законного доступа к ним и введением обладателем сведений режима коммерческой тайны. Другими словами, это информация, обладающая коммерческой ценностью именно благодаря своей секретности⁷⁴.

Согласно п. 1 ст. 102 Налогового кодекса РФ «налоговую тайну составляют любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, плательщике страховых взносов», за исключениями, предусмотренными законодательством.

В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» кредитные организации, Банк России и организации, страхующие вклады, обеспечивают конфиденциальность информации об операциях, счетах и вкладах клиентов и корреспондентов. Сотрудники кредитных организаций обязаны сохранять в тайне эти сведения, а также другую информацию, определенную организацией, если это не противоречит законодательству РФ⁷⁵.

⁷⁴ Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 09.08.2004. № 32. Ст. 3283.

⁷⁵ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 23.05.2025) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 05.02.1996. № 6. Ст. 492.

Коммерческая тайна защищает информацию о производственных процессах и планируемых сделках, например слияниях и поглощениях, позволяя избежать необоснованного роста цены приобретения компании из-за интереса инвесторов. Налоговая тайна обеспечивает конфиденциальность внутренних данных, в частности информации о сотрудниках, которые являются ключевым активом, генерирующим добавленную стоимость. Организации стремятся сохранить эту информацию в секрете, чтобы сохранить конкурентное преимущество. Банковская тайна критически важна для доверия к банкам и экономике в целом. Надежная защита данных клиентов банков способствует укреплению доверия граждан к экономике государства, что, в свою очередь, стимулирует инвестиционную активность населения⁷⁶.

В современных условиях понимание коммерческой тайны не ограничивается результатами интеллектуальной деятельности⁷⁷. Частью 1 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» определено, что «право на отнесение информации к информации, составляющей коммерческую тайну, и на определение перечня и состава такой информации принадлежит обладателю такой информации с учетом положений настоящего Федерального закона»⁷⁸.

Следовательно, по сути, это любая информация, признанная таковой ее обладателем в соответствии с требованиями законодательства. И если в предыдущие годы вопросы охраны коммерческой тайны поднимались преимущественно в контексте охраны результатов интеллектуальной деятельности, то в настоящее время предметом данного преступления выступает чаще информация, не связанная с интеллектуальной собственностью. С.Н. Титов

⁷⁶ Еремин А.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: Монография. М.: Юстицинформ, 2017. С. 34-39.

⁷⁷ Коростиев А.А. Ноу-хау как предмет преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ // Уголовное право. 2023. № 2. С. 10-24; Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана сведений, составляющих коммерческую, банковскую и налоговую тайны // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 124-132; Еремин А.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: Монография. М.: Юстицинформ, 2017. 208 с.

⁷⁸ Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 09.08.2004. № 32. Ст. 3283.

приводит многочисленные примеры привлечения по ч. 3 ст. 183 УК РФ в ситуациях передачи персональных данных пользователей мобильной связи работниками операторов мобильной связи⁷⁹.

В современном мире такая информация является весьма ценным ресурсом, поэтому охраняется в режиме коммерческой тайны. Вместе с тем эти же сведения подпадают под правовое регулирование законодательства о персональных данных.

С объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 183 УК РФ, характеризуется деянием в виде собирания конфиденциальных сведений. При этом составообразующим значением обладает способ такого собирания – им могут быть похищение документов, обман, шантаж, принуждение, подкуп или угрозы, а равно иной незаконный способ.

Анализируя законодательно установленный перечень способов совершения исследуемого преступления, А.Г. Серго отмечает, что «ст. 183 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, явно указывает способы: "путем похищения документов, обмана, шантажа, принуждения, подкупа или угроз", не включая явным образом наблюдение (подглядывание) и иное использование специальных технических средств»⁸⁰.

Однако, на наш взгляд, отсутствие такого указания не влияет на объем уголовно-правового регулирования в этом ракурсе. Текст диспозиции ч. 1 ст. 183 УК РФ содержит не исчерпывающий перечень способов совершения преступления и заканчивается формулировкой «или иным незаконным способом». Применительно к незаконному собиранию конфиденциальной информации, наблюдение, в том числе с использованием специальных

⁷⁹ Титов С.Н. Момент окончания преступлений против интеллектуальной собственности // Уголовное право. 2024. № 7. С. 24-40; Федоров П.Г. Преюдиция в спорах с сотрудниками по вопросам коммерческой тайны // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 45-56.

⁸⁰ Серго А.Г. Беспилотники и авторское право (к вопросу об использовании "недвижимости" для создания результатов интеллектуальной деятельности) // Закон. 2023. № 5. С. 87.

технических средств, включая беспилотные летательные аппараты, не может считаться законным. Правомерным является получение коммерческой тайны с разрешения ее обладателя, все остальные способы, не регламентированные федеральным законодательством, следует признать незаконными.

Таким образом, под собиранием конфиденциальных сведений понимается целенаправленная деятельность, включающая поиск и накопление информации, доступ к которой ограничен законом. Эта деятельность может осуществляться в различных формах, от непосредственного наблюдения и прослушивания до анализа электронных данных и проникновения в защищенные системы. Важно понимать, что собирание конфиденциальных сведений не обязательно подразумевает их неправомерное использование или распространение; сам факт такого сбора, без надлежащих разрешений или законных оснований, может влечь за собой юридические последствия, установленные ч. 1 ст. 183 УК РФ.

Способами незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, являются похищение документов, обман, шантаж, принуждение, подкуп или угрозы, а равно иной незаконный способ.

Способы незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, выступают конструктивными признаками объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ. Законодатель, формулируя диспозицию данной нормы, избрал открытый (неисчерпывающий) перечень способов, что обусловлено многообразием форм противоправного доступа к охраняемой законом информации и стремлением обеспечить полноту уголовно-правовой охраны. Каждый из названных в законе способов обладает собственной юридической природой и требует отдельного аналитического рассмотрения.

Похищение документов как способ незаконного получения тайны представляет собой противоправное изъятие материальных носителей информации (бумажных или электронных) из законного владения

правообладателя вопреки его воле. Важно подчеркнуть, что уголовно-правовое значение здесь имеет не столько факт хищения в его классическом понимании (ст. 158 УК РФ), сколько именно последующее получение сведений путем ознакомления с содержанием изъятых документов. В случае, если похищение совершено с корыстной целью и документы не возвращены, содеянное может требовать дополнительной квалификации по совокупности с соответствующей формой хищения. При этом предметом похищения выступают не любые документы, а лишь те, которые содержат сведения, отнесенные к коммерческой, налоговой или банковской тайне.

Обман как способ незаконного получения охраняемых сведений предполагает сознательное искажение истины либо умолчание об обстоятельствах, сообщение которых обязательно, с целью ввести обладателя информации или иное обязанное лицо в заблуждение и побудить его передать сведения, составляющие тайну. Обман может быть активным (представление подложных документов, ложное сообщение о полномочиях) либо пассивным (несообщение о действительных целях запроса). В отличие от мошенничества (ст. 159 УК РФ), обман здесь направлен не на завладение имуществом, а на получение конфиденциальной информации.

Шантаж представляет собой специфическую разновидность угрозы, содержание которой составляет обещание распространить сведения, позорящие потерпевшего или его близких, либо иные сведения, способные причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего. Ключевое отличие шантажа от иных угроз заключается в том, что средством давления выступает не физическое насилие или уничтожение имущества, а угроза разглашения компрометирующей информации, которая может как соответствовать действительности, так и быть ложной. При этом сведения, которыми угрожает виновный, не обязательно должны относиться к коммерческой, налоговой или банковской тайне; значение имеет сам факт психического принуждения к передаче таких сведений.

Принуждение как самостоятельный способ охватывает более широкий круг мер физического и психического воздействия, направленных на подавление воли потерпевшего и понуждение его к передаче охраняемой информации. Принуждение может выражаться в применении насилия (побои, причинение вреда здоровью), существенном ограничении свободы, а равно в иных действиях, исключающих свободное волеизъявление. В отличие от шантажа, принуждение не ограничено угрозой распространения сведений, но может сопровождаться и такими угрозами.

Подкуп представляет собой предоставление либо обещание предоставить лицу, обладающему доступом к охраняемым сведениям, имущественной выгоды (денег, ценностей, иного имущества, услуг имущественного характера) за совершение действий по передаче информации, составляющей тайну. Юридически значимым моментом является как сам факт передачи вознаграждения, так и достижение договоренности о такой передаче. При этом подкупаемое лицо может быть как самим обладателем тайны, так и иным лицом, имеющим к ней доступ в силу служебных или профессиональных обязанностей. Квалификация действий подкупаемого требует оценки наличия в его действиях признаков соучастия либо самостоятельного состава преступления (злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп).

Угрозы как обобщающий способ включают различные формы психического воздействия на потерпевшего: угрозу применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения порочащих сведений (что сближается с шантажом), а также иные угрозы, способные оказать существенное давление на волю. Законодатель не конкретизирует содержание угроз, что позволяет правоприменителю оценивать их реальность и значимость применительно к конкретным обстоятельствам.

Иной незаконный способ представляет собой открытую оценочную категорию, охватывающую все иные возможные методы получения охраняемой информации, не подпадающие под прямо перечисленные, но отвечающие

признаку противоправности. Судебная практика и доктрина относят к таковым, в частности: перехват информации в системах связи и телекоммуникационных сетях, незаконный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) с последующим копированием данных, использование специальных технических средств негласного получения информации, случайное обнаружение с последующим неправомерным удержанием и использованием. Применение данной категории требует от правоприменителя обоснованного вывода о том, что избранный способ не санкционирован законом, договором или иным правовым основанием.

Системное толкование перечисленных способов позволяет заключить, что все они объединены общим признаком противоправности как нарушения установленного законодательством, локальными актами организации или договором порядка доступа к сведениям, составляющим охраняемую законом тайну. При этом многие из указанных способов корреспондируют со смежными составами преступлений, что порождает сложные вопросы конкуренции и совокупности. Так, применение насилия при принуждении может дополнительно квалифицироваться по соответствующим статьям о преступлениях против личности, подкуп должностного лица – по ст. 291 УК РФ, а неправомерный доступ к компьютерной информации – по ст. 272 УК РФ.

Таким образом, законодательный перечень способов незаконного получения и разглашения коммерческой, налоговой и банковской тайны, сохраняя преемственность с традиционными формами посягательств на информационную безопасность, одновременно содержит механизм адаптации к новым технологическим реалиям через категорию «иной незаконный способ». В условиях цифровой трансформации экономики и увеличения доли электронного документооборота данная категория приобретает особое значение, позволяя квалифицировать по ст. 183 УК РФ деяния, совершаемые с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, при условии установления противоправности соответствующего способа.

Часть 2 ст. 183 УК РФ конструирует специальный состав преступления, существенно отличающийся по своим юридическим признакам от основного состава, предусмотренного ч. 1 данной статьи. Если ч. 1 устанавливает ответственность за собирание сведений, составляющих охраняемую законом тайну, любым незаконным способом («внешнее» посягательство), то ч. 2 обращена к «внутреннему» нарушителю – лицу, которое правомерно обладало доступом к тайне, но использовало этот доступ вопреки воле владельца информации и в противоречии с возложенными на него обязанностями.

Диспозиция ч. 2 называет два альтернативных деяния: разглашение и использование. Разглашение представляет собой противоправное предание огласке сведений, составляющих тайну, в результате которого они становятся доступными для восприятия третьими лицами (одним или несколькими). Формы разглашения могут быть различными: устное сообщение, передача документов, демонстрация электронных носителей, отправка по электронной почте, публикация в открытых источниках, оставление информации в месте, доступном для посторонних, и т.п. Обязательным признаком разглашения выступает его направленность вовне – информация выходит из контролируемой владельцем среды и переходит к лицам, не имеющим права на ее получение.

Критически значимым элементом объективной стороны выступает отсутствие согласия владельца информации. При этом согласие должно быть явно выраженным, конкретным и относиться именно к данному действию и объему сведений; предполагаемое, подразумеваемое или последующее согласие не исключает ответственности, если оно не было получено до момента разглашения.

Использование представляет собой самостоятельную форму деяния, не сводимую к разглашению. Под использованием понимается применение сведений, составляющих тайну, самим лицом, которому они доверены, в собственных интересах или в интересах третьих лиц. Использование может выражаться во внедрении полученных сведений в собственную предпринимательскую деятельность, передаче их аффилированным структурам

для получения конкурентных преимуществ, применении при разработке продуктов, технологий, стратегий, а также в любом ином извлечении полезных свойств информации без ее обязательного разглашения неопределенному кругу лиц.

Важно подчеркнуть, что использование может иметь место без разглашения (например, бывший сотрудник применяет известную ему клиентскую базу для продвижения собственного бизнеса, не передавая ее третьим лицам). Состав является оконченным с момента начала совершения действий по использованию независимо от того, удалось ли лицу фактически извлечь выгоду или причинить ущерб.

В отличие от ч. 1 ст. 183 УК РФ, где субъект общий, конститутивным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 183 УК РФ, выступает специальный субъект. Им может быть признано только лицо, которому сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну, были доверены или стали известны по службе или работе. Юридическая конструкция «доверены или стали известны» охватывает два возможных основания получения информации:

доверие предполагает наличие гражданско-правовых, трудовых или иных договорных отношений, в силу которых владелец информации добровольно, осознанно и с соблюдением установленных процедур передает конфиденциальные сведения лицу для выполнения определенных функций (например, аудитору, оценщику, контрагенту по договору, адвокату);

известность по службе или работе означает, что лицо получает доступ к охраняемым сведениям в силу выполнения своих трудовых или служебных обязанностей, при этом инициатором доступа выступает не сам работник, а работодатель, наделяющий его соответствующими полномочиями.

Таким образом, законодатель четко очерчивает круг потенциальных субъектов: это инсайдеры – лица, находящиеся в доверительных отношениях с владельцем информации либо связанные с ним трудовой или служебной

функцией. Именно наличие предшествующего правомерного доступа к тайне отличает данный состав от ч. 1 ст. 183 УК РФ и предопределяет повышенную общественную опасность деяния, поскольку виновный нарушает не только законодательный запрет, но и персональное обязательство о неразглашении, принятое им добровольно либо в силу занятия определенной должности.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что разглашает или использует сведения, отнесенные к охраняемой законом тайне, без согласия владельца, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Цель и мотив не являются конструктивными признаками. Наиболее характерны корыстный мотив, стремление оказать содействие конкурентам, карьеристские побуждения, личная неприязнь к владельцу информации.

В числе квалифицирующих признаков данного преступления состоят такие обстоятельства как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а равно причинившие крупный ущерб или совершенные из корыстной заинтересованности (ч. 3 ст. 183 УК РФ); наступление тяжких последствий (ч. 4 ст. 183 УК РФ).

Проведенный комплексный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 183 УК РФ охраняет не только имущественные интересы хозяйствующих субъектов, но и информационный суверенитет предпринимательской деятельности. В условиях цифровой трансформации экономики, когда информация приобретает самостоятельную и зачастую доминирующую стоимость в активах предприятий, значение данной нормы объективно возрастает. При этом отношения в сфере добросовестной конкуренции выступают факультативным непосредственным объектом данного преступления. Уголовно-правовая охрана коммерческой, налоговой и банковской тайны осуществляется самостоятельно, независимо от того, сопряжено ли посягательство с недобросовестной конкуренцией. В случаях,

когда незаконное собирание сведений осуществляется конкурентом или в его интересах, происходит одновременное посягательство на два объекта, что должно получать соответствующую уголовно-правовую оценку.

2. Предмет преступления – коммерческая, налоговая и банковская тайна – характеризуется сложной межотраслевой регламентацией. Анализ гражданского, налогового и банковского законодательства позволяет заключить, что указанные виды тайны обладают различной юридической природой: коммерческая тайна устанавливается волеизъявлением обладателя информации (диспозитивный режим), тогда как налоговая и банковская тайна существуют в силу прямого указания закона (императивный режим). Данное различие предопределяет особенности доказывания: для констатации наличия коммерческой тайны требуется установление факта введения обладателем соответствующего режима конфиденциальности; для налоговой и банковской тайны такой обязанности не возникает. Особого внимания заслуживает эволюция понимания коммерческой тайны: если ранее под ней традиционно понимались результаты интеллектуальной деятельности и технологические решения, то в современной практике предметом преступления все чаще выступает клиентская информация, базы данных, персональные данные пользователей, что сближает охрану коммерческой тайны с охраной персональных данных и порождает конкуренцию уголовно-правовых и административно-правовых режимов защиты.

3. Объективная сторона состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 183 УК РФ, характеризуется открытым (неисчерпывающим) перечнем способов незаконного собирания сведений. Каждый из поименованных способов (похищение документов, обман, шантаж, принуждение, подкуп, угрозы) обладает самостоятельной юридической характеристикой и корреспондирует со смежными составами преступлений, что требует тщательного разграничения при квалификации. Особенностью законодательной конструкции является включение категории «иной незаконный способ», которая выполняет функцию адаптации уголовно-правового запрета к стремительно развивающимся технологическим

реалиям. Именно данная категория позволяет квалифицировать по ст. 183 УК РФ деяния, совершаемые с использованием современных информационно-коммуникационных технологий: перехват трафика, неправомерный доступ к компьютерной информации, применение специальных технических средств, использование беспилотных летательных аппаратов для наблюдения и т.п. При этом сама по себе новизна или техническая сложность способа не препятствуют установлению признаков данного преступления; определяющим выступает признак противоправности – отсутствие законных оснований для доступа к охраняемой информации.

4. Часть 2 ст. 183 УК РФ конструирует принципиально иной, специальный состав преступления, обращенный к лицам, которым сведения были доверены или стали известны по службе или работе. Юридическая конструкция «доверены или стали известны» охватывает два различных правовых режима получения информации: добровольную передачу владельцем (доверие) и получение доступа в силу выполнения служебных обязанностей (известность по работе). Общественная опасность данного состава существенно выше, поскольку виновный нарушает не только абстрактный законодательный запрет, но и конкретное, персонально принятое на себя обязательство о неразглашении. Самостоятельного внимания заслуживает законодательное разграничение двух форм деяния – разглашения и использования. Если разглашение традиционно понимается как вывод информации вовне, то использование представляет собой латентную форму нарушения, при которой информация не покидает контролируемой виновным среды, но применяется им вопреки интересам правообладателя.

5. Законодатель предусматривает два уровня дифференциации ответственности: ч. 3 (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, крупный ущерб, корыстная заинтересованность) и ч. 4 (тяжкие последствия). Примечательно, что в отличие от многих иных составов преступлений в сфере экономической деятельности, ст. 183 УК РФ не содержит

такого распространенного квалифицирующего признака, как «использование служебного положения». Данное обстоятельство объясняется тем, что специальный субъект ч. 2 уже предполагает наличие служебного или трудового статуса, а в ч. 1 субъект является общим, и использование служебного положения не типично для «внешнего» посягателя.

6. Статья 183 УК РФ представляет собой сложносоставную, двухуровневую норму, объединяющую два самостоятельных состава преступления: «внешнее» собирание охраняемой информации любым незаконным способом (ч. 1) и «внутреннее» разглашение или использование информации инсайдером (ч. 2). При очевидной связи с охраной добросовестной конкуренции данная норма имеет самостоятельный объект – общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением сохранности коммерческой, налоговой и банковской тайны, – что подтверждается как законодательной конструкцией, так и судебной практикой, не связывающей привлечение к ответственности с обязательным наличием конкурентного мотива⁸¹.

⁸¹ См. также: Довлатов А.Н. Объективные признаки незаконного получения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 3. С. 85-89.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С МОНОПОЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ И НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ

3.1. Особенности квалификации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией

В числе направлений совершенствования уголовно-правовых мер противодействия преступлениям, посягающим на отношения свободной конкуренции, состоят вопросы их квалификации. В свете стремительно развивающихся условий функционирования рыночной экономики, ее всеобъемлющей цифровизации, обостряется актуальность оптимизации подходов к правоприменительной деятельности, ее адаптации к конкретным законодательным реалиям.

В существующем виде уголовно-правовой запрет ограничения конкуренции характеризуется оригинальностью, по сути, не имея смежных составов преступлений. В ходе применения ст. 178 УК РФ возникают вопросы выяснения соотношения данного преступления с должностными и служебными преступлениями. Как показывают результаты проведенного исследования, в совершение данного преступления нередко вовлечены должностные лица и зачастую лица, обладающие управленческими функциями в коммерческих и иных организациях.

Так, ФИО1, занимая должность начальника профильного управления и располагая информацией о выделении 171 млн рублей бюджетных средств на строительство детского сада, действуя из личной заинтересованности, обусловленной знакомством с директором ООО «Каспий», совершил ряд последовательных действий, явно выходящих за пределы его служебных полномочий. Будучи осведомленным о том, что по итогам электронного аукциона

законным правом на заключение муниципального контракта обладает ООО «Взлет А», предложившее наименьшую цену, ФИО1 в отсутствие каких-либо правовых оснований инициировал процедуру отмены результатов торгов, поручив подчиненным подготовить фиктивную документацию со ссылкой на пандемию и приостановление финансирования. Возглавив комиссию по отмене определения поставщика, он принял незаконное решение об аннулировании итогов аукциона, тем самым уклонившись от заключения контракта с победителем. В дальнейшем, действуя в рамках ранее состоявшейся договоренности с начальником ФКУ ИК-26, ФИО1 заключил муниципальный контракт с данным учреждением как с единственным поставщиком, что прямо запрещено законом для объектов капитального строительства, не относящихся к системе исполнения наказаний, при этом обязательным условием выступило привлечение ООО «Каспий» в качестве субподрядчика, с которым впоследствии было заключено 15 договоров на сумму свыше 58 млн рублей. Указанные противоправные действия повлекли существенное нарушение прав ООО «Взлет А» на осуществление предпринимательской деятельности и лишение его законного дохода, а также подрыв авторитета органов публичной власти и дискредитацию конкурентных механизмов в сфере государственных закупок.

Органами следствия действия ФИО1 были квалифицированы по ч. 1 ст. 286, ч. 3 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ. Однако судом дана другая квалификация – по п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ ФИО1 был оправдан по следующим основаниям. Согласно п. 5 ст. 4 Закона о конкуренции, хозяйствующим субъектом является коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации.

Управление капитального строительства городского округа является органом местного самоуправления. В контексте Закона о конкуренции и исходя из того, что предусмотренные ч. 1 ст. 178 УК РФ способы преступления, не могут быть совершены должностным лицом органов власти, суд приходит к выводу, что начальник Управления капитального строительства городского округа ФИО1 субъектом преступления по ст. 178 УК РФ не является, поскольку не обладает признаками специального субъекта в силу закона, что в свою очередь исключает подсудимым организации ограничения конкуренции⁸².

Статья 11 Закона о конкуренции связывает картель исключительно с действиями хозяйствующих субъектов, которыми не являются органы государственной власти и местного самоуправления. Отсюда исключается квалификация содеянного по ст. 178 УК РФ.

Таким образом, квалификация действий должностного лица в качестве исполнителя ограничения конкуренции исключается. Данный вывод одобрен 88 % опрошенных нами практикующих юристов.

При этом действия должностного лица, участвовавшего в ограничении конкуренции подлежат квалификации как должностное преступление (ст. 285, 286 УК РФ).

Относительно вопроса о квалификации действий, выражающихся в ограничении конкуренции, совершенных лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, необходимо отметить следующее. Результаты проведенного нами исследования материалов следственно-судебной практики показывают, что в подавляющем большинстве случаев имеет место именно такая характеристика субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ – это лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Ограничение конкуренции таким субъектом подлежит квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ. При этом норма

⁸² Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 16.09.2024 по делу № 1-5/2024 (УИД 34RS0011-01-2022-006598-17) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

об ответственности за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) дополнительному применению в подобных ситуациях не подлежит. С этим утверждением согласились 72 % опрошенных в ходе проведенного нами исследования практикующих юристов.

В уголовно-правовой науке затрагивается вопрос о квалификации случаев ограничения конкуренции, совершенных с применением насилия или с угрозой его применения, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения.

Анализ материалов правоприменительной практики не подтверждает распространенность подобных форм ограничения конкуренции. Напротив, картели заключаются сторонами, как правило, добровольно. Тем не менее, при наличии соответствующих признаков применению, по общему правилу, подлежит только ч. 4 ст. 178 УК РФ. Перечисленные в этой уголовно-правовой норме способы совершения преступления охватываются данной нормой уголовного закона.

В то же время совершение преступления в виде ограничения конкуренции под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества актуализирует необходимость рассмотрения вопроса о соотношении ч. 4 ст. 178 УК РФ со ст. 179 УК РФ (Принуждение к совершению сделки).

Картель, как ограничивающее конкуренцию соглашение, представляет собой сделку в ее гражданско-правовом понимании. Заключение такого соглашения под принуждением обладает признаками преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ. Однако применению последняя норма в этих ситуациях не подлежит ввиду действия правила квалификации при конкуренции общей и специальной нормы. Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ч. 4 ст. 178 и ст. 179 УК РФ, находятся между собой в отношениях конкуренции, где специальной следует признать норму, регламентированную ч. 4 ст. 178 УК РФ. Объяснением тому служит тот факт, что в состав ограничения конкуренции, в отличие от состава

принуждения к совершению сделки, характеризуется специальной разновидностью сделки – это ограничивающее конкуренцию соглашение.

Таким образом, в случаях, когда содеянное лицом одновременно подпадает под признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 178 и ст. 179 УК РФ, применению подлежит только ч. 4 ст. 178 УК РФ, как специальная норма. Аналогичное мнение высказали 74 % опрошенных нами респондентов.

Относительно вопроса о юридической оценке действий, связанных с отметками об оригинальности в карточках товаров на маркетплейсах, то квалификации в качестве незаконного использования чужого товарного знака подлежат действия продавцов, которые используют незаконные способы подтверждения оригинального происхождения товара, а равно представителей маркетплейсов, которые также могут незаконно подтверждать оригинальность товаров вопреки существующим инструкциям. При этом дополнительная квалификация содеянного в качестве мошенничества, на наш взгляд, может иметь место в исключительных случаях, когда продавец не только незаконно использует чужой товарный знак, но и, например, выдает себя за другого (официального, уполномоченного) продавца.

В современном динамично развивающемся экономическом пространстве, где информация является ключевым ресурсом и конкурентным преимуществом, вопросы защиты коммерческой, налоговой и банковской тайны приобретают особую актуальность. Незаконное получение и разглашение таких сведений подрывает основы честной конкуренции, наносит значительный ущерб экономическим интересам субъектов предпринимательской деятельности и может привести к серьезным финансовым потерям для государства.

При этом интенсивные преобразования в различных сферах экономической деятельности, активная цифровизация неизбежно накладывают отпечаток на многие компоненты правоприменительной деятельности, ориентированной на противодействие совершению преступлений, состоящих в незаконном обороте коммерческой, налоговой или банковской тайны, в том числе на вопросы

квалификации данных преступлений. Актуальными являются проблемы разграничения преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, с иными общественно опасными деяниями.

В этой связи является целесообразным проведение исследования современных особенностей квалификации преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ. В юридической литературе последних лет поднимаются вопросы, связанные со сложностями квалификации рассматриваемого преступления в контексте его разграничения с преступлениями, посягающими на конституционные права и свободы личности, и в частности, с нарушением тайны переписки (ст. 138 УК РФ).

Основной состав незаконного оборота коммерческой, налоговой или банковской тайны предполагает в числе обязательных признаков использование незаконного способа получения соответствующей информации (ч. 1 ст. 183 УК РФ). Очевидно, что таким способом может быть и неправомерное получение доступа к переписке другого лица.

Как пишет Т.С. Алексеева, пересылка сообщения без ознакомления с его содержанием может квалифицироваться по ст. 138 УК РФ. Если же лицо ознакомилось с содержанием, то необходимо установить его отношение к информации. Если лицо осознавало, что сведения не являются тайной, то пересылка не требует дополнительной квалификации. В случае, когда в результате ознакомления лицо получило сведения, составляющие, например, коммерческую тайну, и переслало их, его действия могут быть квалифицированы по ст. 183 УК РФ в совокупности со статьей, предусматривающей ответственность за первоначальное получение информации (ст. 138 УК РФ). Ключевым является наличие умысла на распространение информации, составляющей охраняемую законом тайну⁸³.

⁸³ Алексеева Т.С. Тайна переписки, переговоров, сообщений как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2023. № 11. С. 74.

На наш взгляд, с изложенной позицией следует согласиться, поскольку составом преступления, предусмотренным ст. 183 УК РФ, не охватывается объект уголовно-правовой охраны в виде конституционных прав и свобод человека и гражданина. Подтверждением тому служит и сопоставительный анализ санкций, свидетельствующий о том, что составом незаконного оборота охраняемых законом тайн не охватывается уровень общественной опасности деяния в виде нарушения тайны переписки.

Таким образом, если в содеянном лицом одновременно усматриваются признаки преступлений, предусмотренных ст. 138 и 183 УК РФ, они подлежат применению по совокупности. Правило о квалификации при конкуренции части и целого в данном случае не применяется.

Как отмечается В.В. Сараевым, уголовно-правовое предписание об ответственности за незаконный оборот коммерческой, налоговой и банковской тайны применяется и при посягательствах на персональные данные⁸⁴.

В современной судебной практике массивы персональных данных зачастую признаются сведениями, составляющими коммерческую тайну⁸⁵.

Такие подходы имеют под собой довольно весомое обоснование, поскольку в существующих условиях базы персональных данных являются весьма ценным ресурсом, используемым как в относительно правомерных рекламных целях, так и в ходе различных противоправных действий.

Вместе с тем данные правоприменительные решения нуждаются в тщательном анализе, поскольку в российском уголовном праве предусматриваются иные предписания об ответственности за незаконный оборот персональных данных. При этом в последние годы наметился тренд на усиление

⁸⁴ Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана обработки персональных данных в сфере спорта: постановка вопроса // Российский следователь. 2024. № 6. С. 39.

⁸⁵ Федоров П.Г. Преюдиция в спорах с сотрудниками по вопросам коммерческой тайны // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 51; Бычков А. Режим коммерческой тайны в организации // Юридический справочник руководителя. 2021. № 6. С. 73.

ответственности в этой сфере, в том числе и посредством уголовно-правового воздействия.

По утверждению В.Н. Винокурова и Е.А. Федоровой, «неправомерное получение доступа к сведениям, составляющим, например, банковскую тайну, в электронной форме требует квалификации по совокупности преступлений», предусмотренных ст. 272 и 183 УК РФ⁸⁶.

При этом, как указывают данные авторы, «не является преступлением, предусмотренным ст. 272 УК РФ, ознакомление с информацией с монитора компьютера, так как это не влечет за собой уничтожение, блокирование, модификацию или копирование информации»⁸⁷.

Полагаем, что изложенные разъяснения относительно квалификации случаев незаконного оборота охраняемой законом тайны, сопряженного с неправомерным доступом к компьютерной информации, в целом актуальны и применимы. Но очевидно, что сформулированы данные положения в период, когда отечественный уголовный закон еще не был дополнен специальной уголовно-правовой нормой об ответственности за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные.

Поэтому применение ст. 272 УК РФ по совокупности со ст. 183 УК РФ возможно преимущественно в ситуациях, когда осуществляется посягательство на рассматриваемые виды тайны, которые не связаны с персональными данными⁸⁸.

⁸⁶ Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Пределы действия нормы, предусмотренной статьей 272 Уголовного кодекса РФ // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 74; Восканян Р.О., Вольдимарова Н.Г. Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны // Безопасность бизнеса. 2021. № 3. С. 36.

⁸⁷ Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Пределы действия нормы, предусмотренной статьей 272 Уголовного кодекса РФ // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 82; Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Предмет неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК) // Законность. 2021. № 5. С. 52; Быков В.М., Черкасов В.Н. Новый закон о преступлениях в сфере компьютерной информации: ст. 272 УК РФ // Российский судья. 2012. № 5. С. 18.

⁸⁸ Букалерева Л.А., Романова Я.Н. Особенности квалификации совокупности преступлений // Правовая реформа. 2025. № 1. С. 40-41.

В современных условиях незаконное использование персональных данных, полученных неправомерным способом, подлежит квалификации при наличии иных необходимых признаков по ст. 272¹ УК РФ⁸⁹.

В юридической литературе высказано мнение, согласно которому «незаконный оборот персональных данных, представленных в компьютерном виде и образующих одновременно с тем сведения о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну или иную охраняемую законом тайну, должен был бы, следуя правилу ч. 3 ст. 17 УК РФ, квалифицироваться только по ст. 137 или 183 УК РФ»⁹⁰.

Сопоставительный анализ указанного предписания уголовного закона со ст. 183 УК РФ свидетельствует, что ими под уголовно-правовую охрану поставлены разные объекты. Состав преступления, предусмотренный ст. 183 УК РФ, посягает на отношения, складывающиеся в связи с обеспечением сохранности коммерческой, налоговой или банковской тайн. В свою очередь состав преступления, регламентированный ст. 272¹ УК РФ, имеет в структуре объект, выражающийся в общественных отношениях, возникающих по поводу обеспечения установленных законом гарантий конфиденциальности персональных данных. То есть речь ведется о разных сферах правовой охраны, которые, безусловно, могут иметь точки пересечения. В силу действующего нормативно-правового регулирования базы персональных данных при определенных условиях могут быть признаны коммерческой тайной, отсюда они включаются в соответствующие специфичные общественные отношения. Персональные же данные сами по себе подлежат безусловной охране, и такие общественные отношения находятся в плоскости общественной безопасности, а не отношений в сфере экономической деятельности.

⁸⁹ Рускевич Е.А. Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Уголовный процесс. 2025. № 7. С. 53-59.

⁹⁰ Есаков Г.А. Незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // Уголовное право. 2025. № 11. С. 10-17; Филатова М.А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11. С. 35-43.

При таких обстоятельствах следует вывод о том, что уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 183 и 272¹ УК РФ, не находятся в отношениях конкуренции. При одновременном наличии признаков данных норм в содеянном лицом применению подлежат обе нормы уголовного закона по совокупности⁹¹. Такого же мнения придерживаются 75 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

В современном российском уголовном законодательстве режим специальной уголовно-правовой охраны установлен в отношении объектов критической информационный инфраструктуры. Посягательство на такие объекты влечет ответственность по ст. 274¹ УК РФ.

К.Н. Евдокимов отмечает, что наиболее уязвимыми объектами критической информационной инфраструктуры России являются базы данных банков, финансовых организаций, операторов связи и интернет-провайдеров. Эти базы содержат банковскую и коммерческую тайну, что закреплено в локальных нормативных актах, с которыми ознакомлены и обязаны не разглашать сотрудники. Следовательно, если сотрудник копирует эту информацию из корыстных побуждений, чтобы продать ее третьим лицам, его действия подлежат уголовно-правовой оценке по ч. 4 ст. 274¹ УК РФ, а также должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 183 УК РФ⁹².

Как представляется, квалификационные решения в данном случае должны основываться на тех же принципах, которые раскрыты применительно к соотношению незаконного оборота коммерческой, налоговой или банковской тайны и незаконного оборота персональных данных. Обозначенные уголовно-правовые предписания имеют различную родовую и видовую принадлежность и

⁹¹ Русскевич Е.А. О совокупности преступлений в сфере компьютерной информации с другими преступлениями // Уголовное право. 2025. № 4. С. 76-84; Вилисова И.Б. Ответственность за незаконное использование персональных данных физических лиц // Власть закона. 2025. № 1. С. 286.

⁹² Евдокимов К.Н. Вопросы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (по материалам судебной практики) // Российский следователь. 2023. № 5. С. 18.

при наличии в совершенном деянии признаков этих преступлений оно квалифицируется по совокупности соответствующих уголовно-правовых норм.

В уголовно-правовой литературе также поднимается вопрос о квалификации неправомерных действий в отношении коммерческой, налоговой или банковской тайны, совершаемых лицами, обладающими должностными (служебными) полномочиями.

По мнению Н.А. Лопашенко, уголовно-правовую норму, предусмотренную ст. 183 УК РФ, целесообразно рассматривать в качестве специальной нормы по отношению к предписаниям об уголовной ответственности за должностные преступления (ст. 201 и 285 УК РФ)⁹³.

Однако такую позицию не разделял Б.В. Волженкин, который считал, что ст. 183 УК РФ не содержит указания о совершении данного преступления должностными лицами, поэтому данная норма не является специальной по отношению к соответствующим нормам о должностных преступлениях⁹⁴.

Иначе считают А.А. Зубцов и Е.О. Бесерра, которые полагают, что при наличии признаков злоупотребления должностными полномочиями, содеянное подлежит квалификации только по ст. 285 УК РФ⁹⁵.

Решение данной квалификационной ситуации должно основываться на результатах сопоставительного анализа признаков рассматриваемых составов преступлений и прежде всего их объектов. И эти результаты демонстрируют самостоятельную правовую природу соответствующих общественных отношений, которая даже не имеет пересекающийся характер. При таких обстоятельствах одновременное наличие признаков данных преступлений безусловно предопределяет их квалификацию по совокупности преступлений.

⁹³ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 228.

⁹⁴ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Изд-во «Юридический центр "Пресс"», 2002. С. 348.

⁹⁵ Зубцов А.А., Бесерра Е.О. Уголовно-правовая охрана банковской тайны: анализ отечественной судебной практики // Уголовное право. 2020. № 5. С. 60.

На основании изложенного необходимо сделать следующие основные выводы по проблемам квалификации преступлений, связанных с монополистической деятельностью и ограничением конкуренции:

1) квалификация действий должностного лица в качестве исполнителя ограничения конкуренции исключается. При этом действия должностного лица, участвовавшего в ограничении конкуренции подлежат квалификации как должностное преступление (ст. 285, 286 УК РФ);

2) результаты проведенного нами исследования материалов следственно-судебной практики показывают, что в подавляющем большинстве случаев субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, является лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Ограничение конкуренции таким субъектом подлежит квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ. При этом норма об ответственности за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) дополнительному применению в подобных ситуациях не подлежит;

3) в случаях когда содеянное лицом одновременно подпадает под признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 178 и ст. 179 УК РФ, применению подлежит только ч. 4 ст. 178 УК РФ, как специальная норма;

4) если действия лица содержат признаки как преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, так и преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, то оба эти преступления должны быть квалифицированы по совокупности. Правило квалификации при конкуренции части и целого, обычно применяемое, когда одно преступление является частью другого, в данном случае не действует;

5) статьи 183 и 272¹ УК РФ регулируют разные сферы общественных отношений и не конкурируют между собой. Если действия лица подпадают под признаки составов преступлений, предусмотренных обеими статьями, то лицо подлежит ответственности по совокупности этих норм уголовного закона, а не по одной из них;

б) аналогичным образом не находятся в отношениях конкуренции и уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 183 УК РФ и ст. 201, 285 УК РФ⁹⁶.

⁹⁶ См. также: Довлатов А.Н. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: особенности квалификации // Власть закона. 2025. № 3. С. 260-267.

3.2. Перспективные пути совершенствования отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией

Актуальность уголовно-правового исследования вопросов совершенствования законодательства об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов экономического, социального и правового характера, которые формируют императивную потребность в оптимизации уголовно-правовых механизмов защиты конкуренции.

В условиях формирования цифровой экономики и глобализации рынков конкуренция является фундаментальным условием инновационного развития, роста производительности и потребительского благосостояния. Монополистическая деятельность и недобросовестная конкуренция деформируют рыночные механизмы, приводят к неэффективному распределению ресурсов, завышению цен, подавлению инноваций и, как следствие, к стагнации экономики. Уголовное право, как инструмент защиты наиболее значимых общественных отношений, обязано адекватно реагировать на новые высокотехнологичные формы антиконкурентных практик (например, алгоритмический сговор, злоупотребление доминирующим положением на цифровых платформах), которые зачастую остаются вне эффективного правового воздействия⁹⁷.

Совершенствование законодательных положений, наряду с вопросами оптимизации его практического применения, выступает предпосылкой для повышения эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере защиты конкуренции.

⁹⁷ Гладких В.И. Принуждение или вымогательство? (О проблемах разграничения ст. 179 и 163 УК РФ) // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 32-38; Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (по уголовному праву России). СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 129.

Следует отметить, что уголовно-правовая норма об ответственности за ограничение конкуренции подвергалась за всю историю ее существования с 1996 г. многократным трансформациям, что свидетельствует, с одной стороны, об интенсивности развития соответствующих общественных отношений, а, с другой стороны, о продолжающемся поиске оптимальных законодательных конструкций данного уголовно-правового запрета.

В теории уголовного права широко распространены идеи о необходимости ужесточения уголовной ответственности в сфере обеспечения конкурентных отношений⁹⁸.

Так, Жабагинов Р.А. отмечает, что в действующей редакции ч. 1 ст. 178 УК РФ учтены не все формы противоправной деятельности, которые признаются способами ограничения конкуренции согласно Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Это создает нормативный пробел, позволяя уходить от уголовного преследования за ряд общественно опасных деяний в экономической сфере. В этой связи предлагается дополнить диспозицию ст. 178 УК РФ, установив уголовную ответственность за иные способы ограничения конкуренции:

- злоупотребление доминирующим положением на рынке;
- исполнение противоправных соглашений или осуществление согласованных действий, ограничивающих конкуренцию;
- координацию экономической деятельности хозяйствующих субъектов, приводящую к ограничению конкуренции.

Данная мера направлена на унификацию уголовно-правового и антимонопольного законодательства, устранение существующего противоречия и создание полноценного правового механизма для противодействия всем формам

⁹⁸ Лаптев Д.Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 146-149.

ограничения конкуренции, имеющим повышенную степень общественной опасности⁹⁹.

Критика установления уголовной ответственности только за одно из неконкурентных проявлений в виде заключения ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), на наш взгляд, является вполне оправданной. Например, в Федеральном законе «О защите конкуренции», помимо картеля, указано деяние в виде согласованных действий в нарушение законодательства. Имеются основания полагать, что по степени общественной данные деяния могут быть вполне сопоставимыми.

Кроме того, в антимонопольном законодательстве установлен запрет на злоупотребление доминирующим положением. И ранее такое деяние также признавалось криминальным при определенных условиях.

В современных условиях, когда в некоторых сферах экономики образовались гиганты, фактически занимающие доминирующее положение, злоупотребление таким положением может существенно ограничивать конкуренцию.

В юридической литературе высказываются идеи законодательной трансформации из материальных в формальные составы преступлений в сфере конкуренции. Критический анализ действующей модели, в которой ответственность поставлена в зависимость от наступления общественно опасных последствий (крупный ущерб, извлечение дохода в крупном размере), позволяет обнажить некоторые уязвимые моменты.

По мнению отдельных авторов, материальные последствия в виде конкретного ущерба или дохода не отражают самую суть общественной опасности антиконкурентных деяний, которая заключается в деформации рыночных механизмов, подрыве основ экономического строя и создании угрозы общественным интересам. Эта опасность возникает в момент совершения самого деяния (например, заключения картельного сговора), вне зависимости от того,

⁹⁹ Жабагинов Р.А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 11-12.

удалось ли его участникам причинить измеримый убыток конкретным субъектам или извлечь прибыль. Текущая конструкция сужает сферу уголовно-правового реагирования, оставляя без должного пресечения высокоопасные акты, не повлекшие квалифицируемого результата.

Кроме того, установление и документальное подтверждение размера причиненного ущерба или полученного дохода в сфере монополистической деятельности часто представляет собой сложно разрешимую задачу. Вред в таких случаях, как правило, распределен между неопределенным кругом субъектов (потребители, конкуренты) и может быть скрыт сложными финансовыми схемами. Данное обстоятельство приводит к высокой латентности преступлений и затрудняет правоприменение, поскольку доказывание материального признака становится усложняет квалификацию.

Изложенные доводы приводят отдельных специалистов к выводу о целесообразности отказа от материальных и переход к формальным составам, где основанием ответственности выступает сам факт совершения общественно опасного деяния (например, участие в картеле). Это позволит уголовному праву эффективнее реагировать на специфическую природу экономических преступлений, существенно повысить эффективность их расследования и предупреждения, а также привести национальное законодательство в соответствие с распространенными подходами в сравнительном правовом порядке, где подобные деяния часто криминализированы именно в формальных составах¹⁰⁰.

Однако, на наш взгляд, несмотря на наличие ряда положительных аспектов в данных рассуждениях, в целом рассмотренные положения не могут быть поддержаны. Дело в том, что при исключении последствий в виде ущерба или дохода в крупном размере, возникнет вопрос о соотношении данных

¹⁰⁰ Даниловская А.В. Концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2024. С. 15-16; Жабагинов Р.А. Об уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства зарубежных стран // Российский следователь. 2019. № 6. С. 74-76.

преступлений с соответствующими административными правонарушениями. Фактически они будут безосновательно смешаны, между ними будет отсутствовать необходимая формальная граница, что категорически неприемлемо. Признавая практическую сложность выявления признаков данных общественно опасных последствий, считаем их необходимыми признаками состава преступления, регламентированного ст. 178 УК РФ. Аналогичной точки зрения придерживаются 82 % опрошенных нами практикующих юристов.

В поиске путей замены обозначенных общественно опасных последствий иными признаками, А.В. Денисова предлагает «заменить указанный признак на последствие в виде ограничения конкуренции, которое, помимо того что является более точным показателем общественной опасности картеля, обладает рядом преимуществ как материального, так и процессуального характера, способных помочь в квалификации деяния и применении ст. 178 УК РФ»¹⁰¹.

Представляется, что такой подход может быть подвергнут определенной критике. В частности, при его реализации возникнет риск смешения деяния с его последствиями. Например, заключение картеля, с точки зрения антимонопольного законодательства, это вариант проявления монополистической деятельности, которая подразумевает главным образом ограничение конкуренции. Следовательно, само деяние автоматически влечет «последствия» в виде ограничения конкуренции.

По мнению А.В. Даниловской, в рамках ст. 178 УК РФ следует криминализировать участие в реализации картеля. Как пишет данный автор, для полноты состава преступления, наряду с фактом заключения противоправной договоренности, необходимо рассматривать признак «участие в ее реализации». Данная позиция логически вытекает из природы причиняемого вреда. Непосредственное причинение ущерба конкуренции, а также наступление иных последствий, указанных в диспозиции ст. 178 УК РФ, являются невозможными

¹⁰¹ Денисова А.В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ "Ограничение конкуренции" // Российский следователь. 2016. № 13. С. 26-32.

без совершения субъектом конкретных действий по воплощению условий антиконкурентного соглашения в действительность. Таким образом, сам факт сговора, не перешедшего в стадию практической реализации, не порождает всей полноты общественной опасности, достаточной для квалификации деяния как оконченного преступления¹⁰².

Данная инициатива, по нашему мнению, заслуживает поддержки, поскольку заключение соглашения – это лишь начальная стадия последующих монополистических действий, многие из которых могут отличаться даже большей общественной опасностью, по сравнению с фактом заключения соглашения.

По утверждению А.В. Даниловской, уголовная ответственность за преступное ограничение конкуренции должна быть дифференцирована в зависимости от факта заключения картеля на торгах¹⁰³. Отрадно отметить, что данный вывод, разработанный уголовно-правовой наукой, хоть и отчасти, но был реализован в ходе законотворческой деятельности. В настоящее время соответствующее деяние предусмотрено ч. 2 ст. 178 УК РФ, но с дополнением о том, что такой картель повлек повышение, снижение или поддержание цен на торгах.

Анализ вопросов совершенствования уголовного законодательства об ответственности за монополистические действия и недобросовестную конкуренцию диктует необходимость обратить внимание на то, что в Федеральном законе «О защите конкуренции» выделяются несколько блоков соответствующего правонарушающего поведения: монополистическая деятельность, недобросовестная конкуренция, ограничивающие конкуренцию действия со стороны государственных органов и органов местного самоуправления.

¹⁰² Даниловская А.В. Теоретические основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: монография. Москва: Юрлитинформ, 2023. С. 143.

¹⁰³ Даниловская А.В. Концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2024. С. 15.

При этом, как и применительно к монополистическим действиям, среди которых криминализовано только заключение картелей, из числа предусмотренных антимонопольным законодательством действий, образующих недобросовестную конкуренцию, под уголовно-правовой запрет поставлены лишь незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) и незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

В то же время, в Федеральном законе «О защите конкуренции» в числе проявлений недобросовестной конкуренции указаны и многие другие деяния, некоторые из которых в современных условиях могут заслуживать криминализации.

Так, А.В. Даниловская предлагает криминализовать антиконкурентное деяние в виде дискредитации, то есть «деяния, направленного на причинение вреда деловой репутации индивидуального предпринимателя, в том числе путем распространения порочащих его сведений, если они касаются учрежденной или возглавляемой им организации, или организации как хозяйствующего субъекта»¹⁰⁴.

Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, при сохранении в числе конструктивных признаков составов преступлений, связанных с монополистической деятельностью и недобросовестной конкуренцией, крупного ущерба и крупного дохода от соответствующих противоправных деяний, отчетливо проявляется целесообразность криминализации других предусмотренных в антимонопольном законодательстве форм недобросовестной конкуренции. Это, помимо дискредитации, введение в заблуждение, некорректное сравнение и иные формы недобросовестной конкуренции. Данное мнение разделили 69 % опрошенных нами практикующих юристов.

¹⁰⁴ Даниловская А.В. Концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2024. С. 15-16.

При этом в условиях очевидной бланкетности диспозиции ст. 178 УК РФ, сохранение перечней деяний, образующих ограничение конкуренции, выглядит излишним. На наш взгляд, вместо соответствующих перечней необходимо использовать отсылку к предусмотренным антимонопольным законодательством деяниям, выражающимся в монополистической деятельности или в ограничении конкуренции.

Актуальность проблем противодействия монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции обусловлена вызовами глобальной экономики, базирующейся на принципах технологического развития и открытости. Устойчивость рыночной системы, выступающей фундаментом экономической стабильности государства, напрямую коррелирует с обеспечением условий для добросовестного соперничества. Противоправные действия, направленные на ограничение конкуренции, дестабилизируют эти основы, нанося значительный ущерб как экономике в целом, так и конечным потребителям и законопослушным субъектам предпринимательства.

Социально-экономическая опасность монополистических практик проявляется в системных нарушениях рыночных механизмов: искусственном поддержании высоких цен, сужении потребительского выбора и подавлении инновационной активности. Обладая рыночной властью, доминирующие хозяйствующие субъекты получают возможность навязывать дискриминационные условия, блокировать вход на рынок новых компаний и, как следствие, действовать в ущерб публичным интересам. Уголовное преследование за подобные деяния является важным инструментом защиты конкуренции и поддержания справедливых цен¹⁰⁵.

Недобросовестная конкуренция, включающая в себя широкий спектр противоправных действий, таких как распространение ложной информации, незаконное использование товарных знаков, промышленный шпионаж и другие

¹⁰⁵ Сегал (Решетникова) С.Б., Маслов А.О. Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы правоприменительной практики // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2. С. 13.

формы неэтичного поведения, создает неравные условия для ведения бизнеса. Добросовестные предприниматели, соблюдающие нормы и правила конкуренции, оказываются в невыгодном положении по сравнению с теми, кто прибегает к незаконным методам. Уголовное преследование за недобросовестную конкуренцию способствует выравниванию условий экономической деятельности и защите прав предпринимателей.

Усиление глобализации и развитие цифровой экономики порождают новые формы и масштабы преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией¹⁰⁶. Транснациональные корпорации могут использовать сложные схемы для уклонения от антимонопольного регулирования, а цифровые платформы – злоупотреблять своим доминирующим положением в интернете. Противодействие этим новым угрозам требует постоянного совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Однако охват уголовно-правовой охраны в этой сфере представляется недостаточным, учитывая разнообразие и сложность современных антиконкурентных практик. Многие виды нарушений, такие как злоупотребление доминирующим положением, антиконкурентные действия органов власти, манипулирование ценами и другие формы недобросовестной конкуренции, зачастую остаются за пределами уголовно-правового воздействия, ограничиваясь лишь административной ответственностью.

Отсутствие адекватного уголовно-правового реагирования на подобные деяния снижает сдерживающий эффект правовых норм и способствует распространению антиконкурентных проявлений, что, в свою очередь, негативно сказывается на экономическом развитии страны, благосостоянии потребителей и конкурентоспособности отечественных предприятий. В связи с этим назрела

¹⁰⁶ Казачкова З.М., Казачков В.А. Проблемы противодействия антиконкурентным соглашениям в условиях цифровой экономики: некоторые экономико-правовые императивы в сравнительно-правовом ключе // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 38.

необходимость расширения перечня деяний, признаваемых уголовно наказуемыми в сфере антимонопольного регулирования.

Следует отметить, что антимонопольным законодательством, в частности, запрещены согласованные действия хозяйствующих субъектов и широкий спектр деяний, связанных с недобросовестной конкуренцией, выражающейся в распространении заведомо ложной информации о товарах, работах, услугах. Примечателен тот факт, что многие из этих деяний ранее признавались преступными в отечественном уголовном законодательстве, но были декриминализованы. Действительно, декриминализация ряда экономических составов в УК РФ, произошедшая в середине 2010-х годов, породила дискуссии о ее влиянии на состояние конкурентной среды и соблюдение законности в сфере предпринимательства. Проведенная либерализация уголовного законодательства в экономической сфере была обоснована ее сторонниками необходимостью снижения репрессивного давления на бизнес, стимулирования деловой активности и сокращения объема уголовного преследования за хозяйственные нарушения. Критики данной реформы, в свою очередь, указывали на потенциальные риски, включая рост злоупотреблений и ослабление превентивного эффекта уголовного закона.

Важно подчеркнуть, что декриминализация не подразумевала полного исключения ответственности. Соответствующие деяния в большинстве случаев были переведены в разряд административных правонарушений или гражданско-правовых деликтов. Однако санкции этих отраслей права зачастую оказывались менее суровыми, что, в условиях превышения потенциальной выгоды над возможными издержками, могло создать предпосылки для увеличения количества экономических правонарушений.

Влияние реформы на сферу публичных торгов также оценивается неоднозначно. С одной стороны, смягчение ответственности могло способствовать росту числа участников, снизив их опасения перед уголовным преследованием. С другой – ослабление потенциала ответственности могло

привести к увеличению количества недобросовестных практик, направленных на получение незаконных преимуществ в ходе конкурентных процедур.

Таким образом, декриминализация отдельных экономических составов преступлений стала значимым фактором формирования новой правовой реальности, последствия которой носят комплексный и противоречивый характер. Данный опыт актуализировал потребность в дальнейшем поиске оптимального баланса между задачами либерализации экономики и необходимостью защиты охраняемых законом публичных интересов.

Позднее законодатель вернулся к ужесточению уголовной ответственности в отношении ряда хозяйственных преступлений, осознавая недостатки чрезмерной либерализации.

И отдельные из обозначенных трендов уже были развернуты. Так, Федеральным законом от 13.12.2024 № 467-ФЗ ч. 2 ст. 178 УК РФ дополнилась квалифицирующими признаками, связанными с повышенной ответственностью за ограничение конкуренции, если это повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах¹⁰⁷.

Другое направление, связанное с реализацией уголовной политики государства в сфере экономической деятельности и также очевидно пересматриваемое в настоящее время, – это сфера рекламы. В последние годы отчетливо проявляется тренд на ужесточение нормативного регулирования в сфере рекламы, в том числе и путем установления ответственности. В настоящее время оборот рекламы уже связан с требованиями ее маркировки, ведения реестров рекламодателей и рекламораспространителей.

Например, в настоящее время введены достаточно строгие правила в отношении рекламы финансовых услуг, в том числе тех, которые связаны с высоким уровнем риска для потребителя. В перспективе распространение подобных правовых требований на иные сегменты рынка представляется

¹⁰⁷ Шевелева С.В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 111.

закономерным, особенно в областях, сопряженных с высокими рисками введения потребителя в заблуждение или причинения ему существенного вреда.

В настоящее время уголовно-правовые средства противодействия противоправной рекламе преимущественно ограничиваются составами преступлений, связанными с мошенничеством и обманом потребителей. Однако усложнение рекламных технологий и манипулятивных методик актуализирует вопрос о целесообразности формирования специальных уголовно-правовых норм, непосредственно направленных на квалификацию недобросовестной и заведомо ложной рекламы.

Особую сложность представляет правовое регулирование рекламы в цифровой среде. Сеть Интернет, с одной стороны, является мощным каналом ее распространения, а с другой – создает значительные препятствия для эффективного контроля за содержанием рекламных материалов и привлечения нарушителей к ответственности ввиду трансграничного характера и высокой степени анонимности.

В связи с этим представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства в сфере рекламы, в том числе и в части установления уголовной ответственности за наиболее опасные формы ее неправомерного использования. При этом важно учитывать как международный опыт, так и существующие особенности российской экономики и правовой системы.

Следует также отметить, что российскому уголовному законодательству уже известен опыт нормативного установления ответственности за заведомо ложную рекламу (ст. 182 УК РФ)¹⁰⁸. Данная статья была исключена Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ. С уверенностью можно утверждать, что назрела необходимость возрождения данного уголовно-правового предписания. С этим выводом согласились 91 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

¹⁰⁸ Нудель С.Л., Печегин Д.А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 314.

Сегодня реклама в интернете является мощнейшим инструментом привлечения потребителей, а злоупотребления в этой сфере наносят ощутимый урон отношениям в сфере экономической деятельности, основанным на добросовестной конкуренции. Причем спектр общественно опасных проявлений ненадлежащей рекламы в интернете не ограничивается различными незаконными способами перехвата потребителей или неправомерным использованием чужих товарных знаков в качестве ключевых слов для рекламных объявлений. Имеют место случаи коммерческой дискредитации конкурентов, когда распространяется заведомо ложная информация о товарах или услугах конкурентов, способная подрывать экономическую деятельность (например, сведения о недоброкачественности продуктов питания).

Отдельно следует оговорить и существующие механизмы незаконного использования информации из государственных источников в коммерческих целях. Сегодня многие предприниматели сталкиваются с навязыванием им услуг от банков, от различных цифровых платформ сразу же после регистрации физического лица в качестве предпринимателя или после образования юридического лица. Имеют место случаи навязывания услуг по банкротству граждан сразу же после возбуждения исполнительного производства, похоронные бюро получают информацию об умерших лицах также не всегда законным способом.

В указанных примерах имеет место нарушение отношений в сфере свободной конкуренции с одновременным посягательством на безопасность персональных данных и с явным использованием приемов ненадлежащей рекламы.

Изложенное свидетельствует об актуальности трансформации существующих уголовно-правовых средств противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности, основанной на свободной конкуренции. Назрела необходимость криминализации отдельных деяний, выражающихся в незаконной рекламе, в том числе с неправомерным использованием средств

индивидуализации, персональных данных граждан и непубличной информации различного содержания.

Таким образом, представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) в числе ведущих направлений оптимизации норм об уголовной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства состоит предложение о закреплении унифицированного нормативного положения об уголовной наказуемости монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, охватывающего своим содержанием соответствующие деяния, регламентированные антимонопольным законодательством;

2) обоснована целесообразность сохранения материальной конструкции объективной стороны нормы об ответственности за монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, что позволит отграничить данные преступления от административных и иных правонарушений;

3) аргументирована необходимость уточнения признаков состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) за счет прямой криминализации использования чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях, а также использования указаний об оригинальности товара в качестве квалифицирующих признаков данного преступления;

4) в контексте уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с монополистической деятельностью и ограничением конкуренции, доказана актуальность установления уголовно-правового запрета заведомо ложной рекламы как одного из эффективных инструментов борьбы с антиконкурентными практиками современного цифрового общества;

5) обоснована потребность дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией. В частности, предлагается:

закрепить в качестве квалифицирующего признака совершение преступления хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

исключить квалифицирующий признак ограничения конкуренции в виде совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения как характерный для большинства случаев совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

На основании изложенного разработана следующая новая редакция ст. 178 УК РФ:

«Статья 178. Монополистическая деятельность и (или) недобросовестная конкуренция

1. Монополистическая деятельность и (или) недобросовестная конкуренция, запрещенные в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере, –

наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до одного года либо без такового.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, если оно повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, а равно совершенное хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее

использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе, –

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере от шестисот тысяч до восьмисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

- а) организованной группой;
- б) с причинением особо крупного ущерба;
- в) с извлечением дохода в особо крупном размере, –

наказываются принудительными работами на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до шести лет со штрафом в размере от двух миллионов до четырех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех до пяти лет либо без такового.

4. Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения, –

наказываются принудительными работами на срок от четырех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью на срок от четырех до пяти лет или без такового либо лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от четырех до пяти лет либо без такового.

Примечания. 1. Доходом в настоящей статье признается выручка от реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения в результате исполнения такого соглашения, без вычета произведенных или необходимых (планируемых) расходов.

2. Доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает восемьдесят миллионов рублей, а доходом в особо крупном размере – триста девяносто пять миллионов рублей.

3. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает шестнадцать миллионов рублей, а особо крупным ущербом – сорок семь миллионов пятьсот тысяч рублей.

4. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб, возвратило незаконно полученный им доход или иным образом загладило причиненный им вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

На основе разработанных положений предложена следующая новая редакция ст. 180 УК РФ:

«Статья 180. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

1. Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

2. То же деяние, совершенное:

а) хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

б) путем использования чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях, а также с использованием указаний об оригинальности товара;

в) группой лиц по предварительному сговору, –

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до четырехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, –

наказываются штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период

от трех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Примечание. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб в сумме, превышающей четыреста тысяч рублей».

Теоретически обоснована целесообразность криминализации распространения заведомо ложной рекламы, и разработана соответствующая новая уголовно-правовая норма:

«Статья 182. Заведомо ложная реклама

1. Использование в рекламе заведомо ложной информации относительно товаров, работ или услуг, а также их изготовителей (исполнителей, продавцов), причинившее крупный ущерб, –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев.

2. То же деяние, совершенное:

а) хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

б) из корыстной заинтересованности;

в) группой лиц по предварительному сговору, –

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до четырехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо принудительными работами на срок до

четырёх лет, либо лишением свободы на срок до четырёх лет со штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, –

наказываются штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Примечание. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб в сумме, превышающей четыреста тысяч рублей»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ См. также: Довлатов А.Н. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 228-232.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования уголовно-правовых аспектов противодействия монополистической деятельности и ограничению конкуренции представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1. Ключевым нормативным актом, регулирующим защиту конкуренции в Российской Федерации, является Федеральный закон «О защите конкуренции». Этот закон, принятый в 2006 г., формирует правовой фундамент для двух взаимосвязанных направлений: противодействия монополистической деятельности и недопущения ограничения конкуренции, в совокупности составляющих суть поддержания условий для свободной конкуренции.

В рамках закона монополистическая деятельность определяется как злоупотребление доминирующим положением на рынке, а также запрещенные соглашения или согласованные действия хозяйствующих субъектов. Понятие недобросовестной конкуренции трактуется еще шире и охватывает любые недобросовестные действия, направленные на получение несправедливых преимуществ, которые противоречат не только букве закона, но и принципам добропорядочности, разумности и справедливости, нанося ущерб конкурентам.

Уголовная ответственность наступает лишь за наиболее общественно опасные деяния из этого обширного спектра нарушений. Так, в УК РФ прямо криминализировано ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ). При этом если антимонопольное законодательство детально регулирует целый комплекс монополистических действий (злоупотребление доминированием, различные соглашения), то уголовный закон сосредоточен преимущественно на картельных сговорах как на самой грубой форме такого ограничения.

Федеральный закон «О защите конкуренции» служит основой и для других уголовно-правовых запретов. В нем закреплён перечень форм недобросовестной конкуренции, таких как дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение, незаконное использование средств индивидуализации и нарушение

коммерческой тайны. Из этого списка под действие УК РФ подпадают только два деяния: незаконное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ) и незаконные получение и разглашение коммерческой тайны (ст. 183 УК РФ).

Таким образом, действующее законодательство формирует достаточно узкий, но четко очерченный круг уголовно наказуемых деяний, посягающих на отношения свободной и добросовестной конкуренции, оставляя остальные нарушения в сфере административной или гражданско-правовой ответственности.

Динамика развития рынков, особенно в эпоху цифровизации, активно влияет и на законодательство. Ярким примером стало введение в 2023 г. специальных норм, касающихся злоупотребления доминирующим положением владельцами цифровых платформ (к которым, в частности, относятся крупные маркетплейсы). Эта новация отражает попытку законодателя адекватно реагировать на появление сложных рыночных реалий, где цифровые площадки формируют собственные экосистемы с уникальными правилами. Несмотря на такие адаптации антимонопольного права, вызванные цифровой трансформацией, уголовно-правовые нормы, касающиеся картелей, остаются без существенных изменений. Это создает определенный диссонанс между быстро эволюционирующим экономическим ландшафтом и инструментарием уголовного преследования.

2. Общественная опасность монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, выступающая в качестве основания криминализации таких деяний, предопределяется совокупностью следующих факторов:

1) масштабирование и системность ущерба: нарушения перестают быть локальными, воздействуя на системообразующие сегменты экономики (такие как госзакупки, охватывающие значительную долю ВВП) и глобальные цифровые рынки, что приводит к макроэкономическим потерям, росту цен для неограниченного круга потребителей и деформации целых отраслей;

2) качественное изменение способов совершения нарушений: использование алгоритмического ценообразования, аукционных роботов, искусственного интеллекта и платформенных алгоритмов приводит:

к автоматизации и опосредованию противоправной деятельности, минимизирующей прямое участие человека и размывающей субъектную ответственность;

к крайнему повышению конспиративности и латентности, когда сговоры (цифровые картели) или злоупотребления доминирующим положением реализуются через сложные для отслеживания и доказывания цифровые взаимодействия и алгоритмические команды;

3) подрыв основ честного рыночного механизма: правонарушения эволюционируют от единичных недобросовестных актов к встроенным, системным практикам цифровых платформ (манипуляция ранжированием, непрозрачное управление ценами, необоснованное использование средств индивидуализации), которые искажают саму основу свободной конкуренции и потребительского выбора, заменяя их управляемой алгоритмической средой;

4) сложность восстановления конкурентной среды: вред, причиненный высокотехнологичными нарушениями, часто носит необратимый или трудноустраняемый характер. Алгоритмические сговоры или дискриминационные платформенные практики могут быстро привести к вытеснению добросовестных конкурентов с рынка, после чего восстановление условий для честной конкуренции требует чрезмерных усилий со стороны государства;

5) нормативный и правоприменительный разрыв: стремительное появление новых технологических форм ограничения конкуренции опережает адаптацию правовых механизмов, создавая «серые зоны» и затрудняя юридическую квалификацию. Это не только повышает фактическую безнаказанность, но и подрывает превентивную и восстановительную функцию права.

Совокупное действие этих факторов формирует качественно новый уровень общественной опасности, который характеризуется не просто увеличением

потенциального ущерба, а системной угрозой для конкурентного порядка в цифровой экономике, что обосновывает необходимость усиления мер уголовно-правового реагирования.

3. Сравнительно-правовое исследование зарубежного уголовного законодательства об ответственности за монополистические действия и ограничение конкуренции в странах ближнего зарубежья привело к следующим основным выводам:

1) конкретизация и расширение объекта защиты: УК Кыргызской Республики (ст. 223) криминализует не только согласованные действия, но и поддержание монопольно высоких (низких) цен вне формального сговора. УК Республики Беларусь детализирует запреты, выделяя в самостоятельные составы распространение ложной информации о товарах и срыв публичных торгов (ст. 250, 251), что актуализирует вопрос о восстановлении уголовной ответственности за заведомо ложную рекламу в РФ;

2) акцент на обеспечение эффективности антимонопольного контроля: УК Республики Узбекистан (ст. 183) устанавливает ответственность за неповиновение законным предписаниям антимонопольного органа, используя конструкцию административной преюдиции, что соответствует современным тенденциям уголовной политики и способствует повышению авторитета контролирующих институтов;

3) системный запрет недобросовестной конкуренции: наиболее полная и структурная криминализация различных форм недобросовестной конкуренции (дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение) реализована в УК Республики Молдова (ст. 247), что может служить образцом для возможной модернизации российской системы уголовно-правовых запретов.

На основании проведенного сравнительно-правового анализа уголовно-правовых норм государств дальнего зарубежья, направленных на защиту конкурентной среды, сформулированы следующие выводы:

1) о системном подходе к защите конкуренции в структуре уголовного права. В УК ФРГ, включающем самостоятельный раздел «Преступные деяния против конкуренции», подчеркивается признание конкурентного порядка самостоятельным и высшим публичным благом, требующим специальной уголовно-правовой охраны. Данный подход отличается от интеграционной модели, принятой в Российской Федерации и ряде стран СНГ, где данные нормы включены в более широкие главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, что может нивелировать специфику объекта посягательства;

2) о доминировании специализированного и процедурного подходов в европейских моделях. Анализируемые системы демонстрируют движение от широких материальных составов (как ст. 178 УК РФ) к точечному регулированию ключевых механизмов обеспечения честной конкуренции. В УК ФРГ § 298 представляет собой эталонный пример формального и специализированного состава, криминализирующего не абстрактное ограничение конкуренции, а конкретное деяние – подачу заявки на торги, основанную на предварительном сговоре. Такой подход кардинально упрощает доказывание (не требуется установление последствий в виде ущерба) и служит эффективным превентивным инструментом для защиты прозрачности публичных закупок;

3) о расширении объекта охраны за счет внутренних корпоративных отношений. Норма о коммерческом подкупе (§ 299 УК ФРГ) указывает на глубокое понимание взаимосвязи добросовестного корпоративного управления и здоровой конкуренцией. Криминализируя подкуп лиц, принимающих решения в частном секторе, законодатель защищает не только честность конкуренции, но и имущественные интересы акционеров, обеспечивая лояльность наемных управленцев. Широкое определение субъекта (включая любых уполномоченных лиц) и формальный характер состава делают эту норму гибким и мощным средством противодействия недобросовестным практикам в деловом обороте, в том числе трансграничным;

4) о прагматичной универсализации и обеспечении исполнимости в латвийской модели. Латвийский законодатель избрал иную, но не менее прагматичную стратегию, создав двухуровневую систему:

универсальная материальная норма (ст. 211 УК Латвийской Республики), охватывающая широкий спектр недобросовестных практик через бланкетную диспозицию, но устанавливающая высокий порог криминализации – причинение существенного вреда;

процессуально-обеспечительная норма (ст. 212 УК Латвийской Республики), направленная на защиту авторитета и эффективности антимонопольного органа путем криминализации неисполнения его предписаний. Эта модель признает, что уголовное право может выступать не только как средство противодействия монополизму, но и как гарант действенности административного контроля;

5) о целевом подходе к криминализации недобросовестной конкуренции. Нидерландская норма (ст. 328bis УК Королевства Нидерландов) фокусируется на субъективной цели – улучшении рыночного положения через обман. Таким образом, ключевым фактором становится не форма действия, а его направленность на искажение основ честного экономического соперничества. Этот подход акцентирует внимание на охране функциональности рыночного механизма и свободы экономического выбора, основанного на достоверной информации.

Таким образом европейские модели (в частности, германская и латвийская) демонстрируют более диверсифицированный и инструментальный подход к уголовно-правовой защите конкуренции по сравнению с классической «картельной» моделью.

4. Проведенный анализ позволил сформулировать ряд основных выводов, отражающих как современное состояние уголовно-правового запрета на ограничение конкуренции, так и сохраняющиеся проблемы его законодательной конструкции и правоприменительной реализации:

Основной непосредственный объект образуют общественные отношения по обеспечению конституционной свободы рыночного соперничества, дополнительный – имущественные интересы государства, организаций и граждан, а факультативные объекты актуализируются в квалифицированных составах (здоровье, отношения собственности).

Статья 178 УК РФ находится в неразрывной бланкетной зависимости от ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции», которая выступает административно-правовым фундаментом уголовной ответственности. При этом наблюдается существенное расхождение между сферами действия уголовного и антимонопольного запретов: уголовный закон криминализирует исключительно заключение картельных соглашений, тогда как антимонопольное законодательство запрещает также согласованные действия и антиконкурентную координацию. Данное расхождение, будучи осознанным законодательным решением, продиктованным требованием определенности уголовно-правового запрета, порождает серьезную правоприменительную проблему: наиболее латентные и технологически сложные формы антиконкурентного поведения (параллельное ценовое поведение в олигопольных структурах, координация через цифровые алгоритмы) остаются вне поля действия уголовного закона, даже будучи административно наказуемыми и причиняя сопоставимый с картелем вред.

Принципиальное значение для практики применения ст. 178 УК РФ имела конституционно-правовая интерпретация признака «доход», предложенная Конституционным Судом РФ в постановлении от 19.04.2023 и впоследствии легитимированная Федеральным законом от 13.12.2024 № 467-ФЗ. Доходом признана выручка от реализации товаров (работ, услуг), извлеченная всеми участниками соглашения в результате исполнения картеля, без вычета каких-либо расходов. Это решение, с одной стороны, устранило многолетнюю неопределенность и противоречивость судебной практики, с другой – выявило проблему системности уголовного закона: аналогичное легальное определение

отсутствует в иных составах преступлений, где доход выступает криминообразующим признаком. Кроме того, законодательно закреплённая дифференциация пороговых значений крупного ущерба (16 млн руб.) и крупного дохода (80 млн руб.) получила экономическое обоснование, поскольку доход в форме выручки многократно превышает чистую прибыль, сопоставимую с размером ущерба.

Законодатель выстраивает трехуровневую дифференциацию ответственности, последовательно усиливая ее при: а) совершении преступления на обязательных торгах (ч. 2); б) наличии признаков использования служебного положения, организованной группы, особо крупного ущерба или дохода (ч. 3); в) применении насилия, угроз, уничтожении или повреждении имущества (ч. 4). Особого внимания заслуживает трансформация понимания картеля в ч. 4: из экономического деликта он перерастает в насильственное посягательство, сближающееся по своим признакам с вымогательством и иными общеуголовными преступлениями. При этом сохраняется проблема установления признака «организованная группа» применительно к картелям, где сам сговор уже предполагает соучастие, но не всегда достигает степени устойчивости и распределения ролей, характерных для организованной преступности.

Примечание 4 к ст. 178 УК РФ является эффективным инструментом дестабилизации картельных соглашений изнутри. Императивный характер освобождения при выполнении всех условий создает мощный стимул для «первого раскаявшегося». При этом сохраняется правоприменительная неопределенность критерия «первый из соучастников» при одновременном обращении нескольких фигурантов.

Действующая редакция ст. 178 УК РФ представляет собой результат длительной эволюции, в ходе которой законодатель, с одной стороны, существенно проработал понятийный аппарат, адаптировал норму к реалиям конкурентной борьбы в сфере публичных закупок и уточнил пороги криминализации, а с другой – сохранил концептуальную приверженность

«картельной» модели, отказавшись от распространения уголовной ответственности на иные формы антиконкурентной координации. Этот консерватизм имеет под собой рациональные основания (определенность запрета, недопустимость объективного вменения), однако в условиях цифровизации экономики и усложнения рыночных практик возникает объективная потребность в обсуждении вопроса о криминализации наиболее опасных форм согласованных действий и злостного противодействия антимонопольному расследованию. Дальнейшее совершенствование нормы видится не столько в ужесточении санкций, сколько в повышении качества законодательных формулировок и обеспечении системного единства.

5. Проведенный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, позволил сформулировать следующие принципиальные выводы, имеющие значение как для доктрины уголовного права, так и для правоприменительной практики.

Дискуссия о непосредственном объекте незаконного использования средств индивидуализации отражает сложную, двухуровневую природу данного посягательства. Представляется обоснованным вывод о том, что интеллектуальная собственность как таковая не может выступать объектом преступления ввиду ее вещно-правовой трактовки в гражданском законодательстве; она образует предмет преступного посягательства. Непосредственным же объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие добросовестную конкуренцию, однако реализуемые специфическим способом – через нарушение исключительных прав на средства индивидуализации. В отличие от ст. 146 УК РФ, где защищаются преимущественно неимущественные авторские права, ст. 180 УК РФ охраняет экономическую составляющую использования товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров. Нарушение интеллектуальных прав здесь является не самоцелью, а инструментом получения необоснованных конкурентных преимуществ. Соответственно, отношения в

сфере добросовестной конкуренции и отношения по охране средств индивидуализации не могут рассматриваться как два самостоятельных объекта; они образуют единый, неразрывный комплекс, где первое составляет социально-юридическую сущность запрета, а второе – его нормативную форму. Интересы потребителей и деловая репутация правообладателя выступают факультативными объектами, получающими уголовно-правовую охрану лишь косвенно и не при любых обстоятельствах.

Объективная сторона преступления традиционно понимается как незаконное использование средств индивидуализации путем их нанесения на товары и последующего введения в гражданский оборот. Судебная практика последовательно расширяет это понимание, включая в него действия по перевозке, хранению, предложению к продаже, а также использование в сети Интернет, в доменных именах и при иных способах адресации. Однако стремительное развитие интернет-коммерции, прежде всего маркетплейсов, порождает качественно новые формы недобросовестной конкуренции, которые с трудом подпадают под классическую конструкцию ст. 180 УК РФ. К их числу относятся: использование чужих товарных знаков в качестве ключевых слов для таргетированной рекламы, неправомерная переадресация пользователей, размещение отметок об оригинальности товара на контрафактную продукцию, «паразитарная» конкуренция через поисковые алгоритмы. Указанные деяния, будучи очевидно общественно опасными и массовыми, находятся сегодня за пределами уголовно-правового запрета либо допускают лишь квалификацию в качестве пособничества, что неадекватно степени их вредоносности. Законодательная конструкция ст. 180 УК РФ, сформировавшаяся в доцифровую эпоху, требует пересмотра в части расширения объективной стороны за счет включения в нее новых, технологически опосредованных способов незаконного использования средств индивидуализации.

Неоднократность как альтернативный признак состава сохраняет правовую неопределенность. Отсутствие в законе критериев разграничения единого

продолжаемого деяния и совокупности преступлений порождает противоречивую судебную практику. Представляется, что позиция о невозможности признания неоднократности при наличии единого умысла, хотя и обладает доктринальной привлекательностью, не соответствует буквальному смыслу закона и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. Равным образом необоснованным является вывод о том, что предшествующее привлечение к административной ответственности препятствует квалификации последующего деяния как неоднократного; напротив, именно повторность после административного наказания свидетельствует о стойкости антиправовой установки и повышает общественную опасность содеянного.

Доминирующий в судебной практике подход к исчислению крупного ущерба путем умножения количества контрафактного товара на цену оригинальной продукции некорректен с теоретической точки зрения. Фактически он подменяет понятие ущерба понятием дохода (или даже потенциальной выручки правообладателя) и не учитывает реальных имущественных потерь. Более того, данный подход провоцирует ошибки в определении момента окончания преступления, когда в размер ущерба неправомерно включается стоимость нереализованного, а иногда и просто хранящегося товара.

Субъект преступления – общий, что вполне оправданно, поскольку незаконное использование средств индивидуализации может осуществляться как руководителем организации, так и рядовым продавцом, как индивидуальным предпринимателем, так и лицом, действующим вне легальной предпринимательской деятельности. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом; цель и мотив не являются конструктивными признаками, однако их установление имеет значение для доказывания направленности умысла и отграничения от смежных административных правонарушений.

Законодатель предусматривает два уровня дифференциации ответственности: по предварительному сговору (ч. 2) и организованной группой (ч. 3). При этом отсутствуют такие распространенные в преступлениях в сфере

экономической деятельности квалифицирующие признаки, как использование служебного положения, особо крупный размер ущерба или дохода. Данное обстоятельство может свидетельствовать как о недооценке законодателем степени общественной опасности организованных форм контрафактного бизнеса, так и об осознанной сдержанности ввиду сложности доказывания соответствующих признаков.

Статья 180 УК РФ, сохраняя относительную стабильность своей законодательной конструкции на протяжении длительного времени, вступает в противоречие с динамично развивающейся практикой интернет-коммерции. Законодатель, своевременно реагируя на необходимость повышения порогов криминализации (увеличение размера крупного ущерба в 2024 г.) и декриминализуя утратившие актуальность составы (незаконное использование предупредительной маркировки), пока не предложил системного решения проблемы качественно новых форм недобросовестной конкуренции в цифровой среде. Международный опыт, в частности китайское антимонопольное законодательство, демонстрирует возможность и необходимость криминализации таких деяний, как принудительное перенаправление, размещение скрытых ссылок, использование чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях. Назрела объективная потребность в модернизации ст. 180 УК РФ, которая должна выразиться не столько в ужесточении санкций, сколько в содержательном расширении объективной стороны, позволяющем адекватно реагировать на вызовы цифровой экономики и обеспечивать реальную, а не декларативную защиту добросовестной конкуренции.

6. Проведенный комплексный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, позволил сформулировать следующие основные выводы.

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 183 УК РФ охраняет не только имущественные интересы хозяйствующих субъектов, но и информационный суверенитет предпринимательской деятельности. В условиях

цифровой трансформации экономики, когда информация приобретает самостоятельную и зачастую доминирующую стоимость в активах предприятий, значение данной нормы объективно возрастает. При этом отношения в сфере добросовестной конкуренции выступают факультативным непосредственным объектом данного преступления. Уголовно-правовая охрана коммерческой, налоговой и банковской тайны осуществляется самостоятельно, независимо от того, сопряжено ли посягательство с недобросовестной конкуренцией. В случаях, когда незаконное собирание сведений осуществляется конкурентом или в его интересах, происходит одновременное посягательство на два объекта, что должно получать соответствующую уголовно-правовую оценку.

Предмет преступления – коммерческая, налоговая и банковская тайна – характеризуется сложной межотраслевой регламентацией. Анализ гражданского, налогового и банковского законодательства позволяет заключить, что указанные виды тайны обладают различной юридической природой: коммерческая тайна устанавливается волеизъявлением обладателя информации (диспозитивный режим), тогда как налоговая и банковская тайна существуют в силу прямого указания закона (императивный режим). Данное различие предопределяет особенности доказывания: для констатации наличия коммерческой тайны требуется установление факта введения обладателем соответствующего режима конфиденциальности; для налоговой и банковской тайны такой обязанности не возникает. Особого внимания заслуживает эволюция понимания коммерческой тайны: если ранее под ней традиционно понимались результаты интеллектуальной деятельности и технологические решения, то в современной практике предметом преступления все чаще выступает клиентская информация, базы данных, персональные данные пользователей, что сближает охрану коммерческой тайны с охраной персональных данных и порождает конкуренцию уголовно-правовых и административно-правовых режимов защиты.

Объективная сторона состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 183 УК РФ, характеризуется открытым (неисчерпывающим) перечнем способов

незаконного собирания сведений. Каждый из поименованных способов (похищение документов, обман, шантаж, принуждение, подкуп, угрозы) обладает самостоятельной юридической характеристикой и корреспондирует со смежными составами преступлений, что требует тщательного разграничения при квалификации. Особенностью законодательной конструкции является включение категории «иной незаконный способ», которая выполняет функцию адаптации уголовно-правового запрета к стремительно развивающимся технологическим реалиям. Именно данная категория позволяет квалифицировать по ст. 183 УК РФ деяния, совершаемые с использованием современных информационно-коммуникационных технологий: перехват трафика, неправомерный доступ к компьютерной информации, применение специальных технических средств, использование беспилотных летательных аппаратов для наблюдения и т.п. При этом сама по себе новизна или техническая сложность способа не препятствуют установлению признаков данного преступления; определяющим выступает признак противоправности – отсутствие законных оснований для доступа к охраняемой информации.

Часть 2 ст. 183 УК РФ конструирует принципиально иной, специальный состав преступления, обращенный к лицам, которым сведения были доверены или стали известны по службе или работе. Юридическая конструкция «доверены или стали известны» охватывает два различных правовых режима получения информации: добровольную передачу владельцем (доверие) и получение доступа в силу выполнения служебных обязанностей (известность по работе). Общественная опасность данного состава существенно выше, поскольку виновный нарушает не только абстрактный законодательный запрет, но и конкретное, персонально принятое на себя обязательство о неразглашении. Самостоятельного внимания заслуживает законодательное разграничение двух форм деяния – разглашения и использования. Если разглашение традиционно понимается как вывод информации вовне, то использование представляет собой латентную форму нарушения, при которой информация не покидает

контролируемой виновным среды, но применяется им вопреки интересам правообладателя.

Законодатель предусматривает два уровня дифференциации ответственности: ч. 3 (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, крупный ущерб, корыстная заинтересованность) и ч. 4 (тяжкие последствия). Примечательно, что в отличие от многих иных составов преступлений в сфере экономической деятельности, ст. 183 УК РФ не содержит такого распространенного квалифицирующего признака, как «использование служебного положения». Данное обстоятельство объясняется тем, что специальный субъект ч. 2 уже предполагает наличие служебного или трудового статуса, а в ч. 1 субъект является общим, и использование служебного положения не типично для «внешнего» посягателя.

Статья 183 УК РФ представляет собой сложносоставную, двухуровневую норму, объединяющую два самостоятельных состава преступления: «внешнее» собирание охраняемой информации любым незаконным способом (ч. 1) и «внутреннее» разглашение или использование информации инсайдером (ч. 2). При очевидной связи с охраной добросовестной конкуренции данная норма имеет самостоятельный объект – общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением сохранности коммерческой, налоговой и банковской тайны, – что подтверждается как законодательной конструкцией, так и судебной практикой, не связывающей привлечение к ответственности с обязательным наличием конкурентного мотива.

7. Сделаны следующие основные выводы по проблемам квалификации преступлений, связанных с монополистической деятельностью и ограничением конкуренции:

1) квалификация действий должностного лица в качестве исполнителя ограничения конкуренции исключается. При этом действия должностного лица, участвовавшего в ограничении конкуренции подлежат квалификации как должностное преступление (ст. 285, 286 УК РФ);

2) результаты проведенного нами исследования материалов следственно-судебной практики показывают, что в подавляющем большинстве случаев субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, является лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Ограничение конкуренции таким субъектом подлежит квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ как совершенное «лицом с использованием своего служебного положения». При этом норма об ответственности за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) дополнительному применению в подобных ситуациях не подлежит;

3) поскольку ограничивающее конкуренцию соглашение является сделкой, ограничение конкуренции, совершенное с угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, может одновременно подпадать под признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 178 и ст. 179 УК РФ. Совокупность преступлений в данном случае отсутствует, применению подлежит только ч. 4 ст. 178 УК РФ как специальная норма;

4) если действия лица содержат признаки как преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, так и преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, то они должны быть квалифицированы по совокупности. Правило квалификации при конкуренции части и целого, обычно применяемое, когда одно преступление является частью другого, в данном случае не действует;

5) статьи 183 и 272¹ УК РФ регулируют разные сферы общественных отношений и не конкурируют между собой. Если действия лица подпадают под признаки составов преступлений, предусмотренных обеими статьями, то лицо подлежит ответственности по совокупности этих норм уголовного закона, а не по одной из них;

6) не находятся в отношениях конкуренции и подлежат квалификации по совокупности уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 183 УК РФ и ст. 201, 285 УК РФ, поскольку также регулируют разные сферы общественных отношений.

8. Обоснована необходимость нормативного закрепления унифицированного состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за совершение монополистических действий и актов недобросовестной конкуренции. Ведущим требованием к такой унификации является обеспечение корреляции между уголовно-правовым запретом и диспозициями норм антимонопольного законодательства, что позволит распространить действие уголовного закона на весь спектр деяний, признаваемых отраслевым законодательством в качестве нарушений правил конкуренции.

Кроме того, обоснована целесообразность сохранения материальной конструкции объективной стороны нормы об ответственности за монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, что позволит отграничить данные преступления от административных и иных правонарушений.

Аргументирована необходимость уточнения признаков состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) за счет прямой криминализации использования чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях, а также использования указаний об оригинальности товара в качестве квалифицирующих признаков данного преступления.

Доказана актуальность установления уголовно-правового запрета заведомо ложной рекламы как одного из эффективных инструментов противодействия антиконкурентным практикам современного цифрового общества.

Обоснована потребность дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией. В частности, предложено:

закрепить в качестве квалифицирующего признака совершение преступления хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

исключить квалифицирующий признак ограничения конкуренции в виде совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения как характерный для большинства случаев совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

Обоснованы и разработаны проекты новых редакций ст. 178 и 180 УК РФ и проект новой нормы ст. 182 УК РФ¹¹⁰.

¹¹⁰ См. также: Довлатов А.Н. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 228-232; Довлатов А.Н. Современная уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти преподавателей кафедры уголовной политики Академии управления МВД России – участников Великой Отечественной войны): сборник статей по материалам международной конференции (24 октября 2025 г.). М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 308-312.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
2. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века // Официальный сайт ООН / URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.187/4/Rev.3> (дата обращения 10.02.2025).
3. Декларация ООН о преступности и общественной безопасности 1996 г. // Официальный сайт ООН / URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/51/60> (дата обращения 10.02.2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 23.05.2025) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 05.02.1996. № 6. Ст. 492.
7. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
8. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 09.08.2004. № 32. Ст. 3283.

9. Приказ ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

II. Уголовное законодательство зарубежных стран

10. Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 412 с.

11. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.02.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.12.2025).

12. Уголовный кодекс Дании / Научное редактирование и предисловие С.С. Беляева, к.ю.н. (МГУ им. М.В. Ломоносова). Перевод с датского и английского к.ю.н. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.

13. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации // URL: <http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/> (дата обращения 15.02.2025).

14. Уголовный кодекс Королевства Нидерландов / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Netherlands> (дата обращения 02.02.2025).

15. Уголовный кодекс Королевства Швеция / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Sweden> (дата обращения 09.03.2025).

16. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.12.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 09.12.2025).

17. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 13.11.2025).
18. Уголовный кодекс Республики Болгария / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Bulgaria> (дата обращения 05.02.2025).
19. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2020 г.) / Информационная система «Параграф» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.03.2025).
20. Уголовный кодекс Республики Корея / Науч. редактирование и предисловие докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
21. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 07.12.2025).
22. Уголовный кодекс Республики Польша / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ // URL: <https://legislationline.org/Poland> (дата обращения 22.03.2025).
23. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 11.11.2025).
24. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.11.2024) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения 09.12.2025).
25. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.11.2023) / Информационная система «ПАРАГРАФ» / URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 05.11.2025).
26. Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. и предисловие д.ю.н., проф. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

III. Материалы судебной практики

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта "в" части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило» // Собрание законодательства РФ. 01.05.2023. № 18. Ст. 3389.

28. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

30. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2. (ред. от 23.06.2015).

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8 (ред. от 29.11.2016).

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

35. Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 16.09.2024 по делу № 1-5/2024 (УИД 34RS0011-01-2022-006598-17) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

36. Приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 23.12.2024 № 1-484/2024 (УИД 77RS0032-02-2024-008871-13) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

37. Приговор Гагаринского районного суда города Москвы от 15.09.2022 № 1-17/2022 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

38. Приговор Калужского районного суда Калужской области от 24.02.2022 по делу № 1-1-8/2022 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

39. Приговор Ломоносовского районного суда города Архангельска от 10.12.2025 по делу № 1-303/2025 (УИД 29RS0014-01-2024-000564-75) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

40. Приговор Кировского районного суда города Санкт-Петербурга от 20.03.2023 по делу № 1-276/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

41. Приговор Зеленогорского районного суда города Санкт-Петербурга от 13.05.2022 по делу № 1-15/2022 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

42. Приговор Тихорецкого районного суда Краснодарского края от 19.08.2025 по делу № 1-35/2025 (УИД 23RS0053-01-2024-002217-86) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

43. Приговор Майкопского городского суда Республики Адыгея от 20.12.2024 по делу № 1-531/2024 (УИД 01RS0004-01-2024-007944-20) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

IV. Монографии, учебники и иная учебная литература

44. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права. Учебник / Под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько. М.: Издательство Проспект, 2023. 544 с.

45. Антимонопольное (конкурентное) право: Учебник / (Писенко К.А., Бадмаев Б.Г., Казарян К.В.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014). 316 с.

46. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.

47. Безверхов А.Г., Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества: вопросы истории, теории, практики: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 192 с.

48. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 505 с.

49. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. Изд. 2-е, перераб. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. 303 с.

50. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. 123 с.

51. Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткуллина М.Б. Вина и ответственность в уголовном праве: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009. 256 с.

52. Винокуров В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. 224 с.

53. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 797 с.

54. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (по уголовному праву России). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 765 с.
55. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Изд-во «Юридический центр "Пресс"», 2002. 641 с.
56. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр «Пресс», 1999. 312 с.
57. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 448 с.
58. Герцензон А.А. Уголовное право: Часть Общая. М., 1948. 496 с.
59. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. 127 с.
60. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 544 с.
61. Головинков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2021. 312 с.
62. Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.И. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. 200 с.
63. Греков Б.Д. Судебники XV–XVI веков. М.-Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР, 1952. 615 с.
64. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. 1: А-З. 2002. 699 с.
65. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка; В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. 3: П. 2002. 555 с.
66. Даниловская А.В. Теоретические основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: монография. Москва: Юрлитинформ, 2023. 240 с.

67. Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2002. 279 с.
68. Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.
69. Еремин А.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: Монография. М.: Юстицинформ, 2017. 208 с.
70. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Велби, Проспект, 2007. 569 с.
71. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / Отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2010. 576 с.
72. Жалинский А.Э. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2005. 1088 с.
73. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 216 с.
74. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 100 с.
75. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 100 с.
76. Ибрагимов М.А., Ображиев К.В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2005. 96 с.
77. Кадников Н.Г. Категории преступлений и проблемы уголовной ответственности: Учебное пособие. М.: Книжный мир, 2005. 83 с.
78. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: Учебное пособие. М., 2003. 101 с.

79. Квалификация преступлений: учебное пособие / Под ред. д.ю.н., доц. К.В. Ображиева, д.ю.н., проф. Н.И. Пикурова. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2016. 87 с.
80. Ковалев М.И., Васьков П.Т. Причинная связь в уголовном праве. М., 1958. 72 с.
81. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 819 с.
82. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Ярославской уголовно-правовой школы): В 2-х частях. Общая часть / Е.В. Благов, А.С. Дрепелев, А.В. Иванчин [и др.]; под ред. Е.В. Благова, А.В. Иванчина. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2023. 272 с.
83. Комментарий к Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации научно-практический, постатейный / С.В. Борисов, М.Ю. Воронин, М.М. Дайшутов [и др.]. М.: ООО «Издательство Юнити-Дана», 2024. 352 с.
84. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. 1392 с.
85. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. 888 с.
86. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 1029 с.
87. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т., постатейный. Том 2. 2-е издание / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 704 с.
88. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Т. 4. Разделы X-XII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. 278 с.
89. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 1. Общая часть / Под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2025. 528 с.

90. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / Под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2023. 983 с.
91. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII.
92. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / Под ред. А.И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 176 с.
93. Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 312 с.
94. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 300 с.
95. Крылова Н.Е., Серебрянникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 1998. 208 с.
96. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 939 с.
97. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2006. 304 с.
98. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 244 с.
99. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Госюриздат, 1958. 68 с.
100. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. 336 с.
101. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: МГУ, 1976. 182 с.
102. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. 569 с.

103. Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 3. 470 с.
104. Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. Т. 5. 512 с.
105. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. 178 с.
106. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юрический центр Пресс», 2004. 339 с.
107. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2015. 640 с.
108. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. Учебное пособие. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. 118 с.
109. Маркунцов С.А. Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов: учебное пособие. М.: Юриспруденция, 2012. 155 с.
110. Марцев А.И., Вишнякова Н.В. Развитие учения об объекте преступления. Омск, 2002. 48 с.
111. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации: 2022-2024 гг. / Р.В. Закомолдин, П.В. Агапов, П.С. Данилов [и др.]. Самара: Самарама, 2024. 260 с.
112. Михлин А.С. Последствия преступления. М.: Юридическая литература, 1969. 104 с.
113. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 926 с.

114. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. 176 с.
115. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. 560 с.
116. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.
117. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 216 с.
118. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. 640 с.
119. Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: Учебник / Ю.В. Гаврилин, М.В. Лелетова, Н.Э. Мартыненко, Т.В. Пинкевич [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2024. 304 с.
120. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам: Сборник определений и постановлений / [сост. В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, А.С. Харламов]; под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2007. 752 с.
121. Основы уголовного права / Н.Г. Кадников, С.Я. Лебедев, А.В. Федоров [и др.]. Москва: ООО «Издательство Юнити-Дана», 2025. 255 с.
122. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.
123. Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность: Монография. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб.: Издательство «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 192 с.

124. Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. 256 с.
125. Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 312 с.
126. Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. М.: Издательство Юрайт, 2009. 488 с.
127. Плохова В.И. Системное толкование норм Особенной части уголовного права: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2011. 320 с.
128. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2010. 280 с.
129. Пудовочкин Ю.Е. Вопросы квалификации соучастия в преступлении в судебной практике. М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. 238 с.
130. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. 248 с.
131. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 224 с.
132. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.ю.н., проф. Э.Ф. Побегайло. М.: Илекса, 2008. 752 с.
133. Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учебное пособие. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2005. 158 с.
134. Сабитов Р.А., Сабитова Е.Ю. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершенных с документами: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 339 с.
135. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 80 с.

136. Ситникова А.И. Законодательная текстология и ее применение в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 232 с.
137. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юрический центр Пресс», 2004. 326 с.
138. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М.: Илекса, 2007. 1040 с.
139. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 256 с.
140. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2019. 508 с.
141. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. С.В. Бородин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010. 1253 с.
142. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С.В. Бородин, А.И. Трусова; Под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Спарк, 2001. 1168 с.
143. Сулейманов Т.А., Павлухин А.Н., Эриашвили Н.Д. Механизм и формы реализации норм уголовного права: монография. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2007. 288 с.
144. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Общая часть, вып. II, 1888. 974 с.
145. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.
146. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. 800 с.
147. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 208 с.
148. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: «ЮРКНИГА», 2003. 478 с.

149. Трайнин А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 898 с.
150. Уголовное уложение 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. 204 с.
151. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. (ред. 1 апреля 1923 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
152. Уголовное право: Общая часть. Учебник в 2-х частях Ярославской уголовно-правовой школы / Е.В. Благов, А.С. Дрепелев, А.В. Иванчин [и др.]. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2022. 280 с.
153. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А.Я. Гришко, Е.А. Антонян, А.Ю. Беляков [и др.]. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. 557 с.
154. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. И.Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2025. 584 с.
155. Уголовное право. Общая часть: учебник / И.В. Дворянсков, Е.А. Антонян, С.А. Боровиков [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.В. Дворянскова. М.: ИНФРА-М, 2023. 532 с.
156. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / С.Д. Бражник, С.А. Галактионов, В.К. Дуюнов [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.К. Дуюнова. М.: РИО, ИНФРА-М, 2023. 700 с.
157. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2023. 407 с.
158. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.И. Рарога. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. 944 с.
159. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / Отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 624 с.

160. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / Под ред. В.В. Лунеева. М.: Издательство Юрайт, 2010. 779 с.
161. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. 512 с.
162. Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий постатейный / Е.В. Благов, С.Д. Бражник, А.В. Васильевский [и др.]. Издание третье, исправленное и дополненное. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. 872 с.
163. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1845. 898 с.
164. Флетчер Д., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юристъ, 1998. 512 с.
165. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.
166. Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. Т. 3: Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с.
167. Чистякова О.И. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
168. Шаргородский М.Д. Вопросы Общей части уголовного права. Л., 1955. 256 с.
169. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 434 с.
170. Шестак В.А. Уголовное право России. Особенная часть: Учебное пособие в 3-х томах. Том 1. М.: Прометей, 2025. 1102 с.
171. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003. 416 с.

172. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: монография. М.: Моск. юрид. ин-т, 1996. 226 с.

V. Статьи

173. Алексеева Т.С. Тайна переписки, переговоров, сообщений как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2023. № 11. С. 74-75.

174. Ализаде Д.Э. Об объективных признаках незаконного использования товарного знака в России и Азербайджане // Мировой судья. 2024. № 4. С. 8-13.

175. Аржанникова Н. Использование чужого товарного знака в рекламе: мнение ФАС и судебная практика // Жилищное право. 2024. № 11. С. 37-44.

176. Бакасов Р.Р., Пинкевич Т.В. Организованная преступность в сфере финансового рынка России // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 7. С. 180-185.

177. Бешукова З.М., Трахов А.И. На пути к стабильности уголовного закона: размышления о некоторых отправных точках // Право и политика. 2021. № 9. С. 154-165.

178. Борисенко А.В. Риски использования товарных знаков конкурентов в контекстной рекламе в поисковых системах // Закон. 2021. № 10. С. 177-186.

179. Бриллиантов А.В. Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России // Правосудие. 2024. № 2. С. 142-147.

180. Букалерева Л.А., Романова Я.Н. Особенности квалификации совокупности преступлений // Правовая реформа. 2025. № 1. С. 40-41.

181. Быков В.М., Черкасов В.Н. Новый закон о преступлениях в сфере компьютерной информации: ст. 272 УК РФ // Российский судья. 2012. № 5. С. 18.

182. Бычков А. Режим коммерческой тайны в организации // Юридический справочник руководителя. 2021. № 6. С. 73-75.

183. Васильева О.Н. Особенности установления факта ограничения конкуренции по признакам цифровых картелей // Безопасность бизнеса. 2023. № 3. С. 35-37.

184. Вилисова И.Б. Ответственность за незаконное использование персональных данных физических лиц // Власть закона. 2025. № 1. С. 286-291.

185. Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Пределы действия нормы, предусмотренной статьей 272 Уголовного кодекса РФ // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 74-77.

186. Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Предмет неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК) // Законность. 2021. № 5. С. 52-55.

187. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // ОТО. 2014. № 1. С. 655-660.

188. Восканян Р.О., Вольдимарова Н.Г. Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны // Безопасность бизнеса. 2021. № 3. С. 36-37.

189. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 40-43.

190. Гладких В.И. Принуждение или вымогательство? (О проблемах разграничения ст. 179 и 163 УК РФ) // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 32-38.

191. Гладких В.И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 17-21.

192. Грибанова Д.В. Установление единого экономического интереса в делах о картелях и его влияние на квалификацию // Уголовное право. 2023. № 6. С. 14-24.

193. Густова Э.В. Новеллы уголовного законодательства: проблемы конструирования и применения // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 129-137.

194. Давыдова М.Л. Проблема изменений в праве в контексте умного регулирования // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 69-73.

195. Даниловская А.В. Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны // Lex russica. 2020. № 2. С. 84-87.

196. Денисова А.В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ "Ограничение конкуренции" // Российский следователь. 2016. № 13. С. 26-32.

197. Довлатов А.Н. Объект состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Общество и право. 2024. № 4. С. 47-50.

198. Довлатов А.Н. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг): признаки объективной стороны состава преступления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 4. С. 37-40.

199. Довлатов А.Н. Общественная опасность преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, в условиях цифровизации экономических отношений // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова: в 2 ч. / под общ. ред. А.В. Победкина. Москва: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 2. С. 86-91.

200. Довлатов А.Н. Монополистические действия и недобросовестная конкуренция: уголовно-правовые аспекты противодействия / Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти профессора В.Е. Квашица, 20 сент. 2024 г. / редкол.: А.Л. Осипенко, В.С. Соловьев, А.С. Ильницкий и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 352-356 .

201. Довлатов А.Н. Уголовно-правовая характеристика ограничения конкуренции: актуальные проблемы // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 3. С. 115-119.

202. Довлатов А.Н. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: особенности квалификации // Власть закона. 2025. № 3. С. 260-267.

203. Довлатов А.Н. Объективные признаки незаконного получения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 3. С. 85-89.

204. Довлатов А.Н. Уголовное законодательство стран ближнего зарубежья об ответственности за преступления, посягающие на свободу конкуренции // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Бриллиантов. М.: Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 2025. С. 95-100.

205. Довлатов А.Н. Недобросовестная конкуренция в сфере электронной коммерции: вопросы криминализации деяний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2025. № 4. М.: Проспект, 2025. С. 88-93.

206. Довлатов А.Н. Современная уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти преподавателей кафедры уголовной политики Академии управления МВД России – участников Великой Отечественной войны): сборник статей по материалам международной конференции (24 октября 2025 г.). М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 308-312.

207. Довлатов А.Н. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 228-232.

208. Довлатов А.Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства европейских государств об ответственности за монополистические действия и недобросовестную конкуренцию // Общество и право. 2026. № 1. С. 52-56.

209. Довлатов А.Н. Уголовно-правовое значение монополистических действий и недобросовестной конкуренции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 3. С. 120-126.

210. Долотов Р.О., Пархоменко С.Д. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков "неоднократность" и "крупный ущерб" // Уголовное право. 2023. № 11. С. 18-22.

211. Дорохов Н.А., Безрук А.Н. Правовое явление «малозначительные деяния» // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2012. № 1 (53). С. 96-97.

212. Евдокимов К.Н. Вопросы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (по материалам судебной практики) // Российский следователь. 2023. № 5. С. 18-20.

213. Ермаков С.В. Вопросы юридической ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2024. № 1. С. 14-21.

214. Есаков Г.А. Размерные признаки в уголовном законе: к вопросу о существовании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1. С. 78-83.

215. Есаков Г.А. Незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // Уголовное право. 2025. № 11. С. 10-17.

216. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана сведений, составляющих коммерческую, банковскую и налоговую тайны // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 124-132.

217. Жабагинов Р.А. Об уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства зарубежных стран // Российский следователь. 2019. № 6. С. 74-76.

218. Захаркина Е.Ф. Правовые вопросы использования цифрового брендинга в конкурентной стратегии предприятия // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 17-20.

219. Золотин Е.М., Соловьев О.Г. Последствия экономического характера как признак составов преступлений в нормах гл. 22 УК РФ: виды, юридическое содержание, особенности закрепления // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Краснодар, 01–02 февраля 2024 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 413–417.

220. Зубцов А.А., Бесерра Е.О. Уголовно-правовая охрана банковской тайны: анализ отечественной судебной практики // Уголовное право. 2020. № 5. С. 60–64.

221. Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 35–40.

222. Казачкова З.М., Казачков В.А. Проблемы противодействия антиконкурентным соглашениям в условиях цифровой экономики: некоторые экономико-правовые императивы в сравнительно-правовом ключе // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 37–40.

223. Конев Д.А., Пинкевич Т.В. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием цифровых платформ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4. С. 129–135.

224. Конев Д.А., Пинкевич Т.В. Риски использования искусственного интеллекта как орудия и средства совершения преступлений: проблемы правового регулирования и противодействия // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4. С. 148–153.

225. Коростиев А.А. Ноу-хау как предмет преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ // Уголовное право. 2023. № 2. С. 10–24.

226. Кузнецов А.П., Бокова И.Н., Маршакова Н.Н. Преступления в сфере экономической деятельности // Бизнес в законе. 2006. № 1–2. С. 37–42.

227. Кузнецов А.В. Освобождение от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 113–122.

228. Мурадян С.В., Русскевич Е.А. Актуальные проблемы признания криптовалюты в качестве объекта правовой охраны в интересах уголовного правосудия // Информационное право. 2022. № 3. С. 31-34.

229. Непранов Р.Г., Петрашева Н.В. Назад в будущее или Уголовный кодекс Российской Федерации 20 лет спустя // Юрист-Правоведь. 2017. № 1. С. 41-46.

230. Никитина Л.К. Объект состава незаконного использования товарного знака (ст. 180 УК РФ) // Российский следователь. 2009. № 11. С. 47-52.

231. Нудель С.Л., Печегин Д.А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 314-316.

232. Панько К.К. Понятие и общая характеристика законотворческих ошибок в уголовном праве // Уголовное право и криминология: Современное состояние и перспективы развития. Сб. науч. тр. Вып. 1 / Отв. ред. В.В. Трухачев. Воронеж, 2005. С. 176-180.

233. Пилясов И.А., Соловьев О.Г. Особенности уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в законодательстве некоторых зарубежных стран // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 3. С. 306-313.

234. Пинкевич Т.В. Международный опыт противодействия организованной цифровой преступности // Международный научный вестник. 2025. № 12. С. 359-364.

235. Пинкевич Т.В. Противодействие неправомерному обороту средств платежей (ст. 187 УК РФ) на финансовом рынке России // Право и управление. 2025. № 11. С. 435-440.

236. Пинкевич Т.В. Прогнозирование цифровой преступности в современной России // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова. В 2-х частях, Москва, 27 сентября 2024 года. М.: Академия управления МВД России, 2024. С. 117-123.

237. Пинкевич Т.В. Криминологический мониторинг преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Право и управление. 2024. № 10. С. 221-224.

238. Пинкевич Т.В. Трансформация организованной преступности в условиях цифровизации // Право и управление. 2023. № 10. С. 464-469.

239. Пинкевич Т.В. Обеспечение криминологической безопасности в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 2. С. 63-68.

240. Пинкевич Т.В. Организованная преступность и ее трансформации в условиях цифровизации общества // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по материалам Международного форума: в 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / Под редакцией И.Г. Чистобородова. Часть 2. М.: Академия управления МВД России, 2022. С. 205-210.

241. Пинкевич Т.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота цифровой валюты (криптовалюты) // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4. С. 82-96.

242. Письмо ФАС России от 21.10.2019 № АК/91352/19 «Об использовании средств индивидуализации в качестве ключевых слов» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

243. Плешаков А.М., Осипов В.А., Мордовец А.А. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 187-189.

244. Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 60-76.

245. Рарог А.И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 584-590.

246. Рускевич Е.А. Использование служебного положения при нарушении авторских и смежных прав // Законность. 2026. № 1. С. 18-23.

247. Рускевич Е.А. Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Уголовный процесс. 2025. № 7. С. 53-59.

248. Рускевич Е.А. О совокупности преступлений в сфере компьютерной информации с другими преступлениями // Уголовное право. 2025. № 4. С. 76-84.

249. Рускевич Е.А. Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5. С. 26-33.

250. Рускевич Е.А. Об уголовном наказании и цифровизации // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 3. С. 457-468.

251. Рускевич Е.А. Персональные данные в механизме уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13. № 5. С. 75-86.

252. Рускевич Е.А., Чекунов И.Г. Квалификация неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Уголовное право. 2022. № 5. С. 26-35.

253. Рускевич Е.А., Дмитренко А.П., Кадников Н.Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 3. С. 585-598.

254. Сабитов Т., Морозов М. Вывод по аналогии при квалификации преступлений // Уголовное право. 2014. № 2. С. 63-68.

255. Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана обработки персональных данных в сфере спорта: постановка вопроса // Российский следователь. 2024. № 6. С. 39-40.

256. Сегал (Решетникова) С.Б., Маслов А.О. Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы

правоприменительной практики // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2. С. 10-17.

257. Серго А.Г. Беспилотники и авторское право (к вопросу об использовании "недвижимости" для создания результатов интеллектуальной деятельности) // Закон. 2023. № 5. С. 87-90.

258. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6 (234). С. 125-133.

259. Тесленко А.В. Долгий путь к эффективной уголовно-правовой защите конкуренции в современной России: 30 лет реформ // Закон. 2021. № 5. С. 101-124.

260. Титов С.Н. Моделирование состава преступления против интеллектуальной собственности // Российский следователь. 2022. № 10. С. 48-52.

261. Титов С.Н. Момент окончания преступлений против интеллектуальной собственности // Уголовное право. 2024. № 7. С. 24-40.

262. Тюнин В.И. Неоднократность и административная преюдиция в уголовном законе (соотношение понятий) // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 4 (47). С. 150-155.

263. ФАС в СМИ: Путин: наказание за нарушение антимонопольных законов должно быть более жестким. URL: <https://fas.gov.ru/publications/15059> (дата обращения: 20.10.2024).

264. Федоров П.Г. Преюдиция в спорах с сотрудниками по вопросам коммерческой тайны // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 45-56.

265. Филатова М.А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11. С. 35-43.

266. Харламова А.А., Аюпова Г.Ш. Проблемы толкования понятия "незаконное использование" для целей ч. 1 ст. 180 УК РФ // Уголовное право. 2023. № 8. С. 41-49.

267. Шаститко А.Е., Дозмаров К.В. Уголовное право в антитрасте – хорошее место для встречи права и экономики // Закон. 2020. № 9. С. 141-150.

268. Шахназаров Б.А. Пресечение недобросовестной конкуренции, недобросовестной рекламы и защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 27-38.

269. Шевелева С.В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 111-118.

270. Яни П.С. Роль Верховного Суда РФ в решении проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Закон. 2008. № 11. С. 39-50.

271. Яо Б. Система законодательства об электронной коммерции в Китайской Народной Республике // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 27-30.

VI. Диссертации, авторефераты диссертаций

272. Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 171 с.

273. Даниловская А.В. Концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2024. 46 с.

274. Деревягина О.Е. Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2021. 259 с.

275. Жабагинов Р.А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 202 с.

276. Карташов С.В. Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 245 с.

277. Клепицкий И.А. Система норм о хозяйственных преступлениях: основные тенденции развития: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 623 с.

278. Козлов А.А. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.

279. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 231 с.

280. Лаптев Д.Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 181 с.

281. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 43 с.

282. Серебруев И.В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 262 с.

283. Шипунова М.Н. Обман как уголовно-правовой феномен: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 212 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты опроса сотрудников правоохранительных органов и судей по проблемам уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией

№	Вопрос	Варианты ответов	Распределение ответов
1.	Какие преступления посягают на отношения свободной конкуренции?	а) ст. 178, 180, 183 УК РФ б) ст. 178, 179, 180, 183 УК РФ в) ст. 178, 179, 183 УК РФ г) затрудняюсь ответить	79 % 10 % 7 % 4 %
2.	Согласны ли Вы с утверждением о том, что основной непосредственный объект состава ограничения конкуренции выражается в общественных отношениях, складывающиеся в связи с обеспечением гарантированной Конституцией РФ свободы соперничества хозяйствующих субъектов, основанного на рыночных правилах?	а) нет, не согласен б) да, согласен в) затрудняюсь ответить	10 % 80 % 10 %
3.	Незаконное использование средств индивидуализации посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением ...	а) прав на средства индивидуализации б) имущественных прав правообладателей средств индивидуализации в) добросовестной конкуренции посредством недопущения незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) г) затрудняюсь ответить	26 % 2 % 68 % 4 %
4.	Возможна ли квалификация действий должностного лица в качестве исполнителя ограничения конкуренции?	а) нет, невозможна б) да, возможна в) затрудняюсь ответить	88 % 12 % 0 %
5.	Ограничение конкуренции, совершенное лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, подлежит квалификации ...	а) только по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ б) по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ и по ст. 201 УК РФ в) затрудняюсь ответить	72 % 6 % 22 %

6.	Если содеянное лицом одновременно подпадает под признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 178 и ст. 179 УК РФ, применению подлежит ...	а) ч. 4 ст. 178 УК РФ и ст. 179 УК РФ б) только ч. 4 ст. 178 УК РФ в) затрудняюсь ответить	11 % 74 % 15 %
7.	При одновременном наличии в содеянном признаков преступлений, предусмотренных ст. 183 и 272 ¹ УК РФ, применению подлежит ...	а) только ст. 183 УК РФ б) только ст. 272 ¹ УК РФ в) совокупность ст. 183 и ст. 272 ¹ УК РФ г) затрудняюсь ответить	8 % 11 % 75 % 6 %
8.	Как Вами оценивается предложение об исключении последствий в виде ущерба или дохода в крупном размере в ст. 178 УК РФ?	а) положительно б) отрицательно в) затрудняюсь ответить	82 % 11 % 7 %
9.	Усматриваете ли Вы целесообразность криминализации других предусмотренных в антимонопольном законодательстве форм недобросовестной конкуренции в рамках ст. 178 УК РФ?	а) да, усматриваю б) нет, не усматриваю в) затрудняюсь ответить	69 % 20 % 11 %
10.	Поддерживаете ли Вы предложение о необходимости криминализации деяния в виде заведомо ложной рекламы?	а) нет, не поддерживаю б) да, поддерживаю в) затрудняюсь ответить	9 % 91 % 0 %